

МОЛОДЁЖЬ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ЭПОХИ: КУЛЬТУРА, АРТЕФАКТЫ, ЦЕННОСТИ

**Материалы XI Международной
научно-практической
конференции**

г. Тула, 24–25 апреля 2023 г.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»

**МОЛОДЁЖЬ И ДУХОВНОЕ
НАСЛЕДИЕ ЭПОХИ:
КУЛЬТУРА, АРТЕФАКТЫ, ЦЕННОСТИ**

*Материалы XI Международной
научно-практической конференции*

г. Тула, 24–25 апреля 2023 г.

Тула
ТГПУ им. Л. Н. Толстого
2023

ББК 71.061.2
М75

Редакционная коллегия:

кандидат политических наук, доцент *К. А. Подрезов*;
доктор педагогических наук, профессор *Е. Ю. Ромашина*;
кандидат филологических наук, доцент *Ж. Е. Фомичева*;
кандидат политических наук, доцент *С. В. Краюшкина*;
доктор филологических наук, доцент *Н. А. Красовская*;
кандидат филологических наук, доцент *Л. Б. Барулина*

Молодёжь и духовное наследие эпохи: культура, артефакты, ценности : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Тула, 24–25 апр. 2023 г.) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Минимальные систем. требования: Intel Celeron 1700 MHz и выше, 128 Мб RAM, 300 Мб на винчестере, ОС Microsoft Windows 7 и выше; дисковод CD-ROM 2x и выше, SVGA 64 Mb; мышь. – Загл. с этикетки диска. – ISBN 978-5-6049753-4-3.

В настоящий сборник включены статьи XI Международной научно-практической конференции «Молодёжь и духовное наследие эпохи: культура, артефакты, ценности».

В сборнике представлены материалы пленарного и секционных заседаний конференции, отражающих основные направления научных исследований преподавателей и студентов вузов России и зарубежных стран и посвященных изучению взаимосвязи языков и культур, функционирования литературы и фольклора, проблем перевода, методических аспектов преподавания языка, литературы, культуры и истории.

ББК 71.061.2

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абрамова В. И. Золотухин Д. С.</i> Автобиографические мотивы в детских рассказах С. А. Толстой.....	6
<i>Агибалов М. С.</i> Перлокутивный эффект	9
<i>Агибалов М. С.</i> Эффективность речи	11
<i>Бакшаева Е. А.</i> Стилистические особенности феномена донбасской поэзии в лирике Д. Мельникова	13
<i>Вихренко Ю. В.</i> Лексико-семантическое поле «свобода»: структурные и функциональные особенности (на материале русского, белорусского и английского языков).....	18
<i>Воронцова К. А.</i> Изменения в речи персонажей романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история» Александра и Петра Адуевых	21
<i>Гавриловец Л. В.</i> Обрядовые песни белорусско-польско-украинского пограничья	25
<i>Гаева А. М.</i> Наименование лица – ключевой компонент фразеологической единицы: сопоставительный аспект	28
<i>Гелахова А. О.</i> Научная терминология как основа построения фанфика	35
<i>Захарова Л. В.</i> Мир семьи в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»	38
<i>Капишук Т. В.</i> Основные жанры в лирике М. Денисовой	42
<i>Колесникова Е. С., Шевченко М. Н.</i> Сравнительный анализ оригинального и переводного текста повести Владимира Короткевича «Дикая охота короля Стаха»	45
<i>Костромина Е. В.</i> Интерпретация сюжетов зарубежной литературы в песнях группы «Король и Шут»	49
<i>Красовская Н. А.</i> Актуальность фольклорного материала на занятиях по РКИ в сербской аудитории	52
<i>Куликова Н. С.</i> Жанровые особенности постмодернистского романа (на материале романа Питера Акройда «The House of Doctor Dee» («Дом доктора Ди»)).....	56

<i>Лю Лу</i>	Образ «Шалуна» в китайской и русской литературе	60
<i>Овчинникова З. О.</i>	Роль социокультурного компонента при обучении русскому языку как иностранному на подготовительном отделении	63
<i>Ралко А. О.</i>	Специфика употребления сокращенных лексических единиц в текстах англоязычных СМИ	67
<i>Рудько Т. В.</i>	Синтаксические средства выражения категории количества в белорусском и английском языках	71
<i>Сальников В. С.</i>	Роль Telegram-каналов в процессе обновления лексики русского языка	75
<i>Сафонова Т. В.</i>	Грани реализма в лингвопоэтике произведений И. С. Тургенева.....	78
<i>Сингх Р.</i>	А. П. Чехов в Индии: специфика перевода его произведений	81
<i>Смоленцев В. П.</i>	Использование приемов сатирического языка в романе-антиутопии Замятина «Мы» как механизм критической оценки общества	87
<i>Сорокина Т. А.</i>	Проза Б. Пильняка в контексте стилевых исканий XX века (по роману «Голый год»).....	90
<i>Стародворцев Н. Р.</i>	Названия хлебобулочных изделий в областях Центрального федерального округа.....	93
<i>Стародубец С. Н., Белугина О. В.</i>	Лексикографирование восточнославянских мифонимов: традиции и тенденции ...	96
<i>Тараканова Е. К., Томина С. П.</i>	О роли воспитательной работы с иностранными и российскими учащимися в современных условиях	100
<i>Фадеева П. А.</i>	Генезис анархистских идей в трудах П. А. Кропоткина	103
<i>Фатюшина Е. Ю., Богачев М. С.</i>	Потенциал использования телеграм-канала для улучшения навыков говорения на иностранном языке	106
<i>Федотова А. А.</i>	К вопросу об особенностях функционирования и способах перевода юридической терминологии в современных англоязычных романах.....	109
<i>Филимонова Д. А.</i>	Образ провинции в творчестве В. В. Лихачева.....	112

<i>Хисамутдинова Д. Р.</i>	
Поликультурный мир современного города (на материале эргонимов г. Уфы).....	117
<i>Цзан Вэйчэнь</i>	
Фразеологизмы с числительными в русском и китайском языках	123
<i>Черенкова Б. В.</i>	
Ценностно-смысловой контекст ономастического пространства современного города.....	129
<i>Шевченко М. Н.</i>	
Художественная литература – инструмент духовно-нравственного воспитания школьников	132
<i>Шэнь Вэньцзюнь, Сунь Лэй</i>	
Сравнительный анализ образов «маленького человека» в повести «Шинель» и в рассказе «Муму»	137

В. И. Абрамова, Д. С. Золотухин

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)*

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ДЕТСКИХ РАССКАЗАХ С. А. ТОЛСТОЙ

Аннотация. В работе исследуются рассказы С. А. Толстой для детей. Анализируются автобиографические мотивы, такие как совпадение локаций в реальной жизни и в художественных произведениях; совпадение имен и характеров детей Толстых и персонажей рассказов, совпадение событий семейной жизни семьи Толстых и героев произведений и др.

Ключевые слова: С. А. Толстая, детские рассказы, семейная атмосфера, автобиографические мотивы, Ясная Поляна.

Целью настоящего исследования является выделение автобиографических мотивов в рассказах С. А. Толстой. Объектом исследования являются рассказы С. А. Толстой для детей. Предмет исследования – автобиографические мотивы, детали, образы. Методы исследования: сбор и обработка информации, обобщение. Актуальность данной работы обусловлена тем, что постоянно увеличивается количество людей, желающих разгадать тайну обаяния женщины, на протяжении многих лет жившей рядом с Гением, – тайну жены Л. Н. Толстого.

Софья Андреевна Толстая – удивительная женщина. Долгие годы она несла на своих хрупких плечах тяжёлую ношу – была женой Гения, помогала ему в работе, налаживала его быт так, чтобы ничего не отвлекало от творчества; воспитывала многочисленных детей, создавая в доме неповторимую атмосферу. А ещё она прекрасно фотографировала и писала рассказы для детей.

Мы выделили те рассказы С. А. Толстой, в которых сильны автобиографические мотивы. Это «Куколки-скелетцы», «Ваничка», «Спасённый Такс».

Особое внимание мы сосредоточили на рассказе «Куколки-скелетцы» как наиболее полно отражающем жизнь Ясной Поляны. Он включает элементы святочного рассказа. Действие в первой части произведения происходит накануне Рождества. Барыня Ольга Николаевна едет в город, чтобы купить подарки к празднику. По дороге она встречает крестьянку, вдову Ивановну, которая ведет продавать корову (нет средств на ее содержание). Корова в крестьянском хозяйстве была кормилицей, незаменимым помощником и почти членом семьи. Не случайно в рассказе говорится о том, что дети Ивановны плакали, провожая свою корову. Ольга Николаевна дает крестьянке денег – 25 рублей, – совершая для бедной женщины настоящее рождественское чудо. В городе барыня покупает подарки всем своим детям. Кроме того, она будет устраивать праздник для крестьянских детей. Ломая голову над тем, чем можно их одарить, Ольга Николаевна видит в игрушечной лавке деревянных куколок. Это и есть те самые куколки-скелетцы, которые дали название рассказу. Барыня покупает сорок штук и едет домой. Там все дети включаются

в работу по одеванию голых скелетцев. Получаются чудесные подарки, у каждого из которых будет своя история во второй части произведения: солдата растерзает щенок, ангела похоронят вместе с его маленькой хозяйкой Акулькой, офицер уплывет на лодочке по весеннему ручью, а царя его владелец – вдовый сын Мишка – продаст богатому мальчику, чтобы купить еды для себя и матери. С. А. Толстая не понаслышке знакома с тяготами жизни простых людей. Она пишет о крестьянах с любовью и сочувствием. Глубокое проникновение в народное мировосприятие отражается благодаря тому, что в рассказе четко обозначаются календарные вехи, важные для простых русских людей: Рождество, Масленица, Великий Пост, Пасха.

К автобиографическим мотивам мы отнесли следующие:

- место действия

«Посреди главной улицы города Т...» [3, с. 7] («Куколки-скелетцы»); «Недалеко от города Т..., в сельце Красные Поля» [3, с. 9] («Куколки-скелетцы»). Мы понимаем, что город Т... и Красные Поля – это Тула и Ясная Поляна.

- совпадение имён

Илюша из «Куколок-скелетцев» – Илья Львович Толстой; Таня из «Куколок-скелетцев» – Татьяна Львовна Толстая; Сережа из «Куколок-скелетцев» – Сергей Львович Толстой; Крошка Маша из «Куколок-скелетцев» – Мария Львовна Толстая; Лёля из «Куколок-скелетцев» – Лев Львович Толстой; Саша и Ваня из «Ванички» – Александра Львовна Толстая и Иван Львович Толстой; Миша из «Спасенного Такса» – Михаил Львович Толстой.

- описания и характеры детей в рассказах во многом совпадают с характерами детей Льва Николаевича и Софьи Андреевны Толстых: «*маленький толстяк Илья, любивший покушать сладости*», «*Илюша любил лошадей*»; «*9-летняя живая и бедовая Таня*», «*черноглазая быстрая Таня*», любимица отца; рассудительный «*маленький Лёля*»; «*степенный Сережа, игравший в зале гаммы*», «*Сережа был серьезный мальчик*»; «*крошка Маша*» [3, с. 9–10] с худыми беленькими ручками, в тексте постоянно подчеркивается, что она маленькая, в семье Толстых Машу звали «*little Маша*»; «*сестра моя Саша, слепая, как и мама*» (имеется в виду: близорукая); «*моему брату Мише подарили Такса, собачку на коротких ногах... Миша жалел ее и не хотел с ней расстаться*» [3, с. 91–92].

- в рассказах упоминаются люди, которые в действительности входили в окружение Софьи Андреевны Толстой: «*...экономка Дунечка распахала по уголкам саней мешки и кулечки для провизии*» (рассказ «Куколки-скелетцы») [3, с. 10]. В словаре Ю. В. Архангельской «Лев Толстой в языке и речи» можем прочитать о том, что в услужении у Толстых было сразу три девушки по имени Дуня. У каждой из них было свое прозвище: одна звалась «Дуняша по дорожкам» (когда ее отправляли гулять с детьми, она кричала: «Дети, по дорожкам, по дорожкам»), вторую звали «Дуняша позабылась» (она была очень рассеянной), третью звали «Дуняша, мамá пришла за делом» (Илья Толстой вспоминал: «Она жила во флигеле внизу и всегда запиралась на замок. Когда мы с мамá приходили к ней, мы стучали в дверь и кричали: «Дуняша, мамá пришла за делом») [1, с. 50–51].

• совпадение событий семейной жизни в рассказах и событий в жизни обитателей Ясной Поляны: «Софья Андреевна завела правило в семье – наряжать ёлку игрушками, которые она сама мастерила вместе с детьми. Обычно, для изготовления таких игрушек использовали грецкие орехи, которые оклеивали золотыми бумажками, а затем их подвешивали на ёлку. Дети вместе с матерью делали новогодние украшения из картона, цветной, золотой и серебряной бумаги» [2, с. 190]. Дочь Л. Н. Толстого Татьяна вспоминала, что каждый из детей старался придумать что-то интересное: они клеили коробочки, корзиночки, бочонки, украшали их разными фигурами. А Софья Андреевна покупала куколок-скелетцев. Количество их доходило до ста, чтобы подарок достался каждому крестьянскому ребенку, который придет на елку. Софья Андреевна вместе со своими детьми шила куколкам наряды, потому что продавались они не одетыми. Скелетцы превращались в девочек, мальчиков, ангелов, царей, цариц, крестьян и крестьянок в национальных костюмах. В рассказе Софьи Андреевны читаем: «Началась кройка, примерка; сочиняли для скелетцев всякие костюмы. <...> Первого, самого хорошенького скелетца одели ангелом. Пышная, белая кисейная рубашечка, на голове венчик из золотой бумаги, а за деревянной спинкой два кисейных, натянутых на тонкий каркас, крылышка. <...> Были наряжены и кормилица в кокошнике, и старушка с белыми волосами из ваты, и цыганка в красной шали через плечо, и танцовщица в коротенькой юбочке с цветочками на голове, и два солдатика в синем и красном мундирах, и паяц с острой шапкой, на конце которой был пришит бубенчик. Был и повар весь в белом, и ребеночек в чепчике, и царь в золотой короне» [3, с. 18–19].

• атмосфера семейной жизни, воссозданная в рассказах, во многом соответствует неповторимой атмосфере яснополянской жизни:

«Дети были в восторге от скелетцев. Три вечера подряд шла работа, и все сорок штук были готовы и стояли рядами на столе...

Дети совсем потеряли терпение – и те, которые жили в доме, и те, которые собрались у крыльца на дворе. Там была целая толпа, почти вся деревня; дети болтали, толкали друг друга, заглядывали в окна дома, делая свои замечания. <...>

Стали дарить деревенским детям лошадок, дудки, старшим – книжечки, гармонии, меньшим – скелетцев. Таня набрала в руку несколько штук и, соображая по характерам, совала быстро в протянутые красные ручки ребят и девочек куколок-скелетцев» [3, с. 19, 21, 23].

Итак, детские рассказы С. А. Толстой наполнены отсылками к реальным событиям, лицам, традициям Ясной Поляны и являются для нас уникальным источником, позволяющим погрузиться в атмосферу дома Льва Николаевича Толстого.

Литература

1. Архангельская Ю. В. Лев Толстой в языке и речи. Тула : ТППО, 2016.
2. Гриценко Е. П. Традиции любительского театра в семье Л. Н. Толстого // Спасский вестн. 2004. № 10. С. 180–194.
3. Толстая С. А. Куколки-скелетцы и другие рассказы. М., 1910.

М. С. Агибалов

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)*

Научный руководитель – **Д. А. Романов**

ПЕРЛОКУТИВНЫЙ ЭФФЕКТ

Аннотация. В данной статье рассматривается явление перлокутивного эффекта, его типы и проявления.

Ключевые слова: речь, перлокутивный эффект, локуция, иллокуция, речевая коммуникация.

В нынешних реалиях языковой вопрос пропаганды и её эффективности наиболее актуален. Основное «оружие» в наше время – представление информации в таком свете, что адресат либо поменяет свою точку зрения на точку зрения адресанта, либо целевая аудитория начнет действовать в направлении изначальной коммуникативной цели и др. Все это является перлокутивным эффектом, который будет рассмотрен в данной статье.

Для начала, нужно сказать о теории речевых актов: теория речевых актов – «возможность рассмотреть три основные процесса речевой коммуникации – 1) локуцию, 2) иллокуцию и 3) перлокуцию» [1. С. 139].

1) Локуция – это то, что адресант говорит в тот или иной момент времени.

2) Иллокуция – цели, о которых говорит адресант, приносящиеся для непосредственного воздействия на адресата.

3) Перлокуция – коммуникативная цель, которая была достигнута (адресат поменял свои взгляды).

Успешность перлокутивного эффекта зависит от различных обстоятельств: социального статуса адресата и адресанта; ситуации; темы коммуникации; непосредственного желания обеих сторон в осуществлении речевой коммуникации.

Рубанова выделяет 4 типа перлокутивного эффекта:

1) «Охотное выполнение действий» [1, с. 140]. Может проявляться следующими фразами, словами, модальными глаголами, незамедлительными действиями, означающими безоговорочное согласие с донесенной информацией: «конечно я сделаю это; непременно; сию минуту; не могу не согласиться».

2) «Неохотное выполнение действий» [1, с. 142]. Проявляется во фразах обратных первому типу: «я попытаюсь; ну ладно; посмотрим; хотелось бы верить в это». Невербально проявляется в выполнении тех или иных действий «из-под палки».

3) «Отказ выполнить действия выраженный, в вежливой форме» [1, с. 143]. Основной признак данного типа – вежливый отказ от выполнения навязываемого действия. Может проявляться в следующих фразах: «извините, но я не могу; к сожалению, не сегодня; мы вам перезвоним». В данном случае, хоть перлокутивный эффект не был достигнут, нельзя говорить о его полном провале, ведь

адресат был вежлив, что говорит о правильно выбранных коммуникационных стратегиях.

4) «Отказ выполнить действия выраженный, в невежливой форме» [1, с. 144]. Как можно понять из названия, данный тип характеризуется нежеланием выполнять задуманное адресантом действие, выраженным в невежливой вербальной или невербальной форме: «не буду я это делать, дурак; такой увалень не сможет меня напугать». В этом случае можно сказать, что адресант не учел индивидуальных особенностей адресата или целевой аудитории.

Таким образом, «практически в каждой речевой коммуникации мы встречаемся с речевым воздействием» [2, с. 164]. При достаточной подготовке, правильном подборе слов, грамотной речи можно добиться перлокутивного эффекта.

Литература

1. Рубанова О. А. Типы перлокутивного эффекта высказываний с семантикой побуждения в ситуациях повседневного общения // Науч. тр. Южного федерального ун-та. 2013. № 2. URL: http://hses-online.ru/2013/02/10_02_19/15.pdf

2. Капитонова И. В. Перлокутивный эффект директивных речевых актов в конвенциональном межличностном общении // Науч. тр. Волгоград. гос. ун-та. 1998. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perlokutivnyy-effekt-direktivnyh-rechevyh-aktov-v-konventsionalnom-mezhlichnostnom-obschenii-1/viewer>

М. С. Агибалов

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)*

Научный руководитель – **Д. А. Романов**

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕЧИ

Аннотация. В данной статье рассматривается эффективность речи, способы её достижения, приёмы речевого воздействия на адресата.

Ключевые слова: речь, эффективность речи, языковая коммуникация, адресат, адресант, речевое воздействие, коммуникация.

В век информации речь является одним из самых важных коммуникационных средств, которое используется людьми для передачи информации и общения друг с другом. Эффективность речи имеет огромное значение в различных сферах деятельности, начиная от образования, заканчивая бизнес-сферой и политикой. Правильно построенная речь может помочь человеку достичь своих целей, убедить слушателей в правильности своих аргументов и качествах личности. В то же время неэффективная речь может привести к недопониманию, конфликтам и даже провалу в деловых переговорах. Изучение эффективности речи является актуальной темой для научных исследований. Существует много факторов, которые влияют на эффективность речи, такие как выбор слов и фраз, структурирование мыслей, использование аргументов и примеров и т. д. Также важно учитывать контекст и аудиторию, чтобы успешно достигать поставленных целей. В этой статье рассмотрены различные аспекты эффективной речи, включая ее определение, факторы, влияющие на ее эффективность, а также стратегии для ее улучшения.

Эффективность речи – «свойство речи, свидетельствующее о том, насколько речь достигла поставленной задачи» [1, с. 359]. Но от чего зависит её успешность? Можно ли, зная определенные факторы и аспекты языковой коммуникации, организовать эффективную речь?

Основы успешной языковой коммуникации: «1. Наличие ясной и понятной цели. 2. Метод коммуникации должен соответствовать цели. 3. Между всеми участниками коммуникации должно быть достигнуто понимание терминологии ключевых понятий. 4. Адаптировать речь под целевую аудиторию» [2, с. 47].

Очень важно создать позитивный коммуникативный климат, позволяющий наладить общение между участниками общения. Для увеличения эффективности речи и наибольшего достижения желаемого результата, адресант должен заранее определить коммуникативную стратегию – «часть коммуникативного поведения, в которой для достижения определенных целей используется серия различных вербальных и невербальных средств» [2, с. 41], и коммуникативная тактика – «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [2, с. 41].

Немалую роль в эффективности речи играет и языковой опыт, являющийся совокупностью эффективных и неэффективных языковых приемов, позволяющих достичь цели языковой коммуникации.

Усиление речевого воздействия – это неотъемлемая часть искусства ораторского мастерства. При использовании различных приемов можно добиться большей эффективности своего выступления. Один из таких приемов – периодические повторы и обращения. Именно благодаря этому происходит подсознательное кодирование необходимой информации. Еще один прием – эмоциональная речь. Человек лучше запоминает те речевые обороты, которые вызывают у него сильные эмоции. Кроме того, нахождение в открытых позах может помочь оратору вызвать подсознательное доверие у адресата. Важным элементом успешного выступления является непосредственный контакт со слушателем. Благодаря ему вы сможете привлечь его внимание и убедительно донести вашу точку зрения. Ключевым фактором для успеха выступления также является грамотная речь. Она должна быть уверенной и четкой, чтобы слушатель понимал все, что вы хотите сказать. Кроме этого, очень эффективным приемом является апелляция к авторитету. Вы можете доказать свою правоту, обращаясь к своему социальному статусу, возрасту и другим параметрам. В целом, использование этих приемов поможет вам сделать ваше выступление более убедительным и запоминающимся для слушателей. В своем исследовании Колесникова Л. Н. выяснила, что средствами эффективной речи являются: «1) нравственно-этические качества личности оратора: обаяние, интеллигентность, артистизм, доброжелательное и уважительное отношение к аудитории, увлеченность и заинтересованность предметом речи, спокойствие, уверенность» [3].

Таким образом, эффективность речи зависит от многих факторов и достигается немалыми усилиями. Более того, её невозможно достичь, если собеседник вообще не настроен на это. Поэтому главными факторами успешности коммуникации являются: умение слушать и слышать.

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М. : ИКАР, 2009. URL: http://linguistics-online.narod.ru/olderfiles/1/azimov_e_g_shukin_a_n_novyuy_slovar-21338.pdf
2. Бастриков А. В., Бастрикова Е. М. Русский язык и культура речи // Науч. тр. Казан. федер. ун-та. 2004. URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/21924/10_157_kl-000815.pdf#:~:text=Эффективность%20речи%20-%20одно%20из,успешностью%20его%20контакта%20с%20адресатом
3. Колесникова Л. Н. Риторические средства эффективной речи // Науч. тр. Орлов. гос. ун-та. 2015. № 10. С. 41. URL: <https://research-journal.org/archive/10-41-2015-november/ritoricheskie-sredstva-effektivnoj-rechi>

Е. А. Бакшаева

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)*

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНА ДОНБАССКОЙ ПОЭЗИИ В ЛИРИКЕ Д. МЕЛЬНИКОВА

Аннотация. В статье проанализированы особенности стилистики произведений донбасского цикла поэта Д. Мельникова, составлена таблица устойчивых образов и обозначена их функция. Текст дает представление о языковых факторах проникновения военной тематики в экстралингвистический контекст современных произведений.

Ключевые слова: донбасская поэзия, образ, экстралингвистический контекст, лирическое стихотворение, послание.

Дмитрий Петрович Мельников – современный российский писатель [2], в крайней своей книге стихотворений «Легкий Характер» (2021) косвенно отразивший проникновение военной тематики в экстралингвистический контекст поэтического произведения. В сборник московского автора вошел цикл «Донбассских стихов», современными исследователями принятый по-разному.

Публицисты «Московского комсомольца» в статье «Донбасская поэзия: чего не видел, о том пою» [6] сравнили труды Мельникова с «портретом по фотографии» ввиду отсутствия у поэта опыта пребывания на территории ДНР и ЛНР. Сетевые рецензенты в поддержку автора сослались на высказывание австрийского нобелевского лауреата по литературе Элиаса Каннети: «Подлинные поэты встречаются со своими персонажами лишь после того, как создали их» [1]. В статье мы определим некоторые стилистические особенности лирики Мельникова без учета его территориальной относительности.

Экстралингвистический контекст «Донбассского цикла» коррелируется временем гражданской войны в Украине (апрель 2014 – февраль 2022), а также проведения Специальной военной операции в Украине и на новоиспеченных территориях РФ, а именно с 2021 года по настоящее время. Среди городов, упоминаемых в лирике: Мариуполь, Горловка, Попасная, Рубежное, косвенно Донецк: «Он под Сауркою пропал» [4]. Саурка – ласковое название кургана Саур-Могилы столицы ДНР, где ожесточенные бои шли с 2014 года.

События происходят не в хронологическом с проведением военных действий порядке. На наш взгляд, тексты цикла написаны выборочным способом.

Вошедшие в книгу произведения – преимущественно лирические стихотворения: «От дома отчего – стена...», «Сорок лет войны пузырится пена...», «Уехал Иван на Восток с войны...», «Полковник», «Опять гремит за терриконами», «С утра снаряд прошивает дом...», «Он в трениках пришел ко мне...», «Громкий стоит зуммер» - и послания: «Запомни меня живым...», «Тебе дадут посмертно орден», «Ты говорила мне про змей», «Напиши мне потом, как живому, письмо...», «Жизнь занятная штука, Настасья...».

Лирические стихотворения содержат небольшой сюжет с обязательной составляющей темой смерти. Представлены от одного до трех действующих персонажей, не считая изображения неопределенного количества военных как неделимого целого.

Послания, как и произведения предыдущего жанра названы по первой строке и не содержат представленного адресата. Однако с ходом лирики он косвенно обрисовывается описанием отношений с автором: любовных, семейных, дружеских. Лишь в «Жизнь занятная штука, Настасья...» читатель узнает имя предполагаемого получателя. Философские мотивы посланий перекликают их с элегиями. Лирические субъекты-адресанты рассуждают о жизни, смерти, Боге, вечности.

Вне зависимости от жанра поэзия Мельникова имеет устоявшиеся образы, представленные в таблице.

Образ	Произведение	Цитата-подтверждение
Библейские существа: Бог, ангел смерти	«Полковник» «Тебе дадут посмертно орден...» «Громкий стоит зуммер...»	<i>...мы стоим на берегу, где лань со львом и Бог с учениками.</i> <i>Получишь ангелов до взвода. В буквальном смысле — небожитель,</i> <i>...или зовешься по-другому, Господь, конечно, знает Сам.</i> <i>...ангел смерти машинкой стрижет овец, и с неба летит их шерсть.</i>
Небо	«Тебе дадут посмертно орден...» «Жизнь занятная штука, Настасья...» «Громкий стоит зуммер...»	<i>стал к вечному причислен дому и равен русским небесам.</i> <i>Иногда посреди темноты небеса замирают от счастья и роняют на землю цветы.</i> <i>Ангел смерти машинкой стрижет овец, и с неба летит их шерсть.</i>
Внезапная смерть	«Утром на хуторе средь обгорелой...» «С утра снаряд прошивает дом...»	<i>Но прилетела откуда-то с неба смерть и ударила справа и слева.</i> <i>С утра снаряд прошивает дом, убивает отца и мать,</i>
Яблоки	«Опять гремит за терриконами...» «Утром на хуторе средь обгорелой...»	<i>Садится у окна на лавочке под самый яблоневый цвет...</i> <i>Утром на хуторе средь обгорелой, черной, сырой, ледяной, очумелой</i>

Образ	Произведение	Цитата-подтверждение
		<i>донбасской святой земли яблони расцвели.</i> <i>Жаль, что до нового урожая яблок не дожидка.</i>
Снег	«Напиши мне потом, как живому, письмо...» «Жизнь занятная штука, Настасья...» «Громкий стоит зуммер...» «Уехал Иван на Восток с войны...»	<i>над ним распротерся космический флот – снежно-белая русская вата.</i> <i>И стоит, занесенный цветами, словно снегом, наш утренний сад</i> <i>где на бетонный барельеф ложится мокрый снег, кто дрался за Донбасс как лев стоят живее всех</i> <i>и мокрый снег летит сквозь них, как белые цветы</i> <i>и лежат они аккуратно в белом как снег камуфляже</i> <i>но выстужен дом и нету жены и снегом покрыт пол</i>
Солдат-мерт- вец	«Уехал Иван на Восток с войны...» «Запомни меня живым...» «Напиши мне потом, как живому, письмо...»	<i>Уехал Иван на восток с войны, домой, как живой, пришел</i> <i>никогда тебя не покину - умершего душа фильтруется через глину</i> <i>Я не умер, я сплю, и к моим сапогам подступает Азовское море.</i>

[3, 4, 5]

Бог канонично гиперболизирован и представлен вездесущим покровителем, наставником солдат на пути в вечное небо. Надземный купол в свою очередь – пристанище умерших, где каждый не обретает покой, а получает новых или уже знакомых солдат на подмогу, с которыми впоследствии отправится защищать живых. Олицетворением и метафорой: «небеса...роняют на землю цветы» [4] Мельников добавляет верхнему миру движения и живого, человеческого могущества.

С неба прилетает символ, «универсальная эстетическая категория» [8] земного мертвенного покоя – снег. Холодный кристалл отражает отсутствие жизни и движения, тишину дома с погибшими хозяевами, поля боя с мертвыми

солдатами. В лирике введена композиционная антитеза: падение снега-белых цветов предвещает отправку душ наверх, а неподвижность замерзшей воды – приход умершего на землю (см. табл.). В некоторых контекстах снег назван через сравнение с другими предметами-покровами, чтобы скрыть прямую отсылку к гибели и добавить символу метафоричности.

Нередко солдат-мертвец предстает лирическим субъектом стихотворения или нарратором послания. Поскольку на небе он живет вторично, просит родных не называть его покойником. Это подтверждает анафора из побудительных глаголов «*Напиши...*» [5].

Также умерший систематически приходит в оставленный дом в виде неосознаваемой сущности, преследуемой снегом. В таких композициях нарратор – тот, кто его встречает или объективный автор, как и в остальных сюжетах.

Мельников также в произведениях выделяет символ жизни – яблоки. Они лишены средств выразительности и предстают пейзажем-надеждой на лучшее.

Для описания «*святой*» земли Донбасса автор прибегает к эпитетам «*обгорелой, черной, сырой, ледяной, очумелой*» [4], представленных градацией от жары к холоду, от боя к покою, от жизни к смерти.

Общая мрачность произведений цикла обрисовывает идею описания трагичности солдатской участи и ужасов войны.

Мотив, «*своеобразная микротема*» [8] внезапной смерти нередко отражена разговорной и жаргонной лексикой, приближающей читателя к спонтанно прервавшемуся бытию. Пример: «*зуммер, мобила*» [4]. Речь лишена фразеологических и сложных синтаксических фигур: парцелляции, параллелизма и т. д. Нередка инверсия: «*тебе дадут посмертно орден*», «*любовь с глазами воспаленными*» [4].

Стихотворения свободные, написаны парной и перекрестной рифмами, встречающимися в разных строфах одного произведения.

Таким образом, лирика донбасского цикла Дмитрия Мельникова полна символическими образами и скрытыми сравнениями, предназначена для подготовленного по данной тематике читателя, даже несмотря на преимущественно нейтральный и разговорный стили речи.

Литература

1. Канетти Э. Человек нашего столетия. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kanetti-elias/chelovek-nashego-stoletiya/1> (дата обращения: 13.04.2023).

2. Лайв Либ: сайт о книгах, социальная сеть читателей книг. URL: <https://www.livelib.ru/author/370641-dmitrij-melnikov> (дата обращения: 11.04.2023).

3. Им за нас отомстят // Литературная газета. URL: <https://lgz.ru/plus/im-zanas-otomstyat/> (дата обращения: 13.04.2023).

4. На той войне // Москва : лит. журн. URL: https://moskvam.ru/publications/publication_2939.html (дата обращения: 12.04.2023).

5. Стихи.ру. : лит. портал свободной публикации URL: <https://stihi.ru/avtor/milleroff> (дата обращения: 11.04.2023).

6. «Донбасская поэзия»: чего не видел, о том пою // Московский комсомолец : новостной портал. URL: <https://www.mk.ru/culture/2022/04/08/donbasskaya-poeziya-chego-ne-videl-o-tom-poyu.html> (дата обращения: 12.04.2023).

7. Русский орфографический словарь : [ок. 163 243 единиц]. URL: https://gufo.me/dict/orthography_lopatin/моби́ла (дата обращения: 12.03.2023).

8. Словарь литературоведческих терминов : [ок. 449 единиц]. URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/> (дата обращения: 12.04.2023).

9. Толковый словарь русского арго : [ок. 12 000 слов]. URL: https://gufo.me/dict/russian_argot/зумме́р (дата обращения: 12.04.2023).

Ю. В. Вихренко

Минский государственный лингвистический университет
(Минск, Беларусь)

Научный руководитель – А. А. Романовская

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СВОБОДА»: СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (на материале русского, белорусского и английского языков)

Аннотация. Данная статья посвящена изучению состава лексико-семантического поля «Свобода», структурно-семантических и функциональных особенностей его компонентов. Исследование проведено на материале русского, белорусского и английского языков.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, компонент, структурные и функциональные особенности, свобода.

Благодаря выделению лексико-семантических полей происходит классификация лексических единиц. Под лексико-семантическим полем понимается «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [1, с. 380]. Выделяют следующие основные подходы к изучению семантической структуры лексико-семантического поля: контекстуальный, лексикографический и психолингвистический [2, с. 17]. В данной работе для исследования структуры семантического поля «Свобода» был использован лексикографический метод, суть которого заключается в выборке из лексикографических источников слов, наиболее полно отвечающих заранее заданному стимулу [2, с. 18].

Проблема свободы является одной из глубоких проблем, волновавших большинство философов на протяжении многих веков. Она занимает значительное место в философии экзистенциализма. Стоит отметить, что это глобальная человеческая проблема. А. Вежбицкая отмечала, что свобода подробно представлена в работах философов (например, Г. Гегель, Ф. Ницше, Ж. Сартр). Однако она практически не описывалась в лингвистической литературе. Лингвистический анализ данного концепта может представлять ценность [3].

Лексико-семантическое поле свобода весьма обширно. Согласно идеографическому словарю О. С. Баранова [4] в данное семантическое поле входят следующие имена существительные: *свобода, воля, приволье, раздолье, простор, независимость, власть*. В свою очередь, согласно Roget's International Thesaurus [5], в семантическое поле *freedom* входят такие имена существительные, как *freedom, liberty, independence, self-government, individualism, autonomy, will*. В семантическое поле *свабода* в белорусском языке входят следующие имена существительные: *незалежнасць, самастойнасць, воля, вольнасць, раздолле* [6]. Данные имена существительные были проанализированы с помощью словарей

частотности русского [7], белорусского [8] и английского [9] языков. Согласно полученным данным, наиболее частотными именами существительными в русском языке являются следующие: 1. свобода, 2. воля, 3. независимость, 4. простор, 5. при-волье. В свою очередь белорусские имена существительные расположились по частотности в следующем порядке: 1. воля, 2. свабода, 3. незалежнасць, 4. раздолле, 5. самастойнасць, 6. вольнасць. В английском языке имена существительные расположились следующим образом: 1. will, 2. independence, 3. freedom, 4. liberty, 5. individualism, 6. autonomy, 7. self-government. Итак, в данной статье будут проанализированы следующие компоненты: свобода и воля.

Понятие свобода содержательно, многогранно, исторически изменчиво. В толковом словаре под редакцией А. П. Евгеньевой выделяется 9 значений, определяющих свободу [10, с. 53], толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова – 4 [11], в толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова существует 9 значений [12]. В толковых словарях белорусского языка [13], [14] таких значений 5. В Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [15] выделяют 5 значений, в Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners [16, с. 730] – 7, в Macmillan English dictionary for advanced learners [17] – 5. В русском языке свобода наиболее часто употреблена в следующих значениях: «1. экономическая и политическая свобода; 2. отсутствие ограничений; 3. государственная независимость; 4. возможность действовать в соответствии со своими желаниями». Для свободы в белорусском языке наиболее характерны следующие значения: «1. адсутнасць абмежаванняў; 2. дзяржаўная незалежнасць; 3. магчымасць ажыццяўлення чалавекам сваіх мэт». В английском языке наиболее употребительными значениями свободы являются следующие: «1. the ability to do what one wants; 2. lack of imprisonment; 3. the ability to act without restrictions».

Анализ данных толковых словарей русского [12], [10], белорусского [13], [14] и английского [15], [16], [17] языков позволил выявить следующие значения, определяющие волю. Русский язык: «1. отсутствие зависимости; 2. свобода; 3. способность добиваться целей». Белорусский язык: 1. свабода; 2. здольнасць дзейнічаць самастойна; 3. прастор». Английский язык: 1. determination to do smth.; 2. the ability to control your thoughts».

Таким образом, определено семантическое поле «Свобода», включающее 7 единиц русского, 5 единиц белорусского, 7 единиц английского языков, выявлены наиболее частотные его компоненты. Из анализа полученных данных можно заметить сходство понятий «свобода» в русском, белорусском и английском языках. Однако между ними наблюдаются и некоторые различия. В отличие от белорусского и английского языков, в русском присутствуют следующие значения: «1. отсутствие крепостной зависимости, 2. легкость, 3. свободное время». В русском и белорусском языках свобода понимается обобщенно как ценность, а в английском более узко. Понятия воля в русском и белорусском языках отличаются от английского синонима по следующим значениям: в русском и белорусском языках присутствует значение «освобождение от крепостной зависимости», а также «власть», «простор». А английский эквивалент понимается более узко, чем в русском и белорусском языках.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкознания Академии наук СССР. М. : Сов. энцикл., 1990.
2. Романовская А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки. Минск : МГЛУ, 2013.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д Шмелева. – М. : Яз. славянской культуры, 2001.
4. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка : [4 166 ст.]. М. : ЭТС, 1995.
5. Roget's international thesaurus / ed. P. M. Roget, R. L. Chapman. 5th ed. N. Y. : Harper Collins, 1992.
6. Слоўнік лексічных формаў: сінонімы, амонімы, антонімы, паронімы, амографы, амафоны / уклад. Я. І. Хвалей, У. В. Шарпіла. Мінск : Парадокс, 2004.
7. Частотный словарь русского языка : [ок. 40 000 слов] / Ленингр. гос. ун-т, Науч.-исслед. ин-т прикладной математики и кибернетики при Горьков. гос. ун-те ; сост. В. А. Аграев [и др.] ; под ред. Л. Н. Засориной. М. : Рус. яз., 1977.
8. Мажэйка Н. С. Частотны слоўнік беларускай мовы. Мінск : Зор. гор, 2006.
9. Частотный словарь сочетаемости современного английского языка : [в 4 вып.] / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз., Ин-т языковедения Академии наук Украинской ССР. М. : [б. и.], 1971–1974. Вып. 4.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / Рос. академия наук, Ин-т лингв. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4.
11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : [ок. 65 000 слов и фразеол. выражений] / под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд., перераб. и доп. М. : Оникс ; Мир и образование, 2008.
12. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Астрель ; АСТ, 2000. Т. 4.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : [больш за 65 000 слоў] / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства ; уклад. І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. Мінск : Беларус. энцикл., 2016.
14. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). Мінск : Беларус. сав. энцикл., 1977–1984. Т. 5. Кн. 1.
15. Hornby A. S. Oxford advanced learner's dictionary of current English. Oxford : Oxford Univ. Press, 2010.
16. Longman dictionary of contemporary English: for advanced learners. 6th ed. Harlow : Pearson, 2014. XIX.
17. Macmillan English dictionary for advanced learners / ed. M. Rundell, G. Fox. Oxford : Macmillan, 2007. XI.

К. А. Воронцова

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

ИЗМЕНЕНИЯ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ» АЛЕКСАНДРА И ПЕТРА АДУЕВЫХ

Аннотация. В статье освещаются результаты количественного анализа речи персонажей «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова Александра и Петра Адуевых. Полученные данные подтверждают альтернативную устоявшуюся в гончароведении трактовку образов племянника и дяди.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, «Обыкновенная история», количественный метод, речь персонажа.

Все больше при анализе художественных текстов исследователи прибегают к статистическим методам, благодаря которым «можно получить объективные данные и выявить некоторые закономерности в языке и речи» [2 с. 27]. Квантитативный подход используется в основном для анализа идиостиля автора, однако нет никаких препятствий для его применения при изучении языковой личности персонажа.

В этой статье будет освещено использование количественного метода в качестве вспомогательного инструмента литературоведческого анализа, а именно для доказательства выдвинутой С. К. Казаковой трактовки образов Александра и Петра Адуевых: «...во все периоды своей жизни дядя проявлял больше доброты, заботы, восприимчивости к красоте и искусству, чем эгоист-племянник» [1, с. 121]. Здесь интересны два тезиса. Во-первых, определение Александра как эгоиста и противопоставление ему в этом аспекте Петра. Во-вторых, несовпадение образов Александра и Петра на протяжении всего романа, что противоречит господствующей в гончароведении точке зрения, согласно которой: «Александр и Петр Адуевы тождественны и обыкновенны, только представляют разные периоды жизни» [1, с. 119]. Исследование проводилось на материале частотных словарей полного объема устной и письменной речи Александра и Петра (несобственно-прямая речь не учитывалась), составленных при помощи программы WordTabulator.

Таблица 1

Лемма	Полный текст	Речь Александра	Речь Петра	Речь Лизы
Я	2,18 %	4,95 %	2,96 %	3,56 %
Мы	0,21 %	0,26 %	0,26 %	0,42 %
Ты, вы	2,19 %	2,61 %	4,38 %	5,68 %
Он (она, оно, они)	–	3,35 %	3,47 %	3,14 %

Наиболее показательными для подтверждения первого тезиса оказались количественные показатели распределения личных местоимений (таблица 1). Ре-

зультаты представлены в процентном отношении количества всех словоформ местоимений к общему числу слов. Речь Лизы Адуевой и полный текст «Обыкновенной истории» взяты для определения средних показателей и выявления значительных отклонений от них.

Первое, что бросается в глаза, – аномально высокий процент вхождения форм личного местоимения «я» в речи Александра. Данные по этому показателю выделяются не только на фоне среднего показателя (полный текст и речь Петра), но и на фоне завышенного (речь Лизы), вкуче со средним показателем по употреблению словоформ местоимений «ты» и «вы» при завышенном в речи Петра и речи Лизы это свидетельствует об однозначной эгоистичности Адуева-младшего, предпочтительным объектом речи которого является он сам.

Интересно то, как меняются показатели употребления личных местоимений в эпилоге романа (таблица 2). Значительных изменений в речи Александра не наблюдается, кроме того, само количество личных местоимений в речи до эпилога и в нем остается практически таким же: 11,21 % до эпилога, 10,23 % в эпилоге. Совсем другая ситуация в речи Петра. Во-первых, нужно заметить, что в эпилоге в его речи наблюдается увеличение употребления личных местоимений вообще: 10,94 % до эпилога, 13,14 % в эпилоге – разница больше 2 %. Во-вторых, заметно значительное снижение употребления словоформ местоимений 3-го лица и прослеживается тенденция к увеличению процента вхождений словоформ местоимений 1-го лица, притом местоимения 2-го лица все еще занимает лидирующую позицию со значительным отрывом.

Таблица 2

Лемма	Р. А. до эпилога	Р. А. в эпилоге	Р. П. до эпилога	Р. П. в эпилоге
Я	4,99 %	4,03 %	2,85 %	4,62 %
Мы	0,26 %	0,17 %	0,24 %	0,65 %
Ты, вы	2,60 %	2,8 5%	4,27 %	6,08 %
Он (она, оно, они)	3,36 %	3,19 %	3,59 %	1,78 %

Полученные данные позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, подтверждается определение Александра как эгоиста. Во-вторых, к эпилогу романа по данному аспекту сопоставления изменений в речи Александра, а значит и в нем самом, не наблюдается. В-третьих, количественные показатели употребления форм личных местоимений в речи Петра изменения, наоборот, фиксируют. Можно предположить, что изменения эти говорят о том, что некие третьи лица перестают быть интересны Петру, его внимание сосредотачивается на ближайшем окружении и самом себе.

Показатели употребления личных местоимений сами по себе свидетельствуют в пользу истинности второго рассматриваемого тезиса (не тождественность Александра и Петра), однако в этом аспекте интересно взглянуть еще и на грамматические модели речи младшего и старшего Адуевых (таблицы 3 и 4). Они были составлены вручную на материале примерно первых ста слов речи до эпилога, речи в отдельно взятой главе и речи в эпилоге обоих персонажей.

В случае речи Александра в эпилоге и 2-й главе выборка ограничивается 71 словом, что связано с относительно небольшим объемом речи в этих частях текста в целом. В приведенные таблицы были включены только значимые для сопоставления и интерпретации данные.

Даже на неполных грамматических моделях можно заметить, что речь Петра в эпилоге значительно отличается от его речи в остальном тексте романа (таблица 3). Модель речи из 5-й главы 2-й части (показатели объема речи здесь почти идентичны эпилогу: 1336 и 1233 слова соответственно) совпадает с грамматической моделью речи до эпилога по 3-м показателям (в качестве совпадающих рассматривались показатели с разницей в 1 % максимум), в то время как речь в эпилоге совпадает только по 1-му с остальным текстом и по 1-му с отдельной главой. Показатель категории «предлог» – общий для всех трех моделей.

Таблица 3

Речь Петра

Часть речи	Речь до эпилога	Речь в 5-й главе 2-й части	Речь в эпилоге
Существительное	6 %	10 %	12 %
Глагол	13 %	12 %	15 %
Местоимение	31 %	24 %	27 %
Наречие	12 %	17 %	13 %
Предлог	14 %	13 %	13 %
Союз	7 %	5 %	4 %
Частица	15 %	14 %	11 %
Имя собственное	1 %	1 %	3 %

На грамматических моделях речи Александра видим совершенно иное (таблица 4). Показатели в отдельной главе (выбиралась по тому же принципу, что и в случае с Петром) совпадают с показателями речи до эпилога по 1-й категории. Показатели речи в эпилоге совпадают с показателями речи до него также по 1-му пункту и с показателями речи во 2-й главе тоже по 1-й категории. Показатели по категории «союз» – общие для всех трех моделей.

Таблица 4

Речь Александра

Часть речи	Речь до эпилога	Речь в 2-й главе 2-й части	Речь в эпилоге
Существительное	10,78 %	9,86 %	18,57 %
Глагол	7,84 %	11,27 %	18,57 %
Местоимение	30,39 %	18,31 %	18,57 %
Наречие	11,76 %	19,72 %	11,43 %
Предлог	13,73 %	15,49 %	9,86 %
Союз	7,84 %	8,45 %	7,04 %
Частица	12,75 %	11,27 %	9,86 %
Имя собственное	0	1,43 %	0

Таким образом по неполным грамматическим моделям речи Александра нельзя проследить изменения, произошедшие в речи персонажа в эпилоге, однако вкупе с тем, что подобные изменения наблюдаются в речи Петра, можно сделать предположение, что никаких изменений в речи Александра не происходит вовсе, что согласуется с результатами, полученными после рассмотрения распределения личных местоимений в речи персонажей.

Если сопоставить грамматические модели речи Петра и Александра между собой, то можно увидеть, что наибольшее количество совпадений имеют модели речи до эпилога – 4 категории. При этом показатель по категории «предлог» совпадает в речи Петра во всех трех фрагментах текста. А показатель категории «союз» является таким же универсальным для моделей речи Александра. Остаются совпадения по 2-м категориям, на основании которых ни о какой тождественности моделей речи двух персонажей говорить не приходится.

Таким образом, даже на неполных грамматических моделях подтверждаются вынесенные на рассмотрение тезисы. Речь Александра однозначно демонстрирует эгоистичность его натуры и отсутствие изменений в эпилоге романа. Речь Петра позволяет сделать о его персонаже противоположные выводы. Косвенно опровергается тезис о тождественности Адуевых. Предметом дальнейшего научного интереса является рассмотрение полных и более детализированных грамматических моделей речи персонажей, что позволит проследить конкретные изменения (и их отсутствие) в речи Александра и Петра.

Литература

1. Казакова С. К. Человек и мир в русском романе: метаморфозы героев «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2020. Т. 26. № 1. С. 118–124.
2. Бабенко Н. Г., Барановский П. С. Количественный анализ функционирования частей речи в лирике Бориса Рыжего // Вестн. Балтийского федер. ун-та им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. 2022. № 4. С. 27–35.
3. Гончаров И. А. Обломов. Обыкновенная история : романы. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2022.

Л. В. Гавриловец

Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина (Мозырь, Беларусь)

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ*

Аннотация. В статье рассматриваются обрядовые песни аутентичных обрядов современности, сохранившихся на белорусско-польско-украинском пограничье. Данные песни служат воплощением национально-культурной специфики и национальной идентичности. Сельские жители верят, что исполнение обрядовых песен, как и проведение самого обряда, принесет крепкое здоровье, богатый урожай и защиту от различных бедствий.

Ключевые слова: обряд, обрядовая песня, пограничье, нематериальное культурное наследие.

На современном этапе развития жителями белорусско-польско-украинского пограничья сохраняются и проводятся обряды, связанные с жизненным циклом местного населения. Среди полесских обрядов необходимо отметить следующие: свадебная каравайная традиция (д. Моталь, Ивановский р-н), весенний обрядовый хоровод «Стрылка» (д. Бездеж, Дрогичинский р-н), обряд «Вождение куста» (агр. Лобча, Лунинецкий р-н), «Намская Пасха» (д. Оброво, Ивацевичский р-н), рождественский обряд «Коники» (Давыд-Городок, Столинский р-н), «Братская свеча» (Столинский р-н), «Юрьевский хоровод» (д. Погост, Житковичский р-н), «Вождение Сулы» (Гомельский р-н), «Вождение и погребение стрелы» (д. Казацкие Болсуны, Ветковский р-н), «Проводы русалки» (агр. Великий Бор, Хойницкий р-н), «Чырачка» (д. Тонеж, Лельчицкий р-н) и другие [1, с. 412].

Большая часть ритуальных действий, совершаемых во время проведения данных обрядов сопровождается обрядовой песней. Местные жители, которые сохраняют и проводят обряды считают, что если не будут выполнены все обрядовые действия и сопровождающие их песни, то не будет достигнут желаемый результат. Так, во время проведения обряда «Вождение куста» используется ритуальная кустовая песня «Ой, мы булы у вэлыкому лісы, // Извылы й Кўста з зэлёного клёну...». Содержание песни указывает на связь обряда с лесом, зеленью. В д. Пучины Пинского района во время обрядового шествия используется кустовая песня следующего содержания: «Да чэрэз сэло, да чэрэз Пучынское, // Да й ішло войско да усэ дэвоцкэе. // Як заговорыць, то й у нэбі зазвоныць. // Як засьмецца, то й у нэбі одзовэцца». Смысл обрядовой песни заключается в том, что символ обряда «куст» и сопровождающие его участники – это молодые девушки. В д. Бродница Лунинецкого района во время проведения обряда, обращаясь к хозяевам дома исполняют песню «...Выйды, пане, із новаго покою, // Выйды,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке МО РБ по договору №1410/2021 от 22.03.2021.

пане, із нового покою, // Вынэсь Кусту да хоть по золотому, // Бо у нашого Куста да ныжэнькы нэвэлычкы, // Трэба ёму панчішкы-чэрэвычкы, // Бо він пійдэ да до батэнька у госты, // Трэба ёму чэрэвычкы на помосты» [3]. Содержание данной песни свидетельствует о том, что необходимо совершить ритуал вознаграждения, т. е. своего рода преподнесение семейной жертвы «кусту».

Во время проведения обряда «Юрьевский хоровод» участники водят хоровод и поют обрядовую песню «Карагод, карагод, цябе нараджаем, ой, венца, венца, зялёный бярвенца. // Уроди, Боже, жито на новое лето, ой, венца, венца, зялёный бярвенца. // Чэша хлопец кудры, а дзеўчына – косу, ой, венца, венца, зялёный бярвенца. // Пожэном мы волы на юр'еўску росу, ой, венца, венца, зялёный бярвенца. // Карагод, карагод, мы цябе нарадзілі». Смысл данной песни заключается в том, что происходит обращение к Богу, который получив краюшку хлеба в виде жертвы, должен дать богатый урожай жита [1, с. 68]. О просьбе дать богатый урожай свидетельствует и эта песня: «Дзе карагод ходзіць – там Бог жыто родзіць, // А дзе не бывае – там жыто ўлегае. // Зародзі, Божэ, жыто, да на новае лето, // Да на землю – караністое, а доверху – колосістое. // ... Да на жыто, на пшэніцу, на усяку пашніцу» [там же].

Жители деревень Гадичево, Марковичи, Кравцовка, Дикалавка Гомельского района при проведении обряда «Вождение Сулы» на второй день Пасхи заводят местные хороводы («танкі»). Различают колесный хоровод, змейкой или «кривой»: «Как на нашей улице широкая озеро», «А у кривого танка, да не выведу канца». Так, песня хоровода змейкой звучит следующим образом: «А ў кривога танка, да не выведу канца. // Нада яго да выводзіці, канца ладу ізнаходзіці, // Нада яго весці, шоб вяночык сплесці. // Вяду, вяду, да не выведу, пляту, пляту, да не выпляту. // Ой, вянку ж мой вянку, храшчатый барвінку, // А я ж цябе пляла, шчэй учора із вячора, // Павесіла цябе на роўным калочку, // На роўным калочку, на шаўковым шнурочку. // А ў кривога танка, да выведу канца [4], [1, с. 69].

Колесный хоровод обряда «Вождение Сулы» звучит следующим образом: «Як на нашай вуліцы шырокая возяра, // Ой, люлі, вой, люлі, шырокае возяра. // Як на том на возяры серы гусі плавалі. // Як налецеў сіз арол да на сваіх крылышках. // Дай ўхваціў гусачку за залаты пёрышкі, // За залаты пёрышкі, да за бела крылышка. // Як на нашай вуліцы дзеўкі танка вадзілі. // Прыскакаў хлапец на коніку да й ўхваціў дзеўчыну, // Да й ўхваціў дзеўчыну да за русу косаньку, // Да за русу косаньку, да за белу ручаньку. // Як на нашай вуліцы шырокая возяра [4]. Семантика обрядовых песен связана с пожеланием добра, здоровья для всех местных жителей, направлена на то, чтобы содействовать плодородности нивы, убересть деревню и ее жителей от природных катаклизмов.

Обряд чыркавання или Гуканне весны «Чырачка» сопровождается песней «Ой, выйдзем, дзевачкі, на новае лета. // Зімавалі – не спявалі, вясну ждалі», // «За чарэтам зелененькім стаіць ніва не арана, не арана, не сеяна. // Па той ніве ходзіць пані – рве цвяточкі, в'е вяночкі, заве братца», // «Ой, чырачка-пташэчка, не залетай далечэчко, не занось мойго венчыка. // Бо мой венчык – патрэбчык. Братка жаніці, сястру замуж аддаці, вяселле спраўляці...» [1, с. 72]. Смысл данной песни состоит в том, чтобы быстрее призвать весну, если весна будет ранняя, то и урожай будет богатый.

Обряд «Грамніцы» или «Стрэчанне» сопровождается исполнением песни-веснянки: «Зіма з летам сустракалася, пра здароўейка пыталася»; // «А ў нас сёння Стрэчанне, Стрэчанне: зіма з летам стрэліся, стрэліся. // І ножачку звiхнула, звiхнула. // Зіма пайшла плачучы, плачучы. // Лета пайшло скачучы, скачучы» [1, с. 75].

Таким образом, обрядовые песни исполняются носителями традиций в сельской местности, их исполнение направлено на создание образа социально благоприятного мира, указывает на принадлежность к локальному социуму – сельской общности, а также на этнокультурную схожесть традиций этнических общностей пограничья.

Літэратура

1. Гавриловец Л. В. Сохранение и возрождение обрядности на Гомельщине в 2016–2019 гг. // Культурное наследие и народное искусство: сохранение и актуализация в целях устойчивого развития общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 22 апр. 2022 г.) / отв. ред. Л. А. Иткулова. Уфа : РИЦ БашГУ, 2022. С. 67–75.

2. Гавриловец Л. В. Этнокультурная ситуация на белорусско-польско-украинском пограничье в 2010–2020 гг. // Этнокультурные феномены в образовательном процессе : сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. Л. Михеева, О. А. Димитриева. Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. С. 408–414.

3. Праздник Юрья – обряд «Юрьевский хоровод». URL: <https://pravdaosele.livejournal.com/8988.html>

4. Шарая О. Западнополесский обряд «Куст»: социокультурные особенности и символика // Гістарычная брама: гісторыка-краязнаўчы часопіс. 2008. № 1(23). URL: <https://brama.brestregion.com/nomer23/artic12.shtml>

А. М. Гаева

*Минский государственный лингвистический университет
(Минск, Беларусь)*

Научный руководитель – **А. А. Романовская**

НАИМЕНОВАНИЕ ЛИЦА – КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена исследованию фразеологических единиц с ключевым компонентом – названием лица. Представлена классификация фразеологических единиц. Сделаны выводы о частотности ключевых компонентов, об особенностях семантики и системной организации фразеологических единиц в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: фразеологическая единица, ключевой компонент, название лица, ономазиологический подход, семасиологический подход.

Фразеологизмы представляют собой не только значимый элемент языковой системы, но и ценный источник культурных знаний. Они хранят традиции и передают из поколения в поколение культурные представления и знания о реалиях, которые лежат в их основе. Изучение фразеологии как отражения культуры является одним из ключевых направлений современной лингвистики. Сравнение фразеологических конструкций разных языков позволяет выявлять общие и отличительные черты культурного наследия и особенностей национального мышления. Поэтому изучение фразеологии является необходимым для получения ценной информации о культурных различиях и сходствах между народами [1; 2].

В качестве ключевого компонента фразеологических единиц рассматриваются нарицательные имена существительные – наименования лиц. Категория лица представляет одну из основных категорий называния, а понятие *человек* принадлежит к базовым культурным концептам [3]. Наименование лица представляет одно из наиболее информативных языковых средств, обеспечивающих доступ к концептуальной и лингвокультурной картине мира. Имена и обращения могут отражать возраст человека, положение в обществе, уважение или неприязнь, культурные традиции, нормы и ценности общества. Именно поэтому наименование лица является одним из наиболее информативных языковых средств, которое обеспечивает доступ к концептуальной и лингвокультурной картине мира [3].

В лексико-семантическую группу «Названия лиц», согласно имеющейся классификации, входят обозначения реальных лиц и человекоподобных существ. И в названиях реальных лиц выделяются подгруппы «Лицо» и «Совокупность лиц». Среди обозначений лиц по характерным признакам доминирующими подгруппами являются наименования по степени родства, по профессии, роду занятий, характеру деятельности по социальному свойству, средоточию в лице характерных социальных черт своего времени, по характерному социальному

состоянию, действию, функции, по личным и общественным отношениям, связям, по интеллектуальному свойству, по физическому, физиологическому, психическому состоянию, по отношению к расе, национальности, а также территории, к месту жительства по местонахождению [4].

Источником материала послужили толковые словари английского языка [5] и русского языка [6; 7; 8]. Методом сплошной выборки было выявлено 256 фразеологических единиц (ФЕ): 134 – английских и 122 – русских. К анализу фразеологического материала, ФЕ английского и русского языков, был применён онома-семасиологический подход. Суть онома-семасиологического подхода заключается в анализе от понятия к слову, суть семасиологического подхода – от слова к понятию, суть онома-семасиологического подхода – от смысла опять к единицам языка [9, с. 7–11].

В результате анализа **русских ФЕ** с ключевым компонентом – названием лица были выявлены следующие фразеологические объединения (23 группы) на основе ключевого компонента.

Ключевыми компонентами являются слова, обозначающие:

- **пол** – *мальчик, парень, мужик, баба, дева, девица, барышня;*
- **возраст** – *старуха, дети, дитя, младенец;*
- **статус в обществе** – *царь, князь, царица, царевна, раб, сирота, кардинал, пан, джентльмен, солдат;*
- **профессию (род занятий)** – *артист, рыбак, купец, трубочист, судья, танцор, сапожник, мастер, шут, учёный;*
- **членов семьи** – *бабушка, сын, бабушка, отец, батька, мама, маменька, мамочка, мать, матка, праотец, тётя, тетка;*
- **отношения друг/враг** – *закадычный друг; заклятый враг;*
- **отношения муж/жена** – *муж и жена – одна сатана; нет злее зла, чем злая жена;*
- **дура, дурак, идиот** – *и дурак знает; мечта идиота;*
- **человек, душа** – *золотой человек; родственная душа.*

По численности преобладают группы с ключевыми компонентами, обозначающими лицо по профессии/роду занятий, интеллектуальным способностям. Из 122 ФЕ эквивалент с названием лица в английском языке имеют 40 единиц.

В результате анализа **английских ФЕ** были выявлены следующие фразеологические объединения (13 групп).

Ключевыми компонентами являются слова, обозначающие:

- **пол человека** – *man ‘мужчина’, boy ‘мальчик’, lad ‘парень’, woman ‘женщина’, lady ‘леди’, girl ‘девочка’, ‘девушка’, wife ‘жена’;*
- **возраст** – *baby ‘малыш’, child ‘ребёнок’, children ‘дети’;*
- **членов семьи** – *mother ‘мать’, father ‘отец’, brother ‘брат’, son ‘сын’, grandmother ‘бабушка’, uncle ‘дядя’, aunt ‘тётя’, cousin ‘двоюродный брат’;*
- **профессию (род занятий)** – *doctor ‘доктор’, author ‘писатель’, parson/priest ‘пастор/священник’, cobbler ‘сапожник’, fireman ‘пожарный’, critic ‘критик’, cook ‘повар’, captain ‘капитан’;*

• **знатное происхождение** – *king* ‘король’, *queen* ‘королева’, *lord* ‘лорд’, *prince* ‘принц’;

• **рабочего** – *worker* ‘рабочий’, *labourer* ‘рабочий, чернорабочий’ *workman* ‘рабочий, мастер’;

• **friend** ‘друг’, **enemy** ‘враг’ – *with friends like that, who needs enemies* ‘не бойся врага умного, а бойся друга глупого’;

• **devil** ‘дьявол’, **angel** ‘ангел’ – *speak of the devil* ‘помяни черта’;

• **master** ‘хозяин’ – *be your own master* ‘сам себе хозяин’;

• **gentleman** ‘джентльмен’ – *a gentleman of fortune* ‘Джентльмен удачи’;

• **fool** ‘дурак’ – *act (play) the fool* ‘валять дурака’.

По численности преобладают группы с ключевым компонентом *man* ‘мужчина’, например, *as one man* ‘как один человек’ (27 ФЕ) и с ключевыми компонентами, обозначающими членов семьи – *like father, like son* ‘каков отец, таков и сын’ (18 ФЕ). Из 134 ФЕ эквивалент с названием лица в русском языке имеют 46 единиц.

В обоих языках ключевыми компонентами являются слова, обозначающие пол, возраст, статус в обществе, профессию, членов семьи, отношения друг/враг, отношения муж/жена, а также отражающие некоторые универсальные понятия, такие как душа, дура, дурак, ангел, дьявол.

На основе анализа содержания **русских ФЕ** были выявлены следующие фразеологические объединения:

• **характер отношений между людьми (степень дружбы)** – *друзья познаются в беде*;

• **восклициание** – *мать честная!*;

• **интеллектуальные способности человека** – *без царя в голове*;

• **отрицательные черты характера человека** – *желчный человек*;

• **положительные черты характера человека** – *золотой человек*;

• **физические характеристики** – *мальчик с пальчик*.

На основе анализа содержания **английских ФЕ** были выявлены следующие фразеологические объединения:

• **дружба/вражда** – *a man is known by the company he keeps* ‘скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты’;

• **интеллектуальные способности человека** – *a fool and his money are soon parted* ‘у дурака долго деньги не держатся’;

• **отрицательные черты характера человека** – *play the woman* ‘быть бабой’;

• **положительные черты характера человека** – *act like an angel* ‘вести себя как ангел’;

• **индивидуализм** – *every man for himself* ‘каждый сам за себя’;

• **отношения между мужчиной и женщиной** – *behind every great man, there's a great woman* ‘за каждым великим мужчиной стоит великая женщина’;

• **Бедность/достаток** – *a beggar can never be bankrupt* ‘голый разбоя не боится’.

Классификации русских и английских ФЕ имеют пересечения, но и некоторые различия. Обе классификации включают объединения, единицы которых отражают отрицательные и положительные черты характера, а также интеллектуальные способности человека. Однако в русской классификации есть отдельная группа, связанная с физическими характеристиками, в то время как в английской классификации присутствуют объединения, единицы которых характеризуют отношения между мужчиной и женщиной, индивидуализм, а также бедность и достаток.

При сопоставлении ФЕ на основе эквивалентности можно выделить полные, частичные эквиваленты, аналоги и безэквивалентные ФЕ.

Полные эквиваленты

1. Как один человек – *As one man*;
2. Бабушкины сказки – *An old wives' tale*;
3. Джентльмен удачи – *A gentleman of fortune*;
4. Каков отец, таков и сын – *Like father, like son*;
5. Братья по оружию – *Brother in arms*;
6. Маменькин сынок – *A tummy's/mother's boy*;
7. Заклятый враг – *Sworn enemy*.

Частичные эквиваленты

1. Свой парень – *One of the lads*;
2. Держаться маткиной юбки, держаться за мамкину юбку – *Tied to his mother's apron strings*;
3. Валять дурака – *Act (play) the fool*;
4. Везёт дуракам и пьяницам – *Fools have fortune*;
5. Закадычный друг – *Bosom friend*;
6. Всяк купец свой товар хвалит – *Every cook praises his own broth*;
7. То, что доктор прописал – *Just what the doctor ordered*;
8. Сапожник без сапог – *The cobbler's children usually go unshod*;
9. Всяк своего счастья кузнец – *Every man is the architect of his own fortune*;
10. Каков поп, таков и приход – *Like priest, like people*

Аналоги

1. Быть „бабой“ ; вести себя как баба – *Play the woman; a big girl's blouse*
2. Князь тьмы – *The (old) gentleman in black*;
3. Царица небесная – *(Holy) Mother of God*;
4. Пань дерутся у холопов чубы трецам – *Kings go mad, and the people suffer for it*;
5. Мамочка моя родная! – *(Holy) Mother of God*;
6. Мать честная! – *(Holy) Mother of God*;
7. Впитать с молоком матери – *at your mother's knee*;
8. Пьяный простится – дурак никогда. – *Fools will be fools; He who is born a fool is never cured*;
9. Дуракам закон не писан – *Fools rush in (where angels fear to tread)*;
10. Не бойся врага умного, а бойся друга глупого – *With friends like that, who needs enemies*;
11. Рыбак рыбака видит издалека – *A man/woman after your own heart*;

12. Плохому танцору одежда мешает – *A bad workman finds fault (или quarrels) with his tools;*

13. Пьян как сапожник – *(As) drunk as a lord;*

14. Мастер туп - нож туп – *A bad workman finds fault (или quarrels) with his tools;*

15. У семи нянек дитя без глаза – *Too many cooks spoil the broth;*

16. Не учи учёного – *Teach one's grandmother to suck eggs;*

17. Без топора не плотник, без иглы не портной – *What is a workman without his tools;*

18. Не имей сто рублей, а имей сто друзей – *A friend in court is better than a penny in purse;*

19. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты. – *A man is known by the company he keeps.*

Приведём несколько примеров **безэквивалентных ФЕ**:

Русские ФЕ

1. Человек в футляре;

2. Первый парень на деревне;

3. Казанская (казанский) сирота;

4. Базарная баба.

Английские ФЕ

1. *Boys will be boys* 'Мальчики будут мальчиками' – вы не должны удивляться, когда мальчики или мужчины ведут себя шумно или грубо, поскольку это часть типичного мужского поведения;

2. *The blue-eyed boy* 'голубоглазый мальчик' – любимчик;

3. *Uncle Sam* 'Дядя Сэм' – шутливая расшифровка букв U.S.; американец;

4. *Pass the baby* (бук. *Предать ребёнка*) – перекладывать ответственность на другого.

Наибольшее количество эквивалентов сосредоточено в группах дружба, профессия и интеллектуальные способности человека. Это свидетельствует о том, что в английском и русском языках существуют сходства в понимании и выражении данных понятий.

Как в английской, так и в русской лингвокультурах, обязательными признаками дружбы становятся:

1) общие интересы, взгляды, мироощущение «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты» – «*A man is known by the company he keeps*».

2) взаимопомощь или поддержка «Друзья познаются в беде» – «*A friend in need (is a friend in deed)*».

В сознании носителей русского и английского языков интеллектуальные свойства личности отражены в первую очередь в оппозиции «умный/дурак». Как в русском, так и в английском языках фразеологизмов, обозначающих дурака, больше, чем фразеологизмов, обозначающих умного человека. В обоих языках делается акцент на то, что глупость нельзя вылечить «*Пьяный пропится – дурак никогда*» – «*Fools will befools*», «*He who is born a fool is never cured*» и что дуракам обычно везёт «*Везёт дуракам и пьяницам*» – «*Fools have fortune*».

Разнообразные профессии нашли своё отражение в ФЕ русского и английского языках:

1. *То, что доктор прописал – Just what the doctor ordered;*
2. *Сапожник без сапог – The cobbler's children usually go unshod;*
3. *Каков поп, таков и приход – Like priest, like people;*
4. *Черный как трубочист;*
5. *Артист погорелого театра.*

Схожесть проявляется в оценке мастерства человека:

1. *Плохому танцору одежда мешает – A bad workman finds fault (или quarrels) with his tools;*
2. *Мастер глуп – нож туп – A bad workman finds fault (или quarrels) with his tools;*
3. *Дело мастера боится – The work shows the workman;*
4. *Без топора не плотник, без иглы не портной – What is a workman without his tools.*

Таким образом, при изучении в сопоставительном аспекте ФЕ с ключевым компонентом – названием лица были получены следующие результаты. Наиболее распространёнными ключевыми компонентами в ФЕ английского языка является слово *man* ‘мужчина’ (27 ФЕ) и слова, обозначающие членов семьи (18 ФЕ). В русском языке – это наименования лиц, обозначающие профессию/род занятий (23 ФЕ) и интеллектуальные способности (15 ФЕ). Наличие общих групп и ключевых компонентов в классификациях свидетельствует о схожести типологий нарицательных наименований лиц в английском и русском языках. Также при подсчёте эквивалентов было установлено, что из 122 русских ФЕ эквивалент с названием лица в английском языке имеют 40 единиц. Из 134 английских ФЕ эквивалент с названием лица в русском языке имеют 46 единиц. Наибольшее количество эквивалентов сосредоточено в группах дружба, профессия и интеллектуальные способности человека. Это свидетельствует о том, что в английском и русском языках существуют сходства в понимании и выражении данных понятий.

Литература

1. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М. : Высш. школа ; Дубна: Феникс, 1996.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Яз. рус. культуры, 1996.
3. Резниченко Л. Ю. Специфика диминутивных номинаций лица: (на материале английского, немецкого и русского языков) // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-diminutivnyh-nominatsiy-litsa-na-materiale-angliyskogo-nemetskogo-i-russkogo-yazykov>
4. Демина Е. И. Новые наименования лиц в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 231.
5. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 15.10.2022).

6. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь ; под. ред. М. Д. Литвиновой. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 1984.
7. Фразеологический словарь А. И. Фёдорова. URL: <https://gufo.me/dict/fedorov?letter=a> (дата обращения: 18.11.2022).
8. Фразеологический словарь русского языка (В. Н. Телия). URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm> (дата обращения: 18.11.2022).
9. Романовская А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки. Минск : МГЛУ, 2013.

А. О. Гелахова

*Барановичский государственный университет
(Барановичи, Беларусь)*

Научный руководитель – И. С. Криштон

НАУЧНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ФАНФИКА

Аннотация. У вселенной Дж. Роулинг есть фанаты по всему миру. Они породили множество работ в разных жанрах. В статье рассматриваются особенности использования научной терминологии при конструировании художественного мира фанфика Элиезера Юджовского «Гарри Поттер и методы рационального мышления».

Ключевые слова: фанфикшн, Гарри Поттер, научная терминология, художественный мир.

Современная художественная литература характеризуется многообразием жанров и поджанров. В последние годы активно развивается специфический жанр «фанфикшн», выделяющийся тем, что практикуют его не профессиональные писатели, а фанаты каких-либо изданий массовой или элитарной культуры.

Фанфикшн – разновидность творчества поклонников популярных произведений искусства (так называемого фан-арта в широком смысле этого слова), производное литературное произведение, основанное на каком-либо оригинальном произведении (как правило, литературном или кинематографическом), использующее его идеи сюжета и (или) персонажей. Фанфик может представлять собой продолжение, предысторию, пародию, «альтернативную вселенную», кроссовер («переплетение» нескольких произведений) и так далее [1]. Отдельное произведение фанфикшн называют «фанфик». Его автор – фикрайтер (англ. «write» – писать).

Среди ключевых характеристик фанфикшн, как правило, выделяют следующие:

- 1) литература, написанная фанатами для фанатов (т. е. имеющая четко определенный и играющий большую роль читательский адрес);
- 2) вторичное творчество;
- 3) создание произведений на некоммерческой основе (дает жанру как определенные свободы, так и определенные ограничения) [2, 3].

Долгое время распространение любительских фанфиков было ограничено как спецификой читательской аудитории, так и трудностями с доступом к этим произведениям, поскольку они существовали всего в нескольких экземплярах. Современные фанфики – это тексты самого разного объема, от двух-трех страниц (драбл) до нескольких сотен, которые, как правило, создаются в рамках определенного фрагмента фанатской субкультуры и размещены на общедоступных сайтах.

Умело конструируя вселенную на страницах своей книги, авторы фанфиков могут создавать повествования, побуждающие к дальнейшему размышлению

и исследованию. При этом все элементы в произведении, включая лексические единицы, служат для передачи определенной концепции художника.

Ярким примером своеобразного использования научной терминологии является фанфикшн «Гарри Поттер и методы рационального мышления» (“Harry Potter and the Methods of Rationality”), написанный американским ученым Элиезером Юдковским, использующим псевдоним Less Wrong. Впервые фанфик был размещен на сайте fanfiction.net. с 28 февраля 2010 по 14 марта 2015. Также работу можно прочесть на сайте hpmor.com, где представлены дополнительные материалы к работе.

В книге известный Гарри Поттер озадачен таким явлением, как магия: его первое знакомство с ней разрушило привычную картину мира главного героя. Об этом красноречиво говорит название 2 главы ‘Everything I Believe Is False’. Особое впечатление на него производит трансформация профессора Макгонагалла: “*You turned into a cat! A SMALL cat! You violated **Conservation of Energy!** That’s not just an arbitrary rule, it’s implied by the form of **the quantum Hamiltonian!** Rejecting it destroys **unitarity** and then you get **FTL signalling!** And cats are **COMPLICATED!** A human **mind** can’t just visualise a whole cat’s **anatomy** and, and all the cat **biochemistry**, and what about **the neurology?** How can you go on thinking using a cat-sized **brain?**” [4].*

В отличие от оригинала герой Э. Юдковского испытывает большие трудности с пониманием мира волшебников: “*You’re giving me a **TIME MACHINE** to treat my **SLEEP DISORDER**. **YOU’RE GIVING ME A TIME MACHINE IN ORDER TO TREAT MY SLEEP DISORDER**. <...> Say, Professor McGonagall, did you know that time-reversed ordinary **matter** looks just like **antimatter?**” [4].*

Стоит отметить, что одной из целей автора фанфика является развитие рационального мышления у читателя, поэтому научные термины вплетаются в повествование и становятся его неотъемлемой частью. Их объяснение дается как напрямую герою, так и ситуативно. Например, в начале произведения главный герой много времени уделяет именно объяснению происходящего, поэтому его высказывания приобретают поучающий (дидактический) характер. При этом главный герой часто ставит вопросы, цель которых — заставить собеседника и читателя думать и рассуждать. С точки зрения автора, эти процессы являются важной составляющей рационального мышления: “*I ask the fundamental question of **rationality**: Why do you believe what you believe? What do you think you know and how do you think you know it?* [4].

В заглавии каждой главы – определенный термин, обозначающий теорию или эксперимент, которые определяют развитие сюжета. Более того, во многих главах «оставлены» загадки, которые предлагаются читателю решить, а ответ размещен в следующей главе. Автор также включает научные «намекы» на дальнейшее развитие истории, которые внимательный читатель может связать в логическую цепочку.

Самый важный «экзамен» предложен в конце фанфикшена. Главный герой поставлен в ситуацию выбора между жизнью или смертью. Установив временные рамки, автор предлагает читателям самим найти креативное решение для поставленной задачи, используя ранее полученные научные знания.

Методом сплошной выборки из произведения «Гарри Поттер и методы рационального мышления» были отобраны 309 терминов. Установлено, что 166 (54 %) – общеупотребительные термины и 143 (46 %) – узкоспециальные. В соответствии со структурой 152 (49 %) терминов являются однословными, 133 (43 %) двухсловными и 24 (8 %) – многословные.

В целом в фанфикшине «Гарри Поттер и методы рационального мышления» общеупотребительные термины преобладают над узкоспециальными на 8 %, однословные – над двухсловными на 6 % и над многословными на 41 %. Самыми распространёнными категориями терминов являются узкоспециальные – двухсловные и общеупотребительные – однословные.

Говоря о научной принадлежности терминов, можно сделать вывод, что самыми распространёнными являются термины, относящиеся к физике (26 %), психологии (18 %), химии (13 %) и биологии (8 %). Действительно, в фанфике «Гарри Поттер и методы рационального мышления» именно психология, биология и физика играют ключевую сюжетно значимую роль.

Таким образом, в легкой и непринужденной форме автор объясняет сложные научные теории, гипотезы и эксперименты, реализуя дидактическую функцию литературы. Это позволяет читателям познавать некоторые аспекты научной жизни в таких областях, как физика, математика, биология, психология, экономика и т. д.

Литература

1. Прасолова К. А. Фанфикшен: литературный феномен конца XX – начала XXI века: творчество поклонников Дж. К. Роулинг : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2009.

2. Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/fanfic>

3. The Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/fan-fiction?q=Fanfic>

4. Harry Potter and the Methods of Rationality. URL: <https://hpmor.com>.

Л. В. Захарова

Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)

МИР СЕМЬИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО», «ОТРОЧЕСТВО», «ЮНОСТЬ»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению мира семьи и семейных ценностей в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». Считая семью главным институтом жизни человека, а семейную любовь самым важным и благотворным из всех человеческих чувств, писатель утверждает в своей трилогии важнейшие слагаемые мира семьи: взаимную привязанность, любовь друг к другу родных людей, способность вместе переживать успехи и неудачи, радость и горе – словом, все то, делает семью крепкой и вообще – семьей.

Ключевые слова: автобиографическая трилогия, Л. Н. Толстой, мир, семья, семейные ценности, любовь, добро.

Л. Н. Толстой как в своей личной жизни, так и в творчестве важнейшую роль отводил семье, считая именно ее, а не государство и церковь, главным институтом человеческой жизни. «Семейная любовь... самое важное и самое благотворное из всех добрых чувств человека» [5], – писал он. Мир семьи нашел отражение во многих произведениях нашего великого земляка, и первым – и одним из наиболее ярких в их ряду – стала автобиографическая трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность» (1852–1857).

Повествование в трилогии ведется от лица ее героя Николеньки Иртеньева – персонажа, чье взросление, становление личности неразрывно связано с миром семейных ценностей, и важнейшие из них – взаимная привязанность, любовь друг к другу родных людей, способность делить радости, вместе, поддерживая близких, переживать горести – словом, все то, делает семью крепкой и вообще – семьей. Мать, отец, бабушка, старший брат Володя, сестра Любочка – это тот семейный круг, в котором живет и которым бесконечно дорожит Николенька, как дорожит он и самой атмосферой дома, семьи – любовной, доброжелательной.

И духовный центр домашнего, семейного мира – мать братьев Иртеньевых, или татап, как ее называет Николенька. Любовь к детям, любовь ко всем близким и к людям вообще, необыкновенная доброта – отличительные черты матери рассказчика. Вспоминая счастливое, невозвратимое время детства, автор пишет: «Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какую она была в это время, мне представляются... ее карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь...» [4, с. 33]. Вместе с Николенькой мы ощущаем прикосновение нежной материнской руки, слышим ее ласковый голос: «– Ты опять заснешь, Николенька, – говорит мне татап, – ты бы лучше шел наверх. – Я не хочу спать, мамаша, – ответишь ей, и неясные, но сладкие грезы наполняют воображение... Чувствуешь, бывало, вприсонках, что чья-то нежная рука

трогает тебя; по одному прикосновению узнаешь ее и еще во сне невольно схватишь эту руку и крепко, крепко прижмешь ее к губам...» [4, с. 75–76]. «Моя душечка» [4, с.76], «мой ангел» [4, с.76] – обычные обращения матери к сыну, но какой любовью отзываются они в душе ребенка, как важны для понимания им того, насколько он любим и дорог, какие важные начала любви и добра закладывают они в юной душе!

Отец, как и положено, – главный в семье. На нем – заботы по организации хозяйства, благополучия семьи, и вот мы видим Петра Александровича, а именно так зовут отца, «с жаром» [4, с. 35] разговаривающего с приказчиком Яковом Михайловым; на отце – заботы и по организации всей жизни семьи: «– Вы уже знаете, я думаю [говорит он сыновьям. – *Л.З.*], что я нынче еду в Москву и беру вас с собою... Вы будете жить у бабушки, а татап с девочками остается здесь. И вы это знайте, что одно для нее будет утешение – слышать, что вы учитесь хорошо и что вами довольны» [4, с. 39]. И, хотя братья Иртеньевы уже знали о том, что им предстоит поездка и учеба в городе, но эти слова отца болью предстоящей разлуки с матерью, сестрой, родным домом отзовутся в сердцах мальчиков. Волнение и дрожащий голос старшего брата Володи, острое чувство жалости к матери в душе Николеньки – все это выдает глубочайшую сердечную привязанность братьев к своей семье. Но – вот она, гениальная толстовская «диалектика души»! – рядом с чувством уже надвигающейся тоски по родному дому – радость героя от сознания того, что они, братья, уже стали большими, что перед ними открывается новая жизнь... И как важно суждение отца о том, что лучшим утешением матери станут успехи сыновей! Думать в первую очередь не о себе, не лелеять в себе эгоистического чувства, а заботиться о близких, об их душевном спокойствии и благополучии – вот чему учит отец сыновей.

Тяжким испытанием, неизбывным горем для Николеньки Иртеньева станет смерть татап, но рядом отец, старший брат, сестра, бабушка... Именно сплоченность семьи, а еще – раз навсегда устоявшийся в доме распорядок дня помогут детям пережить это страшное горе, стать взрослее, а главному герою – прийти даже к философскому пониманию того, что «прекрасная душа» [4, с.127] матери «с грустью оглянулась на тот [мир. – *Л.З.*], в котором она оставляла нас» [4, с.127]. «... она увидела мою печаль [говорит рассказчик. – *Л.З.*], сжалилась над нею и на крыльях любви, с небесною улыбкою сожаления, спустилась на землю, чтобы утешить и благословить меня» [4, с.127].

Тяжело переживает потерю своей единственной дочери бабушка главного героя – она даже обезумевает от горя. И, видя страдания родного человека, слыша его слова, пусть бы и в бреду, в отчаянии обращенные к умершей любимой дочери, Николенька подумает: «Только люди, способные сильно любить, могут испытывать и сильные огорчения; но та же потребность любить служит для них противодействием горести и исцеляет их. От этого моральная природа человека еще живучее природы физической» [4, с.136]. – Какой важный нравственный вывод, к которому приходит рассказчик! Подобные открытия станут прочной духовной основой становления личности юного героя, обусловят его отношения с людьми и к людям, и прежде всего близким – бабушке, отцу, брату.

Правда, отношения с братом Володей не всегда будут безоблачными и ровными, что вполне естественно, когда один ненамного старше другого (в плане возраста братьев разделяет всего год и несколько месяцев). Тут будут и ревность, и зависть со стороны младшего – Николеньки, который до поры до времени будет считать, что взрослые «обижают» его только потому, что он «маленький», «меньшой». Но данную ситуацию невольного «противостояния» двух братьев разрешит, как это, наверное, и должно быть, старший брат Володя. Однажды между мальчиками произойдет серьезная ссора, казалось бы, из-за пустяка – Николенька нечаянно разобьет пустой красивый флакончик Володи и услышит от брата нареkanie: «– Сделай милость, никогда *не смей* прикасаться к моим вещам» [4, с.158]. Это «не смей» прозвучит для Николеньки как-то особенно разяще и тем более обидно. А далее последует словесная перепалка, во время которой старший брат назовет младшего «несносным *мальчишкой*» [4, с.158], что еще больше усилит злобу Николеньки, заставит его назвать Володю «глупым» [4, с.158] и даже опрокинуть стол с принадлежностями брата. И вот вечером этого дня ссоры, когда Николенька с отчаянием уже решит, что между ним и братом «все кончено» [4, с.158], что они «навек поссорились» [4, с.158], Володя обратится к младшему брату: «– Николенька! – сказал он мне самым простым, нисколько не патетическим голосом, – полно сердиться. Извини меня, ежели я тебя обидел. – И он подал мне руку. Как будто, поднимаясь все выше и выше, что-то вдруг стало давить меня в груди и захватывать дыхание; но это продолжалось только одну секунду: на глазах показались слезы, и мне стало легче. – Прости... ме...ня, Вол...дя! – сказал я, пожимая его руку» [4, с.159]. Вот это проявление со стороны старшего брата искреннего чувства любви, для которой ссора из-за пустяка не может быть помехой, умения понять и простить станут для Николеньки важным нравственным уроком.

Да, не всегда все бывает гладко в отношениях даже близких людей, но как важно вовремя понять свою ошибку, попросить прощения, быть прощенным и простить, ибо нет ничего важнее главного – любви дорогих тебе людей.

В наше непростое и не очень доброе время, когда, среди прочего, решительно пересматриваются взгляды на семью, на традиционные семейные ценности, актуальность произведений Л. Н. Толстого, которые эти ценности утверждают, только возрастает. И автобиографической трилогии писателя в этом утверждении принадлежит особое место.

Литература

1. Из опыта преподавания дисциплины «Литературное краеведение Тульской области: Л. Н. Толстой и Тульский край» / Захарова Л. В. [и др.] // Из опыта преподавания литературного и лингвистического регионоведения : учеб. пособие. Тула : ООО «ПромпилотПро», 2019. С. 7–33.

2. Ломунов К. Н. Лев Толстой. Очерк жизни и творчества. М. : Дет. лит., 1978.

3. Толстой Л. Н. Без любви жить легче. М. : АСТ, 2014.

4. Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2014.
5. Толстой о семье. URL: <https://sbornik-fraz.ru/citaty/tolstoj-o-seme-citaty.html>

Т. В. Капшукова

Брянский государственный университет имени И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)

Научный руководитель – О. А. Головачева

ОСНОВНЫЕ ЖАНРЫ В ЛИРИКЕ М. ДЕНИСОВОЙ

Аннотация. Статья посвящена описанию основных жанров в лирических произведениях М. Денисовой. Актуальность исследования продиктована возросшим интересом к творчеству региональных поэтов и писателей. Это богатый источник для наблюдения над языком и особенностями стиля женской поэзии. Материал для исследования извлечен из сборника стихов. Основным методом, используемым в работе – описательный (наблюдение, классификация, анализ и последующий синтез языковых явлений).

Ключевые слова: поэзия, жанры поэзии, региональная поэзия, лирика, элегия.

Характеризуя жанры лирических произведений М. Денисовой, следует выделить, прежде всего, романтическую элегию – древнейший литературный жанр, структурные принципы которого позволяют осуществить анализ (зачастую очень сложный) душевных тревог и раздумий лирической героини, показать определенное состояние души поэта. Элегия – это жанр, повествующий о размышлениях и воспоминаниях. О быстротечности жизни, неразделенной любви, воспоминания о минувших днях. Элегии присущи жизнеутверждающие идеи, но чаще на первый план выходят смятение, отчаяние, чувства неудовлетворенности и разочарования. Зачастую, поэтесса ведет повествование от первого лица, рассказывая о своих жизненных переживаниях. К таким произведениям можно отнести: «Сомнение», «Коснись травы...», «Седой скрипач», «Единственная любовь», «Дорога», «Нитка жемчуга мне подарена» и т. д.

Еще одну жанровую группу – и, наверное, самую многочисленную, составляют стихотворения, которые можно условно назвать, как «исповедь женского сердца». Подобные произведения напоминают элегии, но отличаются от них большим диапазоном переживаемых эмоций и чувств, их подробной характеристикой, вследствие чего аналитический аспект становится более углубленным, нередко приобретая при этом философскую окраску [1, с. 148]. Сюда следует отнести, прежде всего, такие произведения: «Ты старше меня на столетия...», «Коснуться Вашей руки дрожащей», «Скажи мне тихое «прости»», «Счастье краденое, краткое» («Прощай» – это значит прости и не жди \ Ни поздних звонков, ни взволнованных писем.\ Бессонница мраком теснится в груди,\ И ты навсегда от меня независим.\ Слова обозначены контуром дней,\ Очерчены мягкой линией плача.\ Ты был необъятною болью моей,\ Далекой мечтой, неземною удачей (с. 76)¹.

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Денисова М. В. Без гнева и пристрастия. Стихи. Брянск: Товарищество «ПРИДЕСЕНЬЕ», 1996 (в скобках даны номера страниц).

Следующий жанровый блок стихотворений М. Денисовой составляют романсы и песни, оразившие не только любовную тематику и порывы лирической героини к личному счастью.

Особую разновидность этого жанрового «блока» составляют песни и романсы написанные на стихотворения, наполненные религиозно-философскими размышлениями о истинном предназначении человека, о христианских истинах и воззрениях на Бога и человека, добро и зло, милосердие и сострадание. «Благодарение», «Ларчик», «Любить бессмысленно легко», «Вьется, вьется тонкий ладан», «Все мираж, все исчезло где-то», «Долгая зима» и др. (Вьется, вьется тонкий ладан.\ Дьякон, кланяясь, кадит.\ Мне бы жить не так – как надо,\ Мне б пожить – как Бог велит (с. 54).

Среди композиторов, сочинивших музыку на стихи М. Денисовой – Марио Бустилло, А. Стрекалов, В. Семин и др.

Следующую жанровую группу лирики образуют стихотворения, созданные по типу дружеских посланий и посвящений. Подобные стихотворения зачастую рождаются от чувств, связанных с конкретным человеком, который может быть родным, близким, другом, возлюбленным, учеником, учителем, наставником или оппонентом. Более того, посвящение может быть самой драгоценной благодарностью за вдохновение. Круг адресатов Маргариты Денисовой весьма широк: *Светлой памяти моей бабушки Ксении посвящается\Бабушке Ксении «Ты – Родины моей прекрасный свет»;* *«Чужестранка», Сестре Елене «И что захочет время, уходя», Моей племяннице Вике Макушкиной «Тебе еще нет пяти», Володе Тарунтаеву «Душа», Е. Лопатиной «Стаккато»), О. Силаевой «Мелодия», В. Титову «Предновогоднее», Н. Глухову «К плечу приникну головой» и т.д.* Огромное количество стихотворений посвящено маме: *Тобой изваяна, тобой... \Моей изваяна судьбой\Твоя судьба.\ Мой каждый вздох и каждый шаг,\ И каждый взмах карандаша – Твоя мольба.\ Когда б персты легко могли\ Сравнять неровности земли\ Для ног больных,-\ Ты путь лежащий предо мной, Изгладила б своей рукой, \ Чтоб страх притих\ И спал, хотя бы краткий год, -\ А без него и боль уйдет...\ И жизни всей\ Не хватит, Чтобы оправдать\ Моих упреков благодать\ В судьбе твоей (с. 34).*

Особое место в стихотворениях этого жанра занимают завуалированные посвящения, где вместо имени адресата только инициалы. Автор как бы намекает, что разговор носит слишком личный характер, поэтому он не может обнародовать личность реципиента.

Такие посвящения всегда добавляют особую остроту восприятия поэзии. Посвящая стихотворение человеку, который читателю заведомо неизвестен (а зачастую и называя этого человека только именем или инициалами, расшифровать которые может лишь самый близкий к автору круг людей), поэт обращает особое внимание на то, что в стихотворении содержится некий слой смыслов, доступный исключительно «своим». [2, с. 56]. Среди них: *А.С. «Прислушайся к безмолвию ночи»;* *В.Т. «Ты, спешащий на яркий свет»;* *Е.И. «SOTTO VOCE»;* *Г.Р. «AB INCUNABULIS»;* *М.Б. «Через тернии»* и т. д.

Есть целые циклы стихов-посвящений: «Во веки веков» посвящено *Г.К.*; «Святая горечь любви» – *О. В.*; «Адажио» – *Серафиму Янпольскому*.

Стремление поэтессы воспроизводить действительность стихотворными циклами свидетельствует об устойчивости и типологической общности интересов и подтверждает незаурядность мастерства поэтессы [3 с. 12].

Таким образом, охарактеризовав жанровые особенности лирики М. Денисовой, можно сделать выводы, что все стихотворения поэтессы представляют собой не что иное, как исповедь, сердечные раздумья автора на самые различные темы: любовь, тайные увлечения женского сердца, печаль тонко чувствующей души, отношения между людьми, смысле существования и бытия, порыв к идеальному, духовно значимому и т. д. [4, с. 112]. Сплав мысли и чувства при доминанте лирических интонаций – так, пожалуй, можно отнести то характерное, что следует отнести к жанровому своеобразию лирики М. Денисовой.

Литература

1. Круглова Т. С. Жанр лирического посвящения в поэзии Марины Цветаевой // Вестн. Вятского гос. ун-та, 2009. С. 147–149.
2. Азарова Н. М., Корчагин К. М. Поэзия : учеб. М. : Обьединенное гуманитарное изд-во, 2016. С. 105.
3. Сухова Н. А. Мастера русской лирики. М. : Просвещение, 2000.
4. Дмитриев Е. В. Фактор адресации в русской поэзии XVIII–XX вв. : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.

Е. С. Колесникова, М. Н. Шевченко

*Мозырский государственный педагогический университет
им. И. П. Шамякина (Мозырь, Беларусь)*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРИГИНАЛЬНОГО И ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА ПОВЕСТИ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА «ДИКАЯ ОХОТА КОРОЛЯ СТАХА»

Аннотация. В статье рассматриваются и сопоставляются языковые средства организации текста оригинала и перевода повести Владимира Короткевича «Дикая охота короля Стаха». Выявлены приёмы художественного перевода лексических средств на разном уровне в одинаковых контекстах, в которых используются межязыковые трансформации: компрессия текста, симбиоз транскрипция / транслитерация, замена слов и словосочетаний.

Ключевые слова: перевод текста, трансформация, повесть, белорусизмы, эквивалентная лексика.

Перевод любого литературно-художественного текста всегда основан на смысловых и структурных трансформациях, которые в значительной степени отличают переводимый текст от оригинала. По сути, в процессе перевода исходного текста на другой язык, даже близкородственный, создается совершенно артефактное произведение, и несмотря на то, что переводчик отлично владеет лексико-семантическими и стилистическими системами двух языков и максимально близко, как посредник между творческой личностью писателя и языковой личностью читателя, передает национально-этническую и культурную информацию.

С целью сопоставить различные расхождения и взаимосвязь межязыковых трансформаций оригинального произведения и его перевода, в качестве объекта исследования была выбрана повесть «Дикая охота короля Стаха» классика белорусской литературы Владимира Семеновича Короткевича и авторизованный перевод данного произведения на русский язык Валентины Щединой.

Е. Н. Лапковская совершенно правильно подчеркнула, что «общность происхождения восточнославянских языков, близость их исторического развития и взаимодействия на современном этапе обусловили наличие в белорусском и русском языках одинаковых или близких слов, словосочетаний, оборотов. Вместе с тем, в любом языке отображена единая, самобытная и неповторимая картина видения мира, что приводит к наличию тех слов, словосочетаний, оборотов, которые отличают один язык от другого» [3, с. 168].

Культурологическое содержание в переводе повести создается в описаниях социокультурных объектов, народных обрядов и традиций с помощью лексико-семантической и грамматической системы языка. Так, «употребление белорусизмов в переводных текстах является процессом объективно закономерным. Идеино-художественное содержание произведений, их стилистика, необходимость передать образность и выразительность языка оригинала служат

предпосылками широкого использования белорусизмов. Объективность данного процесса находит подтверждение как в использовании определенных белорусизмов с одинаковыми художественными целями и задачами в различных произведениях, так и в том, что в выполненных разными переводчиками переводах одного и того же произведения к решению этих целей и задач привлечены в одинаковых контекстах одни и те же белорусизмы» [4, с. 75].

Это непосредственно связано с проблемой «непереводимого в переводе». При переводе такой лексики использовался прием транскрипции / транслитерации – белорусские слова передавались средствами графической системы русского языка. Этот графический способ использовался при передаче собственных имен, национальных названий еды, напитков, танцев, одежды, музыкальных инструментов. Например:

1. Я гаспадыня Балотных Ялін. *Надзея Яноўская* [1, с. 30]. – Я хозяйка Болотных Ялин. *Надея Яновская* [2, с. 419].

2. *Рыгор* выступіў з-за хмызоў, якія ляжалі ля паваленай агароджы, а за ім з’явіліся з цемры людзі, чалавек дванаццаць [1, с. 179]. – *Рыгор* выступил из-за кустов, росших у поваленной ограды, а за ним из темноты появились люди, человек двенадцать [2, с. 580].

3. Яшчэ тое, – панура мармытаў Рыгор, – што ты памыляешся, Беларэцкі [2, с. 132]. – Еще то, – угрюмо бормотал Рыгор, – что ты на *кривом шляху*, Белорецкий [3, с. 529] (кривы шлях (бел.) – кривой путь (рус.)).

В третьем примере происходит замена общеупотребительного слова *памыляешся* метафорой *на кривом шляху* в значении 'неправильный, ложный'. В результате декомпрессии метафоры увеличился объем текста, а вместе с этим произошло увеличение передаваемой информации, контекст приобрел образность.

4. А ў пярэрвах ён прапаноўваў то «бліны з *мачанкаю*», то «надзвычайныя *штонікі* з маслам, так і плаваюць у масле, святыя такіх не елі» [1, с. 89]. – А в перерывах он предлагал то блины с *мачанкой*, то необычные «*штоники*» с мясом, так и плавают в масле, святыя таких не едали [2, с. 483–84].

В этом примере переводчик еще употребил прием замены лексем. Слово «*маслам*» оригинального контекста он заменил в переводе лексемой «*мясом*», тем самым исказил представление читателя о традиционном национальном блюде, в состав которого мясо не входило.

Не понятна ситуация, когда переводчик для названия бренда спиртного напитка использует в переводе латинскую графику вместо русской:

Го! Старку польскую ведаеш, гарэлку ведаеш, хахлацкі спатыкач таксама, а нашага «*трыс дзівінірыс*» не ведаеш [1, с. 87]. – Го Старку польскую знаеш, водку знаеш, хохлацкий спотыкач тоже, а нашего «*Tris deveniris*» не знаеш [2, с. 482].

5. І танцы, якія даўно выйшлі з моды паўсюль: «*Шаконь*», «*Па-дэ-дэ*», нават «*Лябедзік*» – гэта манерная беларуская пародыя на «*Менуэт*» [1, с. 71]. – И танцы, которые давно вышли повсюду из моды: «*Шаконь*», «*Па-де-де*», даже «*Лебедик*» – это манерная белорусская пародия на «*Менуэт*» [2, с. 464].

Усім добрыя нашы танцы, але такога агнявога, як польскі мазур, няма. «Лявоніха» – толькі яна і магла б паспрачацца, але для яе трэба некалькі пар... [1, с. 80]. – Всем хороши наши танцы, но такого огневого, как польская мазурка, нет. Только «Левониха» и могла бы поспорить... [2, с. 474].

6. *Жупан* на грудзях і жываце – *жупан* з вішнёвага з золатам сукна – вось вась пагражаў луснуць. Паверх яго чалавек нацягнуў *чугу*, старажытную беларускую верхнюю вопратку [1, с. 64]. – *Жупан* из вишневого с золотом сукна на груди и животе готов был лопнуть. Поверх его этот исполин натянул *чугу*, древнюю белорусскую одежду [2, с. 457].

В этом примере переводчик еще упростил синтаксическую структуру первого предложения. Во втором предложении применил прием замены лексем и не совсем удачно. Автор повести употребил нейтральное слово *чалавек*, которое не указывает на какие-либо его физические характеристики, и воспринимается читателем как обычный субъект, а переводчик воспользовался лексемой *исполин* в значении 'великан, богатырь', что совсем меняет виртуально-образное представление реципиента о человеке.

7. *Цымбалы, дуда*, нешта падобнае да тамбурына, стары гудок і чатыры скрыпкі [1, с. 64]. – *Цимбалы, дуда*, нечто подобное на тамбурин, старый гудок и четыре скрипки [2, с. 464].

Транслитерационная передача такой лексики в переводимом тексте повести логически закономерное явление, а вот транслитерация и транскрипция иной лексики и компонентов образно-изобразительных средств, которые имеют эквиваленты в русском языке, могли бы быть автором переведены, и не было бы необходимости передавать их графическими средствами русского языка. Например:

1. Але ж, *бачу* я, ты гэта толькі зараз прыдумаў: звярнуцца да мяне [2, с. 120]. – Однако, *бачу* я, ты это только теперь придумал: обратиться ко мне [3, с. 517]. (*Бачу* (бел.) – *вижу* (рус.));

2. Усе яны тут ў чаканні жывуць, і, я скажу, большасці так і *трэба* [2, с. 119]. – Все они живут в ожидании, и скажу вам, большинству так и *треба* [3, с. 516]. (*Трэба* (бел.) – *нужно* (рус.)).

Немногочисленной отличительной чертой исходного художественного текста и текста перевода является стилистическая компрессия, при которой теряется адекватная передача смысла замененной фразы. Например: І раптам полымя свечкі пацягнулася да столі, *стала чэзнуць, чэзнуць, знікаць, знікаць, і згасла*, нарэшце, знясіленае барацьбою з цемраю [1, с. 196]. – И вдруг пламя свечи потянулось к потолку, *стало уменьшатся и, наконец, погасло*, обессиленное борьбой с мраком [2, с. 598].

Писатель повести употребил стилистическую фигуру речи нисходящая градация, а переводчик применил прием компрессии текста, упростил ее, в результате чего потерялось образное представление процесса горения свечи.

Таким образом, в результате анализа художественных текстов (оригинала и перевода) было определено, что сохранение индивидуального стиля писателя стало главной задачей переводчика. Однако, несмотря на проявление творческого отношения к переводу художественного текста, не всегда ему

удалось передать литературный талант автора повести. Заменяя авторские художественные приемы другими, переводчик не совсем адекватно создает художественный образ изображенной действительности, этим самым не достигает полноценного эстетического воздействия на реципиента. Возникает еще эксплицитное представление о том, что наибольшей трудностью переводчика является процесс перевода безэквивалентной лексики и компрессии текста.

Литература

1. Караткевіч У. Дзікае паляванне караля Стаха : [аповесць]. Чорны замак Альшанскі : [раман]. Мінск : Маст. літ. 2000.

2. Короткевич В. Черный замок Ольшанский : [роман]. Дикая охота короля Стаха : [повесть] : [авториз. пер. с белорус. В. Щедриной]. Минск : Маст. літ. 1992.

3. Лапковская Е. Н. Белорусский язык (профессиональная лексика) : учеб. пособие. Гродно : ГрГУ, 2009.

4. Махонь С. В. Белорусские языковые элементы в переводах одинаковых художественных текстов // Вопр. лингвистики: сб. науч. ст. (к 70-летию проф. П. П. Шубы). Минск, 1996. № 1. С. 73–78.

Е. В. Костромина

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)*

Научный руководитель – **В. И. Абрамова**

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЮЖЕТОВ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕСНЯХ ГРУППЫ «КОРОЛЬ И ШУТ»

Аннотация. В статье рассматривается текстовая реализация песен российской рок-группы «Король и Шут», основанных на разных жанрах русского и европейского фольклора и представляющих смешение мифологических образов, литературных сюжетов, которые формируют образную систему музыкальных произведений.

Ключевые слова: рок-группа, сюжет, рассказ, баллада, фольклор, миф, волшебная сказка, фэнтези, хоррор.

Почти каждому известна российская рок-группа «Король и Шут». Их песни могут стать бессмертными благодаря необычным сюжетам, которые воплощены благодаря обилию обрамляемых жанров. Чреду таких форм составляют: быличка, рассказ, баллада, волшебная сказка.

Сама группа настаивала на том, что их творчество сводится к басенному жанру. На деле же оно представляет их смешение, к числу которых относят и фэнтези, и фантастику, и юмор, и хоррор.

Вдохновение участники черпали из разных культурных источников: музыки, собственного сочинения, рисунков, создаваемых Андреем Князевым, фильмов, и самое главное – литературы. Текстовая реализация их песен – это полноценные рассказы с подробным описанием места действия, героев, событий, где чаще всего, главными персонажами становятся мифические существа, взятые как из русского, так и европейского фольклора.

Одними из любимых авторов группы являлись следующие писатели: Н. В. Гоголь, Г. Уэльс, А. Беляев, Г. Лавкрафт. К числу привлекательных сюжетов участники группы относят те, которые отражены в сказках о мертвецах и ведьмах. Допустимо утвердить, что литература в той или иной степени оказала влияние на сюжеты, созданные фронтменами.

Так, у песни «Дагон», выпущенной в 2008 году сопровождается богатой историей. Известно, что сюжет для неё был заимствован из повестей Говарда Филлипса Лавкрафта: «Дагон», «Тень над Иннсмутом», «Зов Ктулху». Все они перекликаются друг с другом, так как основаны на историях о подводном мире и его обитателях. В главной из них – «Тень над Иннсмутом», главный герой сталкивается со сверхъестественными событиями в городе Иннсмут и жаждет выяснить причины происходящего. Вскоре он узнает, что в морских глубинах существуют разумные амфибии, которые некогда заключили договор с людьми о выгодном обмене. Жители города должны были даровать богу Дагону жертвы и спариваться с Глубоководными.

А те в свою очередь пообещали неплохой улов рыбы и всяческие богатства. Впоследствии становится известно о том, что дети гибридов превращались из людей в амфибий и уходили навсегда в пучину. Вскоре главный герой (имя, если его нет – рассказчик) узнает о причастности к роду глубоководных и решает вместе с братом, находящимся в психиатрической больнице, бежать навстречу морским глубинам. В песне происходит нечто похожее. Завязка начинается с того, что рассказчик описывает череду событий, взятых из хроники главного героя. В ней исчезают люди из «рыбацких деревень» в туман, заходящий из моря. По мере развития сюжета мы видим появление героя совсем с другой стороны, под именем «сын Дагона». Пускай он еще человек, но сам уже чувствует зов моря. В отличие от повести, где герой только размышляет об уходе в море, в песне авторы немного изменили финал, где он все-таки ныряет вглубь и скрывается там. А после становится известно о новой расе, родившейся под водой. Идея песни кроется в прекрасной жизни на острове Томаса Мора. В подводном мире-утопии, котором все счастливы.

Ещё одним достойным произведением является песня «Охотник», написанная Андреем Князевым под впечатлением от просмотра фильма "Серебряная пуля", снятым по мотивам книги Стивена Кинга "Цикл Оборотня". Здесь сюжеты разнятся, наблюдается их некоторое смешение. У Кинга оборотень является священником, который сначала не подозревает какое существо он на самом деле. Но в ночь очередного нападения, он лишается глаза и желает отомстить уже осознанно, страшаясь, что все узнают правду. Его останавливает лишь серебряная пуля. У группы же сюжет изменен. Рассказ начинается с того, как пятеро мужиков беззаботно справляют вечер. Все это сопровождается обыденным для группы описанием пейзажных зарисовок, как одной из форм художественного психологизма. По мере развития сюжета оказывается, что на чердаке не спит охотник Себастьян. А как появляется полная луна, превращается в страшного зверя и идёт за добычей. Заканчивается повествование пятью кровавыми телами у реки и вполне комичным высказыванием самого зверя: «О, как я сладко спал!». Это возвращает нас к произведению Кинга о неосознанном поведении его Оборотня и Себастьяна.

Достоин внимания сюжет песни «Воспоминания о былой любви». Сначала никакого текста не было. Была лишь музыка и смешная карикатура, нарисованная Андреем Князевым. На ней было изображено, как «бородатый мужик показывает своему спутнику на мёртвое тело и говорит о том, что в этом лесу лорд снова и снова будет наткаться на воспоминания о его былой любви». Отсылка к бородатому мужчине и будущий сюжет отчётливо напоминают сказку о «Синей Бороде». Но сюжетные события, происходящие в детской книжке и песне, отличны. Что у Братьев Гримм, что у Шарля Перо главный герой предстаёт серийным убийцей и маньяком. Он богат, но из-за своей нестандартной внешности одинок, поэтому усердно ищет себе спутницу. Когда мужчина находит жену, он отдаёт ей ключи от всех дверей в комнате с наказом: не открывать только одну, а сам уезжает в путешествие. Любопытство девушки приводит её в комнату, где та обнаруживает трупы бывших жён Синей Бороды. Она должна будет поплатиться за нарушение просьбы мужа. Но в обеих сказках бедняжку спасают её

брatья. В тексте Короля и Шута раскрывается внутренний мир героя. На самом деле он одинок, закрыт от окружающих, живёт в тёмном замке. Его душу «мучает порой царящий в нем покой...». Душа героя разрывается на части, ведь ему хочется понимания. Но он его не найдёт, так как ментально не является здоровым. Заключённый в своих фантазиях и воспоминаниях, он создал восковых фигур из возлюбленных, которых сам же и задушил. Возможно на такой шаг его сподвигла глубокая рана, произошедшая с ним очень давно. Поэтому теперь у него психологическая травма, не дающая ему покоя и подстрекающая убивать. Восковые фигуры здесь появились не просто так. Они были навеяны просмотром фильма «Музей восковых фигур», сценаристом которого является Энтони Хикокс. В кинокартине не было влюблённого обитателя замка, зато органично были вписаны оживающие восковые фигуры.

Таким образом, изучая песни группы «Король и Шут» с литературной точки зрения, можно найти немало интересных зарубежных источников, используемых для создания музыкальных произведений. А также удивиться мастерству изображения героев в предлагаемых обстоятельствах и чуткому отношению к его внутреннему миру, через собственные чувства и психологизм, выраженный через природу.

Таким образом, изучение текстов песен группы «Король и Шут» является перспективным направлением литературоведческих исследований, в которых обнаруживается смешение мифологических образов, литературных сюжетов, формирующих образную систему отдельных музыкальных произведений. Удивительно мастерство, проявляющееся при создании действующих героев и персонажей, помещенных в определенные обстоятельства.

Литература

1. Балунов А. В. Между Купчино и Ржевкой.... М. : Изд-во «АСТ», 2016.
2. Лавкрафт Г. Ф. Большое собрание сочинений в одном томе. М. : Изд-во «Эксмо», 2023.
3. Перро Ш. Синяя Борода. М., 1985.
4. Гримм Я. Л. К., Гримм В. К. Синяя Борода. Алма-Ата : Изд-во «Жазушы», 1988.
5. Кинг С. Куджо. Цикл оборотня. М. : Изд-во «АСТ», 2015.
6. Дарья Шаповалова : интервью порталу «НАШЕ.ru». URL: <http://www.korol-i-shut.ru/press/21/1120/>
7. Катерина Воскресенская : интервью с Андреем Князевым. URL: <https://sub-cult.ru/interview/2844-andrej-knjazev-vse-cto-vy-hotite-v-zhizni-mozhno-poluchit-v-muzyke>

Н. А. Красовская

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)*

АКТУАЛЬНОСТЬ ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ В СЕРБСКОЙ АУДИТОРИИ*

Аннотация. В статье рассматривается проблема изучения текстов русских сказок на занятиях по русскому языку как иностранному в сербской аудитории. Автор предлагает собственную методику, в которой совмещает работу с языковым материалом, рассмотрение содержательного аспекта сказок, а также возможное привлечение иллюстративного материала, мультипликационных фильмов. Автор обращается к опыту изучения русских народных сказок.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, фольклор, сказка, развитие речи.

Международная политика Российской Федерации направлена на продвижение русского языка за рубежом. В актуальности этого положения не приходится сомневаться, так как об этом сказано в новой «Концепции внешней политики Российской Федерации», где прямо **определяется** «усиление значимости России в мировом гуманитарном пространстве, укрепление позиций русского языка в мире, содействие сохранению за рубежом исторической правды и памяти о роли России в мировой истории» [2].

Для того чтобы изучение русского языка в настоящее время было доступным и массовым, наша страна предлагает открыть в разных государствах мира, в том числе и в инославянских государствах, Центры открытого образования на русском языке и по изучению русского языка. В частности, значимость таких центров для Республики Сербской Боснии и Герцеговины, Республики Сербии трудно переоценить.

Разрабатываемые учебные программы по изучению русского языка и продвижению русского языка в этих государствах, по нашему мнению, могут иметь несколько направлений. Так, образование на русском можно предлагать целевой аудитории, которая уже владеет русским языком или для которой русский язык является родным.

Для иных слушателей можно предлагать курсы русского языка разных уровней: элементарного, базового и т. д. В том числе такие курсы важны и для студентов, которые готовятся стать преподавателями русского языка.

В частности, при продвижении русского языка и при проведении занятий по русскому как иностранному мы можем опираться на свой опыт, который мы по-

* Статья публикуется в рамках выполнения госзадания Министерства просвещения РФ на тему «Формирование модели подготовки преподавателя РКИ (в рамках сотрудничества с Боснией и Герцеговиной (с акцентом на Республику Сербскую))».

лучили при чтении различных курсов в Новисадском и Белградском университетах. О некоторых особенностях работы со студентами-сербскими мы уже писали (см. об этом Красовская [3]).

Центры открытого образования на русском языке должны способствовать как продвижению русского языка за рубежом, так и более значительному знакомству с русской культурой, историей, наукой, педагогикой, русской ментальностью. Именно поэтому различным методикам, которые могут быть использованы при изучении русского языка на элементарном, базовом или иных уровнях, уделяется значительное внимание.

Так, ориентируясь на запросы студентов и на определенный учебно-тематический план, мы обращались к чтению и анализу таких русских народных сказок, как «Колобок» и «Репка». Использование потенциала русских народных сказок в обучении РКИ является достаточно традиционным. Так, И. С. Трыгуб отмечает: «Изучение иностранного языка на материале сказок... дает возможность лучше понять средства выражения изучаемого языка, характер мышления народа, его национальное своеобразие. Народ и язык – понятия неразделимые, в языке закрепляется опыт народа. Русские народные сказки являются ярким тому примером. В них ярко выражены понятия нормативного поведения» [4].

Безусловно, методика работы с названными сказками весьма разнообразна. Именно поэтому отметим, что уровень знания русского языка для проведения подобных занятий должен быть не ниже базового. Кратко остановимся на некоторых своих размышлениях и на используемых материалах.

Начиная занятие, необходимо выяснить, что обучающиеся знают о жанре сказки, о разновидностях и классификациях сказок.

Затем, по нашему мнению, удобнее обращаться к рассмотрению сказки «Колобок» и начинать нужно именно с ее названия, так как оно содержит корень, который встречается и в сербском языке и, можно сказать, является в большой степени общеславянским. С образа Колобка и начинается анализ сказки. Студентам задается ряд вопросов: – *Почему колобок круглый? Как вы думаете, из чего сделан Колобок? Почему Колобок оказывается на окошке?*

В процессе анализа используем ряд иллюстраций, которые помогают более подробно описать Колобка, сделать некоторые наблюдения над его возрастом, над тем, как представляют Колобка различные иллюстраторы.

Перед переходом к дальнейшему чтению и анализу сказки необходимо выяснить, как хорошо сербские студенты знакомы с образами животных. Желательно перевести названия животных, которые встречаются на пути Колобка на сербский и английский языки. Мы при работе с образами животных также вспоминали многочисленные устойчивые выражения, фразеологизмы, которые встречаются в русском языке и которые отражают образы Волка, Зайца, Медведя, Лисы. Например: *медвежья услуга, сильный как медведь, трусливый заяц, лисья хитрость, страшный волк, глупый волк* и т. д. Можно обратиться к параллельным единицам из сербского языка, если они имеются. О возможностях подбора синонимических единиц из родного языка писал Данило Божович: «...упускается возможность обучения лексике с помощью синонимов, имеющих

сходство с русскими словами, построения ассоциативных связей между русскими и сербскими словами» [1, с. 5]. Действительно, подобную сравнительную работу над лексико-фразеологическими единицами возможно проводить при изучении текстов сказок. Мы ставим перед обучающимися задачу – определить основное свойство в поведении этих персонажей-зверей, выявить самое важное качество характера, которое с ними связано.

Отдельно нами рассматривается дорога, по которой катится Колобок. Обычно на иллюстрациях это дорога не изображается прямой, а изображается извилистой, неровной. Наконец, мы сравниваем приключения Колобка с дорогой жизни, с жизнью человека, с теми испытаниями, которые человеку приходится преодолевать на своем жизненном пути.

В процессе анализа мы неоднократно читаем сказку, читаем по ролям. Помимо этого, большую роль в понимании содержания сказки, ее глубины, народной мудрости играет иллюстративный материал, который мы предлагаем студентам, обращая внимание на то, что есть одинакового в представлении разных художников, чем иллюстрации отличаются.

Домашнее задание направлено на выразительное чтение сказки и подготовку ответов на вопрос о том, какие есть еще детали в сказке (они встречаются в иллюстрациях, в мультфильмах), которые важны для понимания ее глубокого смысла?

Следующая сказка, которая заинтересовала сербских студентов, – это сказка «Репка». Вначале мы также обращаем внимание на название. Вспоминаем, что обозначает слово *репа*, рассказываем об этом овоще, показываем картинки и, кстати, проводим некоторые аналогии с Колобком, с желтым, светлым, круглым. Затем так же, как и в сказке «Колобок», нами с помощью студентов рассматриваются образы людей и животных. Встречаются дед и бабка, из животных – собака, кошка, мышка. Мы также переводим эти названия на сербский и английские языки, а затем просим студентов вспомнить характеристики этих животных, которые отражены в языке в виде устойчивых словосочетаний, фразеологизмов: *жить как кошка с собакой, собачья смерть, знает кошка, чье мясо съела, мышкин хвостик* и др. Делаем выводы об особенностях поведения животных.

Читаем фрагменты сказки, смотрим иллюстрации, сравниваем, находим общее и устанавливаем отличия. Затем обращаемся к образу внучки. Ставлю перед студентами вопросы о том, почему нет папы и мамы, почему помогают друг другу животные, которые должны были бы съесть друг друга? Перед тем, как студенты предлагают свои версии ответов, смотрим мультфильм по указанной сказке.

После рассуждений студентов пытаемся делать совместный вывод о том, что помогать друг другу могут очень разные существа, если есть то, что их объединяет, если есть связь идей, мыслей и традиций. Что также очень важно и для осуществления связи поколений.

В качестве домашней работы предлагаю прочитать сказку и подумать над тем, какой известный русский фразеологизм или известное устойчивое выражение в большей степени отражает содержание, общую идею сказки.

Таким образом, можно говорить о том, что проведение на уроках русского языка достаточно серьезного и глубокого анализа произведений устного народного творчества позволяет решить ряд задач. Во-первых, обращение к текстам сказок расширяет словарный запас обучающихся и дает возможность проводить различную работу по развитию речи: это и обращение к отдельным лексическим единицам, к устойчивым сочетаниям, беседа, развернутые ответы на поставленные вопросы и т. д.

Во-вторых, работа, направленная на анализ текста сказок, помогает определить важнейшие духовно-нравственные составляющие, которые свойственны русской ментальности и которые находят отражение в произведениях устного народного творчества: доброта, взаимопомощь, сопереживание, храбрость, сила и др.

В-третьих, привлечение большого количества иллюстративного материала позволяет связать рассматриваемые тексты сказок с различными видами искусства: кинематографией, мультипликацией, изобразительным искусством.

Литература

1. Божович Д. Положительный перенос в обучении сербов русскому языку // Проблемы современного образования. 2021. № 5. С. 170–181.

2. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. 31 марта 2023 г. URL: [http:// www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/](http://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/) (дата обращения: 14.04.2023).

3. Красовская Н. А. Русский язык в сербской аудитории: некоторые наблюдения // Русский язык и литература в современных реалиях : материалы междунар. межвуз. науч.-практ. конф. (Душанбе, 26–27 февр. 2016 г.). Душанбе : Таджик. нац. ун-т, 2016. С. 149–155.

4. Трыгуб И. С. Лингвометодический потенциал народных сказок в обучении русскому языку как иностранному младших школьников : дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/lingvometodicheskii-potentsial-narodnykh-skazok-v-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu> (дата обращения: 20.04.2023).

Н. С. Куликова

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)*

**ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО РОМАНА
(на материале романа Питера Акройда
«The House of Doctor Dee» («Дом доктора Ди»))**

Аннотация. Статья посвящена проблеме жанровой принадлежности постмодернистского романа и рассмотрению принципов деконструкции и ассимиляции жанров, используемых современным британским писателем Питером Акройдом в романе “The House of Doctor Dee” («Дом доктора Ди»). Особое внимание уделяется пространственным и временным отношениям, созданным в романе.

Ключевые слова: постмодернизм, жанровая система, время и пространство.

Эпоха постмодернистской культуры предоставила возможность писателям создавать в своих произведениях новую картину мира, используя новаторские техники и переосмысляя литературные жанры и устоявшиеся формы повествования. Такие исследователи как Р. Барт, М. Фуко, У. Беккет отмечали, что в период постмодерна для литературы характерен феномен «смерти романа», связанный с существенными изменениями как формы, так и содержания произведения [5, 7, 8]. Проблема определения жанра, описанная М. М. Бахтиным, переживает сегодня переосмысление в результате становления нового контекста использования уже устоявшихся литературных форм в постмодернистских произведениях [6]. Дж. Суэйлз отмечает, что для теории жанров на современном этапе характерна тенденция жанрификации – рост количества используемых жанров, а также их разнообразие и неповторимость, что в свою очередь приводит к усложнению жанровых систем [3]. В исследовании Дж. Фаулера, которое посвящено современному состоянию теории жанров, отмечается, что жанры не подавляют автора, а являются для него поддержкой и предоставляют пространство для творчества, некую литературную матрицу, с помощью которой писатель упорядочивает свой опыт, получая доступ к формальным принципам организации различных составляющих произведения [2].

Британский писатель Питер Акройд в романе “The House of Doctor Dee” («Дом доктора Ди») деконструирует и пересматривает знакомые нам жанры и формы их взаимодействия: в произведении одновременно можно выделить черты готического и исторического романа, романа воспитания и путешествия, детектива [4]. Однако ни один из этих жанров не является доминирующим, напротив, наблюдается полифония и многообразие приемов и форм, заключенных в одном произведении.

В историческом поле романа перед читателем разворачиваются две сюжетные линии, ограниченные определенными временными рамками. Первая связана

с прошлым Великобритании и рассказывает о судьбе знаменитого ученого и алхимика XVI века доктора Ди, в то время как вторая повествует о событиях, происходящих в современном Лондоне. Благодаря этому личность доктора лишена монотонности интерпретации, его образ разрушает представления о средневековом ученом и становится полем для размышлений. Ключ к пониманию доктора кроется в его собственных словах: “So I had become like the statue Praxiteles made – if one stood directly before it, it seemed to laugh; if on the left side, to sleep: if on the other, to weep” [1, p. 230]. Подтверждение этому находит и Мэтью Палмер, который замечает: “And do you wonder why I'm so confused, when every book has a different Doctor Dee? Not one is alike” [1, p. 136]. В одной из глав доктор рассказывает свою биографию, опираясь на известные факты из жизни настоящего Джона Ди. Основываясь одновременно на исторических фактах и малоизвестных документах, которые не являются достоверными источниками, в романе используется жанровая стратегия исторического романа для создания иллюзии исторической достоверности.

Другой жанровой стратегией, к использованию которой писатель прибегает для создания атмосферы мистики и ужаса, можно считать включение элементов жанра готического романа. Спиритические сеансы с духами, многочисленные видения героев, дискуссии о магии и алхимии усиливают готическую составляющую и в то же время вводят в сюжет новые темы, которые переосмысливаются в эпоху постмодернизма. Воплощением готического образа становится дом, объединяющий в своем пространстве разные эпохи и судьбы и живущий по своим законам: “There is no such thing as history ... History only exists in the present ... Like those steps. We see them now. So are they part of the past or the present?” [1, p. 264]. Дом как самодостаточное пространство создает ощущение повторяемости и текучести времени. Дэниел Мур так описывает дом: “I think time may be a substance as real as fire or water. It can change shape. It can move to a different position... It's because all the time has flowed here, into this house, and there is none left outside. You hold all the time in this place” [1, p. 82]. Таким образом, писатель создает воронку во времени, в которой переплетаются и взаимодействуют друг с другом разные слои повествования. Прошлое и настоящее существуют как две независимые категории, сосуществующие в одном физическом пространстве.

Важное место в жанровой принадлежности романа занимает детективный жанр. В романе детективная составляющая сопряжена с проблемой поиска себя и мотивом самопознания, ведь Мэтью разгадывает череду тайн и загадок, с которыми он неожиданно сталкивается после наследования дома своего отца. Старинный дом становится точкой нахождения истины и одновременно вбирает в себя все временные слои романа. Раскрытие тайн превращается в процесс самопознания, в котором создание чего-то «нового» есть не что иное, как поиск истины в своем прошлом, что отражает идеи постмодернизма.

Чем дольше Мэтью живет в доме, тем живописнее становится и образ города в романе: прошлое Лондона объединяется с его настоящим. По лабиринтам города герой блуждает в поисках ответов на многие вопросы, которые встают перед ним, а образ лабиринта символизирует и поиск самого себя.

Гуляя по Лондону, Мэтью рассуждает о профессии исследователя: “Yet I began to repair my life when I became a researcher and entered the past: then one book led to another book, one document to another document, one theme to another theme, and I was led down a sweet labyrinth of learning in which I could lose myself” [1, p. 129]. Каждый слой повествования соответствует определенному образу Лондона: Мэтью гуляет по современному Лондону, где он ищет ответы на вопросы о прошлом его семьи, а доктор Ди в своих исследованиях пытается разобраться в истории «волшебного града» Лондона, созданного гигантами. В романе герои называют город вечным: “All is now as it was then, and will always be, for the city is so compacted of virtues and humours that it can neither decay nor die. Look, it is all around you” [1, p. 62]. Лондон поглощает время и всю свою бесконечную историю, превращаясь в мистический город, образ которого создается в главе «Dream».

На последних страницах романа появляется и сам писатель, который разговаривает с доктором Ди о книге, написанной о нем. Данный прием нарушает границы жанров, помещая писателя в свое произведение и заставляя его вступать в диалог со своим героем. Писатель раскрывает свой замысел в том, что он взял несколько неясных текстов о докторе и перепутал их (“I have taken a number of obscure texts and have fashioned a novel from their rearrangement”), а также задается вопросом о сущности доктора: “But is Doctor Dee now no more than a projection of my own attitudes and obsessions, or is he a historical figure whom I have tried genuinely to recreate?” [1, p. 275]. Доктор Ди однозначно отвечает на этот вопрос отрицательно: “I am not your little man. I am not your homunculus” [1, p. 275]. Вымышленная биография Джона Ди, которая все же основывается на близости к документальным источникам, оставляет место для интерпретации и размышлений об истинной природе многогранной личности доктора.

Оригинальность романа Питера Акройда “The House of Doctor Dee” («Дом доктора Ди») обусловлена сложным взаимодействием разных жанров. Элементы исторического романа организуют проблематику произведения, элементы готического произведения создают атмосферу и художественный мир повествования, а детективная составляющая символизирует поиск человеком самого себя и своего места в мире. Все используемые писателем жанры становятся элементами постмодернистской головоломки, в которую вовлечен читатель как на уровне сюжета, так и на уровне формы произведения.

Литература эпохи постмодернизма пересматривает традиционные ценности и идеи и предлагает неканонические интерпретации образов мировой культуры, отказываясь от принятых стандартов и норм. Сочетание литературных приемов и форм позволяет убедить читателя в отсутствии абсолютной истины и порождает постмодернистскую вариативность и открытость к интерпретации.

Литература

1. Ackroyd P. The House of Doctor Dee. Hamish Hamilton. L., 1993.
2. Fowler A. Kinds of literature. Oxford : Oxford Univ. Press, 1982.

3. Swales, John M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. 3rd ed. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993.
4. Ахманов О. Ю. Жанровое своеобразие романа П. Акройда «Дом доктора Ди» // Вестн. ТГГПУ. 2010. № 1(19).
5. Барт Р. Драма, поэма, роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр., сост. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 2000. С. 312–334.
6. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопр. литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. С. 234–407.
7. Беккет С. Осколки : эссе, рецензии, критические статьи. М. : Текст, 2009.
8. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. 2008. № 2(65). С. 159–262.

Лю Лу

*Китайский нефтяной университет
(Пекин, Китай)*

ОБРАЗ «ШАЛУНА» В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Детская литература – это неотъемлемая часть художественной литературы, литература для детей своими специфическими средствами способствует воспитанию подрастающего поколения, формированию их взглядов и ценности. Взгляды, передаваемые в произведениях, оказывают важное влияние на дальнейшую жизнь детей. Анализ образов «шалуна» в репрезентативных произведениях китайского и советского авторов способствует раскрытию сходств и различий двух образовательных культур.

Ключевые слова: детская литература, образ шалуна.

Николай Николаевич Носов – известный советский писатель. Творчество Носова решает одну из сложнейших задач художественной литературы для детей: назидание без скуки, показ эволюции детского характера в преодолении собственных недостатков (лени, неорганизованности, безответственности), без натяжек и скидок, в естественном, органичном, увлекательном изложении легко узнаваемых событий жизни ребёнка. Повесть «Витя Малеев в школе и дома» описывает жизнь обычных школьников, их неудачи и победы, борьбу личностей, со своими недостатками, приводит своего читателя к уважению высоких моральных ценностей: доброты, взаимопомощи, дружбы и любви. Несмотря на то, что книга написана много лет назад, но она находит современного читателя и сейчас.

Ян Хуньин – популярный китайский автор детской фантастики. Она получила несколько национальных наград, и её работы были переведены на несколько иностранных языков. После окончания педагогической вуза в 1980 году Ян Хуньин стала учителем китайского языка в начальной школе, для привлечения внимания своих учеников начала рассказывать им истории, таким образом, у нее появился интерес к детской литературе. В начале 1990-х она стала главным редактором детского журнала и начала писать серию коротких рассказов. Проснувшись знаменитой она после издания серии книг «Дневник девочек», следом за которыми вышел и «Дневник мальчиков». Но лучшими ее произведениями, написанными для школьников, считаются «Озорной сорванец Ма Сяотяо». Коллекция книг с главным персонажем Ма Сяотяо раскрывает историю формирования детей как личности, отражает жизненную и психологическую реальную сущность современных детей: открытость, стремление к познанию, любопытство. В своих рассказах автор исследует точки недопонимания между взрослыми и детьми.

Цель нашего исследования – провести сравнительный анализ произведений Ян Хуньи и В. В. Носова на примере образа шалуна.

Отказ от идеального главного героя и приближение к реальной жизни детей.

В работе Носова главный герой, Витя, живой и игривый по своей природе и всегда не выполняет своих обещаний. Перед каникулами он пообещал учителю повторить математику, каникулы пролетели, и он не сдержал своего обещания.

Его друг Шишкин бесконечно откладывает учебу, его привлекает все, кроме учебы, он разбивает тарелки и стекло, чтобы заниматься акробатикой, притворяется больным, чтобы пропустить уроки, разводит дома животных и превратил свой дом в зоопарк. Эти шалуны умничают, ходят друг к другу в гости, чтобы их не ругали родители... Эти детали полны детского невинного озорства. Основное содержание повести – изменение двух главных героев-шалунов, они достигли своих желаний и добились прогресса своими собственными усилиями и в итоге оба получили хорошие отметки. Главное, весь процесс трансформации очень разумен, были трудности, противоречия и конфликты, постоянно меняющиеся эмоциональные переживания.

В «Озорной сорванец Ма Сяотяо» писательница также создала несколько образов «непослушных мальчишек». Ма Сяотяо все время допускает ошибки. Но он олицетворяет стремления к свободе, можем увидеть уникальную энергию – жизненную силу, в отличии от взрослых. Эти озорники имеют среднюю успеваемость, но обладают сильным чувством ответственности и справедливости, физически и психически здоровы, заботливы и сострадательны.

Итак, оба писателя позволяют героям книг совершать ошибки и, наконец, сами герои вносят изменения, размышляя о своих собственных проблемах. Писатели передают ценность того, что дети могут исправить свои недостатки и ошибки своими собственными силами. Этот метод отличается от традиционного послушания, помогая детям обрести уверенность в себе и развить хорошие качества.

Оба удачно используют юмор в эпизодах с детьми

Авторы создают веселую динамичную сюжетную картину в повести. Их рассуждения о мире взрослым кажутся наивными и вызывают улыбку. Комедийность повествования отражается не только в сюжете повести, но и в использовании языковых средств.

Язык персонажей яркий и невинный, отражение сердца, продукт активного мышления и богатого воображения. Хотя писатели живут в разные годы и носители разных этнических культур, но языковые средства и сюжеты, прочитанные с чувством юмора и безграничного любопытства к познанию окружающих явлений, любимы широким кругом детей.

Различия в основном отражаются в нарративных методах. «Озорной сорванец Ма Сяотяо» использует параллельное повествование, без сильной связности сюжетной линии, оставляющее читателям определенное пространство для воображения, в соответствии с характеристиками детского дивергентного мышления и неспособности долго концентрироваться. Творческий цикл автора короток, характеристики времени в произведении очевидны, а обсуждение актуальных вопросов, таких как введение политики двух детей, психологическое консультирование после землетрясения, защита животных и другие, что имеет большой общественный резонанс у аудитории.

«Малеев в школе и дома» повествуется в хронологическом порядке. Повесть начинается с того, что каникулы закончились, и дети снова идут в школу. Главный герой, Витя Малеев, размышляет о том, как здорово перейти в четвертый класс. Все последующие события связаны со школьными буднями, праздниками, соревнованиями и домашним бытом.

Лицо повествования отличается. «Озорной сорванец Ма Сяотяо» использует третье лицо, то есть автор, как рассказчик истории, понимает персонажей и события, сложные психологические проблемы описаны в популярной и простой форме, отвечающей запросам читателей. «Малеев в школе и дома» повествует от первого лица, описывая свою трансформацию. Такой повествовательный метод помогает выражению мыслей и чувств персонажей, описанию внутренней деятельности, усиливает реализм и интимность, создает ощущение идентификации, сокращая дистанцию с читателем.

Кроме того, разные факторы влияют на произведения писателей, например, год публикации и этническая принадлежность писателя. Авторы по-разному акцентируют внимание на формировании образа персонажей. Противоречия Ян Хуньина – это в основном противоречия между детьми и взрослыми, учителями и учениками, дети и взрослые имеют разные способы мышления и разные отправные точки для речи и действий. Взрослые всегда считают себя создателями детей, и отклонение от заранее установленных стандартов считается неправильным и нуждается в дисциплине. Автор высмеивает и критикует эту социальную реальность. Противоречие в творчестве Носова в основном отражается в самом главном герое, которому необходимо приложить соответствующие усилия для преодоления трудностей, представляющей собой процесс постоянной борьбы со своей инертностью и вредными привычками.

З. О. Овчинникова

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)*

Научный руководитель – **Т. Б. Кашпирева**

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие социокультурного компонента, его составляющие и роль, понятия безэквивалентной и фоновой лексики, а также приводятся примеры лексем, изучаемых на подготовительном отделении.

Ключевые слова: социокультурный компонент, лингвострановедческие знания, культура, безэквивалентная лексика, фоновая лексика, концепт.

Преподавание русского языка как иностранного – это сложный процесс, который включает в себя не только изучение языка, но также требует знания и понимания социокультурной составляющей.

Согласно определению из «Нового словаря методических терминов и понятий», социокультурный компонент включает «знания о стране изучаемого языка, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка и способность пользоваться такими знаниями в процессе общения, следуя обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка» [1, с. 286].

Необходимо отметить, что особенно актуальным является включение социокультурного материала на уроках с обучающимися подготовительного отделения, так как они только приехали в страну изучаемого языка, погрузились в языковую среду и начали исследовать её менталитет. Социокультурный компонент помогает учащимся понять и оценить культуру и традиции России, ее народа, ее историю. Обладая этими знаниями, учащиеся могут лучше понять, как использовать язык в различных контекстах, например, в разговорах с носителями языка или при написании эссе или отчетов.

Социокультурное содержание обучения языкам рассматривается в работах таких исследователей, как: Амонашвили Ш. А., Гальскова Н. Д., Китайгородская Г. А., Сысоев П. В., Комарова Т. М., Гребенникова И. А., Сафонова В. В. и многие другие. Большинство ученых придерживаются мнения, сформулированного в работе Садовниковой В.А., которая выделяет следующие компоненты социокультурного содержания обучения языкам:

- 1) знания лингвострановедческие и экстралингвистические;
- 2) речевые навыки и умения вербального и невербального поведения;
- 3) межкультурные умения;

4) отношение к изучению языка и культуры, к иноязычной культуре и ее носителям, родной культуре [5].

Проанализировав исследования последних лет, мы пришли к выводу, что на подготовительном отделении содержание социокультурного компонента представлено изучением следующего материала:

- 1) готовые лексемы и фразеологические сочетания;
- 2) синтаксические конструкции, и конкретные речевые формулы (общепринятые формы обращения, этикета, клише и т. д.);
- 3) тексты и совокупности текстов информативного лингвострановедческого характера, краеведческого характера;
- 4) невербальное общение (жесты, мимика, позы, которые являются неотъемлемой частью социокультурного компонента, которые определяют взаимопонимание участников коммуникации в связи с тем, что в разных культурах одни и те же жесты воспринимаются по-разному).

Таким образом, социокультурный компонент находит свое отражение на всех уровнях языковой системы, он затрагивает вербальное и невербальное общение.

Особенно важным на занятиях на подготовительном отделении представляется обращение к лексике, содержащей культурный компонент и подразделяющейся на:

– безэквивалентную, включающую лексические единицы, которые не имеют словарных эквивалентов в одном из сопоставляемых языков, например, реалии, характерные для страны изучаемого языка и отсутствующие в языковой картине мира другой страны;

– фонтовую, которая имеет «общие для участников коммуникативного акта знания» (например, лексемы «щи», «сени», понятия «выходить замуж» и «жениться», в то время как в некоторых языках присутствует только одна лексема «married» (англ.)).

Безэквивалентная лексика нуждается в подробных комментариях преподавателя в связи с тем, что является непере译имой и значения таких лексических единиц отсутствуют в родном языке. К числу таких лексем относят, например, названия праздников «Масленица», «Святки», «Сочельник». Преподаватель может раскрыть значение подобных лексем, используя такие приемы как толкование, работа с иллюстрациями и видеоматериалами.

Особого внимания также требует безэквивалентная лексика, обозначающая уникальные реалии культуры народа: «матрешка», «самовар», «тульский печатный пряник», «гармонь», «скоморох», «колхоз», «шапка-ушанка». Эти слова встречаются на уроках РКИ для подготовительного отделения и требуют особого внимания от преподавателя для понимания учащимися, так как сами предметы, реалии не существуют в концептуальных системах других стран и в связи с этим оказываются очень важными и интересными для изучения и понимания русской культуры. Следует обращать внимание учащихся, что слово – это знак реалии, за ним стоит конкретный предмет, явление или факт культуры.

Для понимания этнокультурной специфики страны изучаемого языка важное значение имеет введение на занятиях пословиц, в которых раскрываются такие значимые концепты как «семья», «труд», «питание» «учение», «деньги», «дружба». Многие из данных тематических групп представлены в учебно-методическом комплексе «Дорога в Россию», например, «Повторение – мать учения» (элементарный уровень), «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», «Учиться всегда пригодится», «Нет друга – ищи, а найдешь – береги» (базовый уровень). Данные пословицы изучаются слушателями к концу обучения на подготовительном отделении, когда они уже овладели необходимым лексическим минимумом и достигли определённого уровня владения языком.

Особую роль играет применение приёма сравнительного анализа соответствующих пословиц, который способствует выявлению учащимися базовых концептов национальной культуры через призму своего менталитета. В русском языке существует много пословиц о хлебе, который предстает символом достатка и благополучия. В китайском и вьетнамском языке подобную функцию выполняет рис. Таким образом, русскую пословицу «Хлеб всему голова» можно сопоставить с вьетнамской «Рис тэ – родная мать». Преподаватель, зная эту ассоциацию, может привести пример учащимся для лучшего запоминания.

Таким образом, социокультурный компонент способствует вхождению личности в новую языковую среду, помогает в изучении культуры другой страны, а также формирует умения следовать общепринятому этикету в общении с носителями языка. Как было отмечено выше, важным является умение сравнивать социокультурный опыт народа, говорящего на изучаемом языке, с собственным опытом, языком своей страны. Кроме того, изучение социокультурных фактов являются основой для формирования и развития компетенций, способствует повышению мотивации и познавательного интереса к изучению языка.

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий: (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. URL: <http://learnteachweb.ru/articles/azimov.pdf> (дата обращения: 05.05.2023).

2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983. URL: http://library.navoiyuni.uz/files/vereshchagin_em_kostomarov_vg_iazyk_i_kultura_lingvostranove.pdf (дата обращения: 15.04.2023).

3. Дорога в Россию : учеб. рус. яз. : (элементарный уровень) / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, М. В. Сафронова. 2-е изд. М. : ЦМО МГУ им. М. В. Ломоносова ; СПб. : Златоуст, 2003.

4. Дорога в Россию : учеб. рус. яз. : (базовый уровень) / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, А. А. Толстых. 4-е изд. М. : ЦМО МГУ им. М. В. Ломоносова; СПб. : Златоуст, 2009.

5. Садовникова В. А. Специфика социокультурного содержания образования // Междунар. науч.-исслед. журн. 2012. № 5 (5). URL: <https://research->

journal.org/archive/5-5-2012-october/specifika-sociokulturnogo-soderzhaniya-obrazovaniya (дата обращения: 14.05.2023).

6. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. Саранск : Изд-во Мордовского гос. ун-та им. Н. П. Огарева, 2005. URL: <https://search.rsl.ru/record/01001666089> (дата обращения: 05.05.2023).

А. О. Ралко

*Барановичский государственный университет
(Барановичи, Беларусь)*

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ СОКРАЩЕННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Аннотация. Сокращенные единицы употребляются во всех сферах жизни человека в устной и письменной формах, во всех жанрах, и публицистика не является исключением. Целью данной статьи является выявление доминирующих способов образования сокращений и аббревиатур, употребляемых в публицистических текстах.

Ключевые слова: публицистические тексты, сокращение, аббревиатура, неоднородность, типология.

В результате технологических инноваций, обусловленных научно-техническим прогрессом, и быстрого роста населения, повседневная жизнь меняется, создавая новые реалии и соответствующие им понятия. Соответственно, постоянно пополняются новыми лексическими единицами и языки. Однако люди всегда стремятся к лаконичности, поэтому выбирают такие средства самовыражения, которые экономят ресурсы.

В современном обществе аббревиатуры, а также сокращения являются одними из самых продуктивных способов словообразования в европейских языках. Сокращенные наименования широко распространены как в устной, так и в письменной речи. При этом ученые до сих пор не могут прийти к единому мнению относительно их определений и классификаций, поскольку процесс сокращения включает многочисленные аспекты, общим для которых является то, что конечные номинации становятся значительно короче по сравнению со своими прототипами.

Несмотря на то, что многие исследователи (И. В. Арнольд [1], О. Д. Мешков [5] и т. д.) приравнивают понятия «сокращение» и «аббревиатура» к одному лингвистическому явлению, мы рассматриваем их в качестве самостоятельных способов словообразования, суть которых заключается в рациональном использовании материальных элементов языка в коммуникативных целях. Вслед за О. С. Ахмановой под аббревиатурой мы понимаем: 1) слово, образованное путем опущения начальной буквы (морфемы) какого-либо слова или словосочетания; 2) слово, образованное путем сложения начальных букв или звуков каждого [2, с. 27]. Согласимся с точкой зрения В. В. Борисова, который формулирует следующее определение сокращения: «Сокращение – это единица устной и письменной речи, созданная из отдельных элементов звуковой или графической оболочки некоторой развернутой формы (слова или словосочетания), с которой данная единица находится в определенной лексикосемантической связи» [3, с. 100].

Функционирование аббревиатур и сокращений как способов словообразования является лишь одним из важнейших элементов в систематической серии

преобразований, которые претерпевает английский язык, в том числе используемый в средствах массовой коммуникации. Ни одна электронная или печатная статья, очерк, интервью, реклама не обходятся без различного рода сокращенных лексических единиц, так как их использование позволяет сочетать высокую информативность повествования, желание журналиста дать более полное освещение событий дня с краткостью, экономией места и денежных затрат.

Целью данной работы является определение доминирующих способов образования сокращений и аббревиатур, используемых в текстах массовой информации на современном этапе.

Ярким представителем современной массовой англоязычной прессы является электронная версия журнала «TIME». Его основная цель – стать толчком для дискуссий. Журнал определяет повестку дня, развивает видение проблем и создает планы действий на будущее. Кроме того, он быстро реагирует на последние новости и освещает самые важные события не только в США, но и во всем мире. При этом авторы публикаций стремятся к максимальной лаконичности, так как их девиз – “Take Time – It’s Brief”.

При помощи метода сплошной выборки из 20 статей выпусков новостного журнала за 2022–2023 гг. было отобрано 130 сокращенных лексических единиц. Так как издание достаточно объемное и имеет множество рубрик, то основное внимание было сосредоточено на разделе “World”.

Для систематизации выявленных сокращений были взяты разработки Т. Н. Николаевой [6], О. Д. Мешкова [5], Л. Б. Ткачевой [9] и О. А. Геращенко [4]. В результате полученная классификация включила следующие разделы:

1. Апокопические сокращения (опущение конечной части слова). Например, Tech. – technology, Sept. – September, etc.

2. Афerezисные сокращения (опущение начальной части слова). Например, phone – telephone, copter – helicopter.

3. Синкопические сокращения (середина слова подвергается усечению). Например, Mr. – Mister, Pa. – Pennsylvania, Md. – Maryland.

4. Телескопические сокращения (соединение двух и более слов с усечением как минимум одного из них в месте соединения). Например, polycule – polyamorous molecule.

5. Сокращение отдельных слов до одной или нескольких букв. Например, F – Fahrenheit, km. – kilometers, m – metre.

6. Латинские сокращения. Например, e.g. – for example (exempli gratia).

7. Частично сокращенные слова (частичное сокращение термина с сохранением некоторых его элементов). Например, email – electronic mail, A-bombs – Atomic bombs.

8. Гибридные сокращения (взаимодействие нескольких типов сокращения слов при создании новой номинативной единицы). Например, D.Calif. – Department of California.

Основу классификацию аббревиатур, составленной в соответствии с морфологическим и фонетическим критериями, составили работы Г. Спенсера [8], Т. Г. Нургалеевой [7].

1. Алфавитизмы – образуются из начальных букв каждого слова и читаются побуквенно (IPCC – Intergovernmental Panel on Climate Change).

2. Акронимы – образуются из первых букв каждого слова и читаются как полноценные слова (NOAA – National Oceanic and Atmospheric Administration).

3. Буквенно-звуковые аббревиатуры – объединяет два типа прочтения. Например, DINE-CD – Diet to Induce Remission in Crohn’s disease.

4. Буквенно-цифровые аббревиатуры – аббревиатуры, в составе которых встречаются цифровые символы. (E3G – Third Generation Environmentalism).

5. Омоакронимы – это аббревиатуры, идентичные по своей фонетической структуре с общеупотребительными словами. (SHAPE – Supreme Headquarters Allied Powers Europe произносится так же, как и слово shape (форма)).

Среди анализируемых сокращений большую часть составили апокопические (51 %), лексические единицы, сокращенные до 1 или нескольких букв (20 %), синкопические (12 %). Далее по частотности употребления идут частично сокращенные лексические единицы (8 %), аферезисные (4 %), латинские (2 %), смешанные (2%) и телескопические (1 %).

Также анализ показал, что среди аббревиатур доминирующим типом являются алфавитизмы (85 %), при этом акронимы составили лишь 6 %, буквенно-цифровые – 4 %, буквенно-звуковые — 3 % и омоакронимы – 2 %. Полученные результаты классификации аббревиатур и сокращений представлены на рисунках 1, 2.

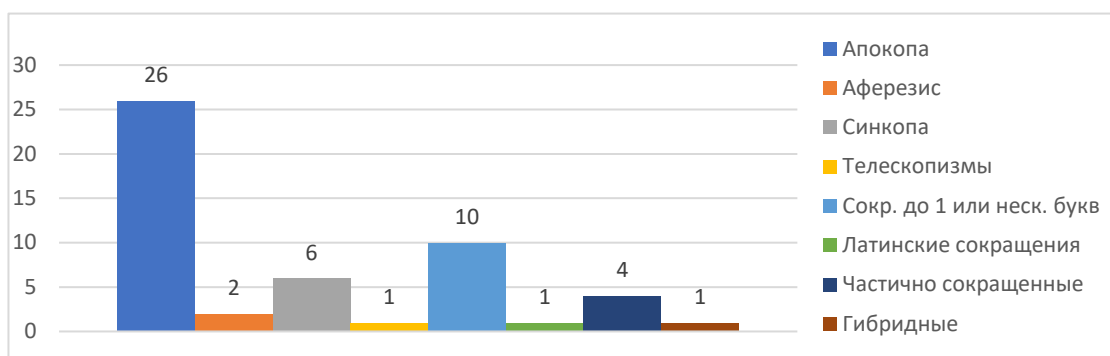

Рис. 1. Структурная типология морфологических сокращений

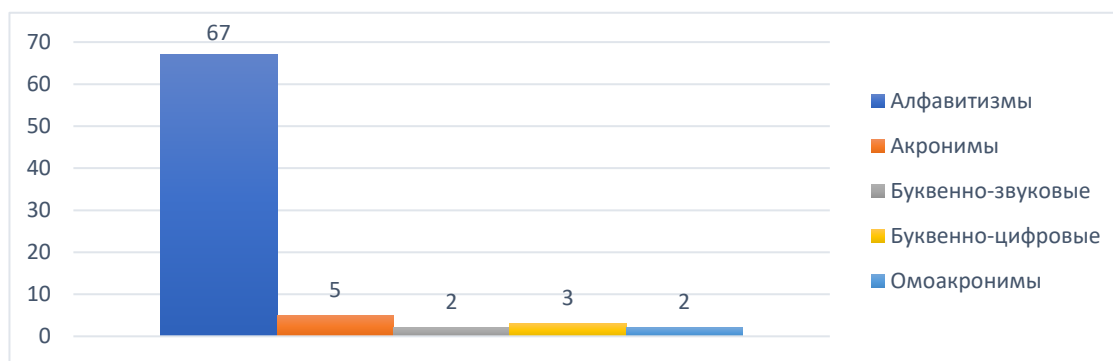

Рис. 2. Структурная типология морфологических аббревиатур

В целом, наличие такого разнообразия моделей использованных сокращений и аббревиатур объясняется неоднородностью словообразовательных процессов. Количественно-качественный анализ найденных сокращенных лексических единиц выявил, что преобладают аббревиатуры. Они составили 61 % от общего количества.

Таким образом, сокращенные номинативные единицы и аббревиатуры являются одной из основных особенностей языка англоязычной прессы. Каждая использованная аббревиатура или сокращение служит не только целям экономии места или времени читателя, но и помогает авторам повысить выразительность текста, а также сделать язык написания более живым, добавляя разговорную окраску. Доминирующим типом сокращенных лексических единиц на страницах журнала "TIME" являются аббревиатуры, среди которых преобладают алфавитизмы. Среди сокращений лидирующую позицию занимают апокопические сокращенные наименования.

Литература

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М. : Высш. школа, 2008.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стер. М. : КомКнига, 2007. С. 27.
3. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / под ред. А. Д. Швейцера. М. : Военное изд-во, 2004. С. 100.
4. Геращенко О. А. Разграничение понятий «сокращение», «усечение» и «аббревиация» в современном английском языке // Новая наука: теорет. и практ. взгляд / редкол. Р. Г. Юсупов [и др.]. Стерлитамак : АМИ, 2016. С. 119–120.
5. Мешков О. Д. Семантические аспекты словосложения английского языка М. : Междунар. отношения, 2006.
6. Николаева Н. Т. Тенденции аббревиатурных процессов современного английского языка // Альманах современной науки и образования : в 3 ч. Тамбов : Грамота. 2009. № 2 (21). Ч. II. С. 98–101.
7. Нургалева Т. Г. Аббревиация как средство экспрессивного словообразования : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
8. Спенсер Г. Основания социологии. Социология как предмет изучения // Тексты по истории социологии XIX–XX веков : хрестоматия / сост. и отв. ред. В. И. Добреньков, Л. П. Беленкова. М. : Наука, 1994.
9. Ткачева Л. Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1987.

Т. В. Рудько

*Минский государственный лингвистический университет
(Минск, Беларусь)*

Научный руководитель – **А. А. Романовская**

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ КОЛИЧЕСТВА В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В данной статье рассматривается категория количества, а именно языковые средства ее выражения. Одним из основных способов выражения количественных отношений в белорусском и английском языках является механизм вторичной номинации. Статья посвящена изучению существительных, приобретающих вторичные значения в определенных условиях, и анализу их частотности в указанных языках.

Ключевые слова: категория количества, вторичная номинация, вторичное значение, узуальное и окказиональное употребление.

Понятийные категории представляют собой семантические категории, которые передают понятия и являются частью окружающего нас мира. Они функционируют как выразители сознания в нашем языковом строе и являются тем соединительным элементом, который связывает языковой материал с категориями логики и психологии [1, с. 82–88]. То есть понятийные категории – это такие понятия, которые получают свое выражения в языке. Те понятийные категории, которые встречаются во многих языках, могут быть близки к универсальным, и категория количества является одной из них [2, с. 195]. Она является «результатом отражения количественной определенности бытия», и находит свое проявление на самых разных языковых уровнях [3, с. 158]. Тем не менее, несмотря на ее универсальность, категория количества характеризуется специфическим выражением в каждом языке.

Особое место среди разноуровневых средств выражения количества занимает синтаксическая конструкция «существительное₁ + существительное₂ в родительном падеже» в белорусском языке и «noun₁ + предлог of + noun₂» в английском языке: *drop of luck, trickle of immigrants, кропля разуму, каліва пяхчоты*, с помощью которой выражается метафорическое значение количества. Данное словосочетание представляет собой синтаксически неразложимую конструкцию с синтаксическими отношениями подчинения, где главное слово – существительное₁, noun₁ (далее существительное₁), а зависимое – существительное₂, noun₂ (далее существительное₂). В семантическом плане данное словосочетание также связано отношениями подчинения, поскольку существительные₁ зависят от существительных₂, которые, в свою очередь, необходимы для реализации метафорического значения существительных₁: *dribble of money, jet of resentment, crumb of information, крупінка шчасця, макулінка праўды, іскарка*

надзеі. В зависимости от лексического наполнения этой конструкции в речевых синтагмах порождается сема количества (большого или малого) предметов, людей, явлений и т. п. Предметом данного исследования являются такие словосочетания в белорусском и английском языке, в которых выражается метафорическое значение неопределенно малого количества (НМК).

Возникновение переносного значения малого количества возможно за счет вторичной номинации, под которой понимается «использование в языке уже имеющихся номинативных средств в новой для них функции наречения» [4, с. 129–223]. Процесс метафоризации происходит за счет того, что осуществляется актуализация потенциальной семы существительного ₁. «Каждое слово и каждый языковой элемент заряжен бесконечным количеством разного рода смысловых оттенков» [5, с. 409]. Существительные в позиции ₁ характеризуются своей способностью обозначать количественную характеристику предметов в силу того, что в их лексическом значении есть для этого предпосылки – определенный семантический элемент, который представляет некоторую часть семантического содержания первичного значения. Этот элемент, таким образом, участвует в формировании метафорического значения. Такие вторичные значения количества могут быть узуальными, характеризоваться значительной частотностью употребления и фиксироваться в толковых словарях с пометой «переносное», либо окказиональными, и принадлежать индивидуально авторскому стилю, и фиксироваться в словарях как «образное» или не пометаться вовсе. Во вторичной номинации таких словосочетаний играет свою роль также контекст. «Первичные семантические функции слова проявляются независимо от контекста и окружения, в то время как вторичные проявляются в определенном лексико-грамматическом окружении» [6, с. 190]. Наиболее широкое функционирование данной конструкции наблюдается в художественной и публицистической литературе. Поэтому источником материала исследования послужили примеры текстов художественных и публицистических стилей, извлеченных методом сплошной выборки из национальных корпусов, изучаемых нами языков [7, 8, 9]. Сам фактический материал представляет собой 385 примеров данной конструкции в белорусском языке с 36 существительными ₁, и 324 примера в английском языке с 31 существительными ₁, где выражается метафорическое значение неопределенно малого количества и его оттенки: незначительное и недостаточное количество, малая часть, малая степень, малое проявление.

Прямые и переносные значения существительного ₁ могут отличаться разным характером своей связи с отображаемой действительностью. В связи с этим целесообразно выделить определенные группы таких существительных ₁ в зависимости от их первичного значения: малое количество воды (*drop of charisma, trickle of customers, dribble of funds, кропля таленту, кропелька крыўды, раўчук людзей*), мельчайшие частицы материи (*crumb of imagination, grain of common sense, granule of knowledge, atom of doubt, каліва ласкі, крупіца чалавечнасці, зерне разума, кавалачак раю*), малые частицы огня (*twinkle of amusement, spark of curiosity, sparkle of pride, агеньчык пагардасці, аганёк задорасці, іскра гневу*), слабый свет (*ray of hope, glimmer of relief, прамень надзеі, пробліск шчасця*), малая

доза (*pinch of inspiration, dash of romance, жменя беларусаў, жменька ворагаў*), малая тэрыторыя (*oasis of serenity, азіс спакою*), слабое проявление (*shadow of pain, smack of despair, цень смутку, подых цяплыні*), малая совокупнасць (*covey of handlers, touch of irony, табунок воблакаў, нотка жалю*).

Существительные ₁ изучаемой конструкции выражают метафорическое значение НМК, сочетаясь с существительными ₂, которые принадлежат к определенным лексико-семантическим группам, в связи с чем в данных словосочетаниях выражается: умственные способности (*atom of thought, wisp of thought, кропля розуму, шматкі думак*), чувства (*drop of sympathy, spurt of irritation, crumb of happiness, shred of doubt, іскарка радасці, абрыўкі надзей, камяк нянавісці, ноткі адчаю*), личные качества (*shred of decency, atom of charism, wisp of dignity, spark of humanity, кропля абаяльнасці, каліва прастадушша, зерне дабрыні*), абстрактные понятия (*hint of danger, touch of irony, smack of moral judgement, whiff of trouble, кропля падтрымкі, іскра натхнення, дробка абьякавасці, цурка абгульненняў, грам несправядлівасці*), информации (*crumb of information, scrap of evidence, крупінка ведаў, кавалачак інфармацыі*), людей (*covey of boys, handful of players, раўчук бежанцаў*), денег (*trickle of money, ручаёк ганарараў*), предметов, объектов (*covey of helicopters, кучка хмарак*).

Проанализировав фактический материал, можно заключить, что в таких словосочетаниях выражается, в основном, абстракция (в белорусском языке: 344 примеров (89 %), например, НМК чувств (158 примеров), абстрактных понятий (118 примеров), личных качеств (27 примеров) и другие; в английском языке: 285 примеров (87 %), например, НМК чувств (111 примеров), абстрактных понятий (108 примеров), умственных способностей (22 примера), и другие), поскольку примеров с выражением конкретных предметов, объектов, лиц сравнительно мало (в белорусском языке: 41 пример (10 %), например, НМК людей (32 примера), объектов (6 примеров); в английском языке: 40 примеров (12 %), например, НМК людей (30 примеров), объектов (6 примеров).

На основе этого можно сделать вывод, что явления физического мира обозначаются в языке «своими» наименованиями, и для них не используются, или используются значительно меньше вторичных наименований. Человеку свойственно приравнивать элементы нашей эмоциональной и мыслительной деятельности к конкретным и материальным вещам, действиям, процессам.

Літаратура

1. Меновщиков Г. А. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа // *Вопр. языкознания*. 1970. № 1. С. 82–88.
2. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л. : Наука, 1978.
3. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М. : Наука, 1982.
4. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // *Языковая номинация (виды наименований)*. М. : Наука, 1977. С. 129–221.
5. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
6. Гак В. Г. Языковые преобразования : моногр. М. : Яз. рус. культуры, 1998.

7. Беларускі N-корпус. URL: <https://bnkorporus.info/index.html> (дата обращения: 10.04.2023).

8. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc> (дата обращения: 10.04.2023).

9. Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 10.04.2023).

В. С. Сальников

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)*

Научный руководитель – **И. Е. Герасименко**

РОЛЬ TELEGRAM-КАНАЛОВ В ПРОЦЕССЕ ОБНОВЛЕНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования каналов в мессенджере «Telegram». Производится анализ возникающей на платформе каналов новой лексики. Приведены примеры неолексем из телеграм-каналов.

Ключевые слова: неолексем, лексика, Telegram, телеграм-канал.

«Telegram» является мессенджером, которым пользуется значительная часть посетителей Глобальной сети Интернет. Благодаря отличительному способу подачи информации с помощью каналов становится возможным проведение коммуникации от адресанта к массовой аудитории [2, с. 75]. Основным методом презентации информации на канале происходит в виде сообщений, публикуемых индивидуально-массовым способом [5, с. 76].

Телеграм-канал – платформа для массовой публикации информации в мессенджере «Telegram».

Массовость использования мессенджера «Телеграм» связана с его техническими особенностями подачи и принятия информационных потоков.

1) В отличие от популярных социальных сетей, в которых имеется единая новостная лента, «Telegram» содержит разные площадки в виде каналов, которые удобно смотреть в зависимости от выбора и интересов пользователя. Поэтому сообщения, содержащие информацию для массового читателя, отправляется чётко заданному пользователю, который имеет потребность в конкретной информации. Такие информационные сообщения имеют название «пост» в «Telegram».

2) В «Telegram» имеется возможность иллюстрировать каждый пост с использованием не только ссылок на сторонние ресурсы, но и эмодзи, смайликов, анимированных знаков.

3) Благодаря изначальной установке приложения «Telegram» на мобильных устройствах уведомления о новых публикациях могут приходиться к пользователям быстро, следовательно, создание текста постов обладает характерной стилистикой, в частности, наблюдается большое количество новых слов, влияющих на написание поста. «Новые слова возникают при появлении новых предметов, понятий, возникших в жизни общества» [1, с. 25].

Рассмотрим более детально языковые особенности текстов в Телеграм-каналах.

1) Информация в постах «Телеграм» пишется в основном в коротком виде, используется минимальное количество слов для передачи максимального количества информации с целью более лёгкого восприятия текста;

2) Язык постов в «Телеграм» является простым, содержит короткие предложения.

Проанализируем характерные особенности неолексик в телеграм-каналах. В качестве исследовательского материала были отобраны российские telegram-каналы, которые имеют большую популярность и посещаемость согласно статистическому сайту «Telegram Analytics» «tgstat.com» [3, с. 100].

Фактический материал для данного исследования основан на методе частичной выборки из отдельных телеграм-каналов. Такой способ позволяет найти наиболее показательные примеры неолексем с разнородными тематиками.

Неолексем, которые появляются на платформе телеграмм-каналов, мы называем *телеграмизмами*. Их появление связано с новыми действиями и утилитами в данном мессенджере, например: *бот, реакции, мессенджер, стикеры, стикерпак, стики, тг, тг-бот, тг-канал, тг-чат, Telegram, Телеграм, Телеграмм, Телеграм-канал, телега, чат, эмодзи*.

Одним из таких примеров может служить следующий пост из официального телеграм-канала регионального средства массовой информации «Тюльские новости»: «ТГ-каналы Тюльской области по суммарным просмотрам - ЯНВАРЬ 2023 г» [6]. В данном предложении присутствует неолексема «*тг-канал*», которая имеет значение 'канал в мессенджере «Telegram»'. В этом предложении оно употреблено с целью усечения слова «Телеграм».

Рассмотрим телеграм-канал, созданный не организацией, а одним человеком на примере канала «Дима Масленников Блоггер». От 5 марта 2023 года на канале имеется запись следующего содержания: «*Скинуть ещё один фрагмент, который не вошёл в ролик? Если тут будет 50к вот таких реакций, то я тут же заливаю его!*» [4]. В данном посте имеются следующие неолексем: «50к», где «к» имеет значение 'тысяч'; а также неолексема «*реакции*» в значении 'количество одобрений поста'. В данном случае имеется в виду отсылка к сервисам мессенджера «Телеграм», при помощи которого пользователи могут оставлять своё мнение по поводу публикуемой информации с помощью графических символов, не выразив при этом своё отношение вербальным способом.

Таким образом, появление новых платформ для коммуникации существенно влияет не только на процессы общения, но и на языковые особенности. Лаконичность в изложении, а также направленность на массовую аудиторию в совокупности с эмоциональной составляющей свидетельствуют о появлении неолексем в языке пользователей, которые обладают отличительными стилистическими характеристиками и потенциально могут войти в лексический состав языка.

Литература

1. Герасименко И. Е., Чжан Ц. Особенности современных неологизмов // Мол. ученый. 2016. № 13-2 (117). С. 25–26.

2. Градюшко А. А. Лингвостилистические характеристики интерактивного новостного медиатекста в Telegram-каналах // Стылістыка : мова, маўленне і тэкст : матэрыялы V Міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай

100-годдзю заслужанага работніка адукацыі Рэспублікі Беларусь, доктара філал. навук, праф. М. Я. Цікоцкага. Мінск, 2022. С. 70–75.

3. Градюшко А. А. Языковая специфика новостных медиатекстов в телеграм-каналах // Вестн. Белорус. гос. пед. ун-та. Сер. 1. Педагогика. Психология. Филология. 2022. № 1 (111). С. 98–101.

4. Дима Масленников: блоггер. URL: <https://t.me/maslennikovliga/597> (дата обращения: 10.03.2023).

5. Иванов Д. С. Телеграм-канал как актер-сеть // Мир современной науки. 2018. № 5 (51). С. 76–78.

6. Тульские новости. URL: <https://t.me/newstula/46006> (дата обращения: 10.03.2023).

Т. В. Сафонова

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)*

ГРАНИ РЕАЛИЗМА В ЛИНГВОПОЭТИКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА

Аннотация. В данной статье находят освещение некоторые вопросы идиостиля И. С. Тургенева. На примере цикла «Записки охотника» выделяются наиболее характерные для писателя приемы изображения действительности. С точки зрения авторской интенции объясняется широкое использование в произведении диалектной лексики, просторечия, жаргонизмов, фразеологических единиц и элементов народной поэтической речи. Уделяется внимание авторской системе изобразительных средств.

Ключевые слова: реализм, диалектная лексика, просторечие, жаргонная лексика, народная поэтическая речь.

«Широкий диапазон многочисленных речевых средств <...> дает основание утверждать, что Тургенев умножил и развил стилевое богатство русской художественной речи» [Пустовойт, 1980, 56]. Яркой иллюстрацией служит цикл «Записки охотника».

Соблюдая и развивая принципы реализма, И.С. Тургенев вводит в язык рассказов богатый диалектологический материал: *площадь – сплошные массы курстов, битюк – крепкий ломовой конь, казюли – змеи, сугибель – крутой поворот в овраге, бучило – глубокая яма с весенней водой* и др. Диалектные элементы гармонично сочетаются с другими единицами повествования и служат средством речевой характеристики персонажа, отражают особенности местности, обычаев и нравов народа. С этой же целью используется профессиональная лексика и фразеология (*поршок – молодой перепел, порскать – криком и хлопаньем аранника выставлять зверя в поле и пр.*); просторечные выражения (*шпынять, дрыхнуть, отродясь, вестимо и пр.*).

Многие из литературных персонажей «Записок охотника» выделяются колоритной речью и образным народным языком. Например, для главного героя рассказа «Хорь и Калиныч» вполне естественными являются следующие высказывания: «–Ну, уж ты... уж я тебя знаю! кольца серебряные носишь... Тебе бы всё с дворовыми девками нюхаться...»; «–Ну, полно, полно, балагур. Вишь, барина мы с тобой беспокоим. Женю, небось... А ты, батюшка, не гневишь: дитятко, видишь, малое, разуму не успело набраться» [<https://ilibrary.ru/text/1204/p.1/index.html>], здесь *нюхаться* – ‘прост. пренебр. Сблизиться, сойтись друг с другом или вступить в соглашение о каких-л. совместных действиях и т. п. (обычно неблагоприятных)’; *балагур* – ‘разг. шутник, весёлый человек; небось – разг. наверное’.

Все областные и просторечные слова постоянно взаимодействуют с основной лексикой литературного языка. Например, сразу после слов Павла о Тришке

(рассказ «Бежин луг») следует авторское повествование – читатель погружается в лирическую стихию языка: *«Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; еще много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари»* [<https://ilibrary.ru/text/1204/p.1/index.html>].

Областные слова включает И. С. Тургенев и в собственно авторское повествование. *«Поставщики материала на бумажные фабрики поручают закупку тряпья особенного рода людям, которые в иных уездах называются орлами»; «Таких рассказов я, человек не опытный и в деревне не живалый (как у нас в Орле говорится), наслушался вдоволь (не живший где-то)»; «От него (Ермолая) отказались, как от человека ни на какую работу не годного – лядящего, как говорится у нас в Орле (слабосильный)»* [<https://ilibrary.ru/text/1204/p.1/index.html>].

Собственно авторское повествование в «Записках охотника» нередко представляет собой непринужденную беседу, поэтому автор активно обращается к просторечию. Но И. С. Тургеневу важно не только установить диалог со своим читателем-слушателем посредством близкого ему языка – автор использует элементы простой речи, используя их яркую семантическую составляющую: меткость, оценочность, экспрессивность. Неслучайно число таких единиц значительно растет в эпизодах, посвященных уточнению индивидуальных черт изображаемых героев, их поступков, психологического состояния в определенный момент.

Показателен в данном случае портрет Хоря: с помощью просторечных единиц автор характеризует его как рачительного хозяина, подчеркивает особенности поведения с лицами, которым он подчинен в условиях крепостного строя и самодержавия, и наоборот – с зависимыми от него людьми. Например: *«Хорь... обстроился, накопил деньжонку, ладил с барином и с прочими властями:»* [<https://ilibrary.ru/text/1204/p.1/index.html>], здесь *обстроиться* – ‘выстроить для себя жилье, какие-л. хозяйственные помещения’. Слова с предупредительно-почтительной окраской, уменьшительными суффиксами преобладают в обращении Хоря с барином (*«Торгуем помаленьку маслишком, да дегтишком...»*, *«батюшка»*, *«барин»*), в то время как грубые просторечные единицы встречаются в обращении к сыну (*«Тебе бы все с дворовыми девками нюхаться»*).

Нельзя не отметить и частотность элементов русской народной поэзии. Образные выражения, постоянные эпитеты, фрагменты песен и др. И. С. Тургенев использует и в речи изображаемых им народных типов, и в собственном повествовании. Уже в первом очерке «Хорь и Калиныч» автор приводит слова из песни для правдивой и эмоциональной характеристики «домостроевского» семейного быта: *«Какой ты мне сын, какой семьянин! Не бьешь ты жены, не бьешь молодой»* [<https://ilibrary.ru/text/1204/p.1/index.html>].

Образная речь русских былин составляет основу ряда пейзажных зарисовок: *«То были раздольные, пространные, поемные, травянистые луга, со множеством небольших лужаек, озерец, ручейков, заводей, заросших по концам ивняком и лозами, прямо русские, русским людом любимые места, подобные тем,*

куда езживали богатыри наших древних былин стрелять белых лебедей и серых утиц» [<https://ilibrary.ru/text/1204/p.1/index.html>].

В использовании фольклорных единиц, в опоре на фольклорную манеру повествования обнаруживается желание автора максимально воссоздать атмосферу народной жизни, подчеркнуть ее величие, силу, духовность.

Наряду с элементами разговорной и народной поэтической речи свою художественную функцию выполняют собственно авторские изобразительные средства. Если говорить о рассказах из цикла «Записки охотника», то здесь следует отметить частотность зооморфных метафор и сравнений, что объясняется, с одной стороны, образом повествователя (он охотник, хорошо знающий свою землю), с другой – системой персонажей – это представители крестьянского мира, жизнь которых максимально близка к природному началу. *«Ловили его (Ермолая), как зайца в поле («Ермолай и мельничиха»). Судьба замотала его (Недолюскина), словно зайца на угонках. (Маша) просидела дня три в уголку, скорчившись и прижавшись к стенке, как раненая лисица («Конец Чертопанова»)»* [<https://ilibrary.ru/text/1204/p.1/index.html>].

При изображении природы И.С. Тургенев нередко прибегает к приему антропоморфизма, приведем примеры «олицетворяющих метафор»: *«И украдкой, лукаво начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь» («Свидание»); «Ключ этот бьет из расселины берега, превратившейся мало-помалу в небольшой глубокий овраг, и в двадцати шагах оттуда с веселым и болтливым шумом впадает в реку («Малиновая вода»)»* [<https://ilibrary.ru/text/1204/p.1/index.html>].

Отличительная особенность стилистики И. С. Тургенева – активное использование определений. При изображении явлений природы писатель использует как точные эпитеты – цветовые, зрительные, пространственные, так и метафорические, эмоционально-оценочные: *«Солнце — не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное — мирно всплывает под узкой и длинной тучкой... В такие дни краски смягчены, светлы, но не ярки; на всем лежит печать какой-то трогательной кротости»* [<https://ilibrary.ru/text/1204/p.1/index.html>].

В рамках статьи мы смогли обратиться только к ряду рассказов из цикла «Записки охотника». Выбор был определен тем, что уже в период своего раннего творчества И.С. Тургенев, мастерски используя все богатство языка, создает поистине максимально достоверные народные типы, погружая своего читателя в реальность существования простого русского человека, где-то неприглядную, но все же поражающую воображение читателя своей неподдельной внутренней красотой.

Литература

1. Тургенев И. С. Записки охотника // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1204/p.1/index.html> (дата обращения: 29.04.2023).
2. Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев – художник слова. М. : Изд-во Моск. унта, 1980.

Р. Сингх

*Алигархский мусульманский университет
(Алигарх, Индия)*

А. П. ЧЕХОВ В ИНДИИ: СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Аннотация. Данная статья является попыткой выявить, почему выдающийся русский писатель, драматург и мастер «малого жанра» А. П. Чехов пользуется большой популярностью и почтением среди индийцев и какую роль в этом играет перевод. В работе уделяется особое внимание особенностям перевода произведений Чехова, а также на основе исследований выделены художественные средства, используемые им в своих произведениях, которые создают большие трудности для переводчика.

Ключевые слова: уникальность таланта, стиль и язык автора, художественные средства, переводческая трансформация, адекватный перевод.

Антон Павлович Чехов является самым любимым и переводимым зарубежным писателем в Индии. Уникальность его таланта в том, что прошло столько лет со дня смерти гения, но его труды до сих пор не потеряли своей актуальности и значимости.

В Индии вряд ли есть человек, который не слышал о Чехове или не читал его произведения хоть в переводе.

Читая произведения Чехова, индийский читатель чувствует некую особую привязанность к его персонажам и событиям, описываемым в его произведениях. С одной стороны, чеховские герои кажутся ему знакомыми, а с другой стороны он ощущает, что действие происходит вокруг него и он в нем участвует.

Кроме этого, произведения Чехова учат многому: *полезному, нравственному и человеческому*, которое может помочь нам решить даже проблемы нынешнего мира, полного неопределённости, поэтому чеховские произведения также занимают особое место в сердцах индийцев и высоко ценятся ими.

Чехов пользуется высоким уважением и огромной популярностью среди индийцев. Об этом свидетельствует сама традиция перевода его произведений в Индии.

В Индии встречаются переводы чеховских произведений не только на государственном языке т. е. на языке хинди, но и на региональных языках, таких как *бенгальский, тамильский, пенджабский, гуджарати, урду, каннада, малайяльский, ассамский маратхи, телугу* и т. д.

Удивительный факт: первые переводы произведений Чехова на языки Индии делались не только с языка оригинала, но и через другой индийский язык в качестве посреднического языка, т. е. с одного переводящего языка на другой переводящий язык. К примеру, с русского на английский, а с английского на другой язык Индии. Подобным образом с русского на хинди, а с хинди на урду.

Благодаря переводу, стали возможными постановки пьес, повестей и рассказов Чехова. Его произведения время от времени ставят на сценах по всей Индии, а также экранируются на индийском телевидении.

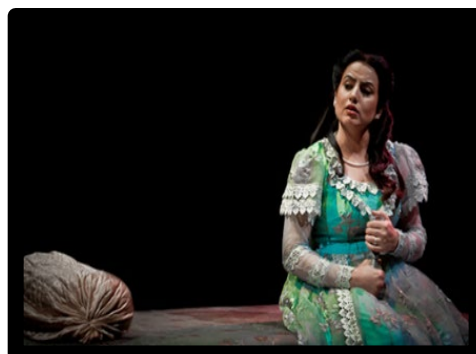
Например, ниже даны фотографии со спектаклей по чеховским рассказам «Смерть чиновника», «Хирургия», «Попрыгунья», которые были поставлены известным индийским режиссёром Ранджитом Капуром в Дели (Sammukh, 2012) и в Мумбаи (Neogy, 2017).

*Смерть чиновника*¹

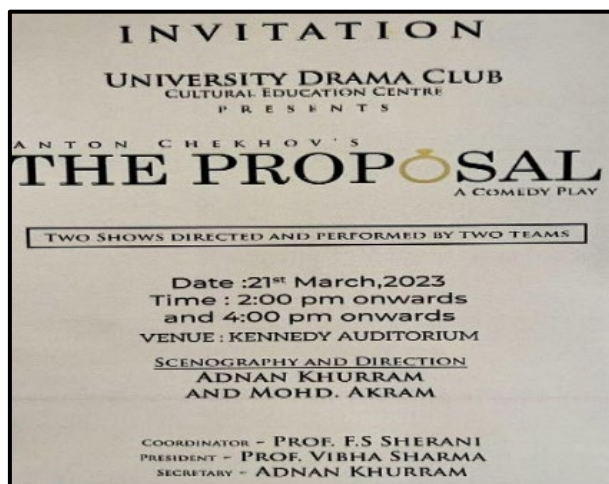

*Хирургия*²

*Попрыгунья*³

Также недавно в одном из ведущих вузов Индии, в Алигархском мусульманском университете (АМУ), Кафедра английского языка также поставила знаменитую чеховскую пьесу «Предложение».

Флаер АМУ постановки пьесы «Предложение»

Кроме этого, в 1995 году на государственном телеканале «Дурдаршан» Индии выпустили передачу «**चेख की दुनिया (Чехов ки дунья)**», что на русский язык переводится как «**Мир Чехова**». В рамках данного проекта экранированы шесть рассказов Чехова, которые завоевали сердца индийских зрителей.

В начале передачи индийская телезвезда Раджедра Гупта в роли Чехова коротко рассказывал о сюжете и главных персонажах, а после этого шёл сам эпизод с участием актёров.

¹ Фото с сайта: <https://www.travellingcamera.com/2011/12/chekhov-ki-duniya-part-1-nsd-play.html> (дата обращения: 14. 04.2023).

² Там же.

³ Там же.

Телередача «Мир Чехова»¹ Раджендра Гунта в роли Чехова² Раджендра Гунта³

Одна из главных особенностей этих спектаклей и передач – это адаптирование некоторых деталей текста оригинала, чтобы индийцы воспринимали их естественно.

Здесь примером служит рассказ «Размазня». На хинди название эпизода звучало как «Юлия», т. е. название рассказа заменено именем главного персонажа Юлия. Если в оригинале рассказчик был мужчина, то в эпизоде рассказчик стал женщиной, а имена детей Коля и Варя заменены именами Банти и Чинту. Варя превратилась в мальчика Чинту. В эпизоде также изменили некоторые детали оригинала и добавили ещё дополнительные детали, которых не было в оригинале. Так, что всё было изменено и адаптировано, чтобы придать местный колорит чеховским произведениям.

Так перевод сыграл и продолжает играть значительную роль в знакомстве Индии с шедеврами и сокровищами уникального мира Чехова.

Что касается перевода произведений Чехова, то он создаёт особые трудности для переводчика. На первый взгляд, произведения Чехова кажутся незамысловатыми, но на самом деле они очень сложны, даже для понимания носителями языка, поэтому их перевод совсем не прост.

При переводе Чехова встречается ряд моментов, передача которых представляет собой нелёгкую задачу. Однако ниже указанные художественные средства, используемые Чеховым, на наш взгляд вызывают особые трудности:

➤ **Говорящие детали (имена и фамилии героев)**

➤ **Реалии:**

- *Чины, ранги, посты, должности, звания и титулы*
- *Обращения соответственно чинам*
- *Бытовые реалии:*
- *«награды» – призы, почётные знаки, знаки отличия, грамоты и другие*
- *«антропонимы» – имена писателей, персонажей других произведений и исторических личностей*

исторических личностей

¹ Фото с сайта: <https://nettv4u.com/about/Hindi/tv-serials/chekhov-ki-duniya> (дата обращения: 18.04.2023).

² Скриншот видео: <https://www.youtube.com/watch?v=3VhePMakCUQ&t=1062s> (дата обращения: 18.04.2023).

³ Фото с сайта: <https://timesofindia.indiatimes.com/topic/Rajendra-Gupta/photos?from=mdr&curpg=2> (дата обращения: 18.04.2023).

- одежда
- народные праздники
- пища
- денежные знаки и мерные
- единицы

➤ **Стиль обращения простых людей, слуг, подчинённых лиц, имеющих низкие чины к высокопоставленным лицам**

➤ **Просторечная лексика**

Для правильного понимания того, с какими сложностями сталкиваются переводчики в переводах чеховских произведений, можно рассмотреть примеры говорящих фамилий персонажей из его рассказов.

Говорящие фамилии – одна из разновидностей имен собственных, относящихся в переводе к неэквивалентной лексике. Иронические и юмористические говорящие фамилии, создают уникальный колорит в произведениях Чехова.

Русский читатель может легко освоить реальный смысл этих фамилий, но иностранцам обычно сложно уловить их скрытый смысл. Но именно скрытый смысл этих говорящих фамилий, используемый Чеховым, иногда доставляет большие трудности переводчикам.

Любая ошибка или невнимательность со стороны переводчика может исказить всю суть произведения Чехова, поскольку она также зависит и от степени правильности понимания значения и цели употребления этих говорящих фамилий.

Проблемы возникают, когда переводчики переводят эти говорящие фамилии применяя переводческие методы, такие как «*транскрипция*» и «*транслитерация*». Поскольку эти методы не всегда точны и в большинстве случаев они не передают как вложенное значение говорящих имен и фамилий, так и их коммуникативный эффект в художественном переводе. При этом теряются их уникальность и оригинальность.

Чтобы обеспечить адекватность перевода чеховских говорящих фамилий следующие способы перевода могут быть более эффективны:

1. Как известно, Чехов придумывал говорящие фамилии своим персонажам в связи с их особенностями их поведения, чертами характера, внешности, поэтому переводчик может передать их на иностранный язык на основе их характеристик, чтобы сохранить не только их иронический элемент, скрытый смысл, но и их коммуникативный эффект. Например,

(а) Фамилию главного героя рассказа «Смерть чиновника» **Червяков** можно перевести как «**Wormykov**» (от англ. Wormy), «**Paranoikov**» (от англ. Paranoid) или «**Worrykov**» (от англ. Worry);

(б) **Жигалов** (рассказ «Хамелеон») как «**Problemakov**» (от англ. Problem и Make), «**Freakylov**» (от англ. Freaky) или «**Troublov**» (от англ. Trouble)

(в) **Пичугин** – так как фамилия **Пичугин** (рассказ «Хамелеон») образована от слова пичуга, что на русском означает маленькую птичку, следовательно, её можно передать «**Sparrowgin**» (от англ. Sparrow) или как «**Minimal**» (от англ. Minimum).

(д) **Очумелов** (рассказ «Хамелеон») как «**Hypocrishov**» (от англ. Hypocrisy). Так как фамилия **Очумелов** образована от слова очумелый, что на английском

языке означает **Mad** или **Crazy**, поэтому, учитывая скрытое значение данной фамилии, её можно перевести как «**Madilov**» (от англ. Mad) или «**Crazilov**» (от англ. Crazy).

Большой плюс применения данного метода состоит в том, что с его помощью не только создаётся комический эффект говорящих фамилий, но и передаётся их скрытое значение, вложенное писателем

Ещё одним преимуществом данного способа перевода является то, что переведённые варианты говорящих фамилий на иностранный язык (например, **Freakylov, Sparrowgin, Hypocrishov** и **Wormykov**) выглядят более похожими на русские, и при этом не утрачиваются стилистические характеристики говорящих фамилий.

2. Другой метод, который может быть более эффективным и удачным при передаче говорящих фамилий Чехова – это снабжение картинками или портретами персонажей в тексте перевода, где речь идёт об определённом герое. Переводчик также может воспользоваться изображением каких-нибудь объектов и вещей, чтобы сформировать определённый образ в уме своего читателя.

3. Ещё один возможный вариант перевода чеховских говорящих фамилий – использование сносок или примечаний. В них переводчик сможет разъяснить скрытый и образный смысл его говорящих фамилий.

Предложенные выше способы перевода говорящих фамилий Чехова, будут более эффективными в контексте иностранных читателей.

Таким же образом, помимо говорящих фамилий, наличие других особенностей художественных средств, указанных выше, вызывает сложности при переводе.

Итак, Чехов всегда старался подобрать особые стилистические средства для своих произведений, от чего каждая его фраза имеет глубокий смысл. Поэтому, при переводе его текстов, переводчику следует аккуратно и тщательно выбрать нужные переводческие приёмы, чтобы передать не только их содержательную полноту, но и особенности его несравненного стиля и языка. Благодаря чему, рецептор перевода сможет почувствовать уникальность, колоритность и силу его творческого таланта, а в душе у него останется такое же впечатление, как и у русских читателей. Если при переводе указанные цели будут достигнуты, то переводчику удастся обеспечить не только адекватность и полноценность перевода, но и сохранить дух и оригинальность произведений Чехова.

Литература

1. Sammukh. “Chekhov Ki Duniya” – Part -1(An NSD Paly Directed by Mr. Ranjeet Kapoor). 2012. URL: <https://www.travellingcamera.com/2011/12/chekhov-ki-duniya-part-1-nsd-play.html>

2. Neogy S. ‘Chekhov Ki Duniya’ comes to Mumbai. 2017. URL: <https://www.livemint.com/news/business-of-life/chekhov-ki-duniya-comes-to-mumbai-1541723597274.html>

3. Hindi Tv Serial Chekhov Ki Duniya. 1995. URL: <https://nettv4u.com/about/Hindi/tv-serials/chekhov-ki-duniya>

4. Chekhov Ki Duniya Episode. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3VhePMakCUQ&t=1062s>

5. RAJENDRA GUPTA PHOTOS. 2023. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/topic/Rajendra-upta/photos?from=mdr&curpg=2>

В. П. Смоленцев

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ САТИРИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В РОМАНЕ-АНТИУТОПИИ ЗАМЯТИНА «МЫ» КАК МЕХАНИЗМ КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается роль сатиры в передаче сложных социальных проблем и критике, а также ее способность подчеркивать иронию и противоречия в общественных явлениях.

Ключевые слова: сатира, общество, язык, проблема, ирония, критическая оценка.

Вопрос о соотношении народа и власти является животрепещущим на протяжении всей истории России. Особенно остро он встает во времена перелома общественного строя, революций и построения государства нового типа. Коренное изменение старого уклада встречается народом, привыкшим к устоявшемуся порядку, чаще всего отрицательно. Происходит это не потому, что люди не хотят социальных изменений и являются конформистами, а потому что методы, которыми новая власть стремится осуществить желаемые задачи, порой жестоки и даже антигуманны.

Как это происходило и раньше, рупором народного сознания после революции 1917 года явились поэты и писатели. Среди последних особенно выделяется Евгений Иванович Замятин, ученый, математик, дипломированный морской инженер, но, в сущности, писатель-философ. Стоит отметить, что антиреволюционером он никогда не был, напротив, в 1905 году примкнул к большевистской партии РСДРП, чем навлек на себя негативное внимание со стороны властей и даже был арестован. Но модель построения идеального социалистического общества, в котором все равны и являются «винтиками» одного общего механизма, а «фантазии», то есть, индивидуальность и инакомыслие, вырубается на корню (порой самыми жесткими методами), заставила Евгения Ивановича взглянуть на сложившееся положение вещей в противоположном ключе.

Помимо явных форм сатиры, русская литература XX века также содержит скрытые формы сатирического высказывания. В этом случае авторы используют специальные приемы и техники, чтобы скрыть свою критику за видом безобидного или юмористического произведения.

Так появляется роман-антиутопия «Мы» – произведение, отразившее настроения не только писателя, но и всего народа к деспотии и террору новой власти, желающей построить идеальное государство на крови простых людей, которым приходилось либо принять новый порядок, слиться с массой и жить так, как велит «Благодетель», либо погибнуть, защищая свои индивидуальные интересы и пытаясь бороться против несправедливости и произвола.

Чтобы представить читателю настоящий мир тоталитаризма, Замятин прибегает к жанру сатиры, которая часто используется для выражения социальной критики и показа недостатков в общественной жизни. Он применяет ее довольно аккуратно, без авторской инвективы, но менее хлесткой и обличающей она от этого не становится. Замятин демонстрирует мнимый восторг общественности, всенародное убеждение в полной свободе, в которую поначалу невольно может поверить и сам читатель, но истинный смысл утвержденной власти, раскрываясь, встает в сильнейшую оппозицию.

Одним из приемов сатирического языка Замятина является пародия. По определению В. Я. Проппа, сущность ее «состоит в имитации внешних признаков жизненного явления, чем отрицается его внутренний смысл. Пародирование стремится показать, что за внешними формами <...> ничего нет, что за ними пустота» [2, с. 171]. Признанные всеми жителями Единого Государства идеи мнимой свободы, равенства и братства оказываются узниками в руках ежедневного распорядка, казарменной жизни, постоянным скрытым надзором «Хранителей», любви по билетам и абсолютной открытости частной жизни за прозрачными стенами собственной квартиры. Более того, главный герой в начале романа романтизирует духовное рабство: «И дальше – сам с собою: почему — красиво? Почему танец – красив? Ответ: потому что это несвободное движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной, эстетической подчиненности, идеальной несвободе» [1, с. 7]. Для жителей Государства красота и эстетика заключается в тотальном подчинении, что говорит об абсолютном уничтожении личности, индивидуального начала – человек становится подобен скоту, пасущемуся под присмотром пастыря. Изучая творчество Замятина, Шишкина пишет: «В его публицистических статьях 1917–1919 гг. сатирическая интонация возникает на контрасте пародируемых штампов официальной идеологии и убийственной иронии авторского комментария». [3] Так же происходит и в романе: пародийная речь яркого выразителя и защитника принципов Единого Государства создает впечатление несостыковки с реальностью, фальшивости идеологии: «Наши предки дорогой ценой покорили, наконец, Голод <...> дикие христиане упрямо держались за свой «хлеб»» [1, с. 21], «В 48-й раз единогласно избран все тот же, многократно доказавший свою непоколебимую мудрость Благодетель» [1, с. 128], «Если они не поймут, что мы несем <...> безошибочное счастье, наш долг заставить их быть счастливыми.» [1, с. 5].

Упустив момент с именами-номерами персонажей, стоит сказать, что писатель внедряет в свое повествование множество карикатур – еще один прием сатирического жанра. Странные, искаженные формы мы наблюдаем даже при описании главных героев: розовый рот О, белые острые зубы I, S-образное туловище и т. д.

На протяжении всего повествования, сюжет романа наполнен гротеском, который наблюдается в восприятии главным героем всего, что его окружает: «Газовый Колокол, значительно более совершенный аппарат – с применением различных газов, и затем – тут, конечно, уже не издевательство над маленьким беззащитным животным, тут высокая цель – забота о безопасности Единого Гос-

ударства...». [1, с. 71] Во всех описаниях Д-503 возвышенное смешивается с безобразным, жестоким и неприятным, что подчеркивает изуродованность общественного сознания, свято верящего в правоту своего дела: ««Интеграл» мыслит о великом и страшном своем будущем, о тяжком грузе неизбежного счастья...». [1, с. 72] Олицетворение механического аппарата воспроизводит впечатление некоторого ужаса, ведь даже машина будто имеет право мыслить и планировать свои дальнейшие действия, а человек оказывается всего лишь обслуживающим персоналом, кладущим всю свою жизнь на благо «груза неизбежного счастья».

Таким образом, мы рассмотрели приемы сатирического языка в романе-антиутопии Замятина «Мы» и увидели, как автор использует их в качестве механизма критической оценки сложившегося после октябрьской революции общества. Евгений Иванович обращается к традиции гротескного смеха, чтобы вынести наружу возникшие социальные проблемы. Превращение человека в раба системы не может не сказаться на общественном сознании, которое рано или поздно найдет в себе силы на борьбу. Но, чтобы подняться на нее, необходимо понять и признать сложившееся положение, каким бы удручающим оно ни было.

Литература

1. Замятин Е. И. Мы. Нью-Йорк : Междунар. литературное содружество, 1967.
2. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. СПб. : Алетейя, 1997.
3. Шишкина Л. И. Народ и власть в политической сатире Евгения Замятина. СПб., 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narod-i-vlast-v-politicheskoy-satire-evgeniya-zamyatina/viewer>

Т. А. Сорокина

Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)

Научный руководитель – **И. В. Ерохина**

ПРОЗА Б. ПИЛЬНЯКА В КОНТЕКСТЕ СТИЛЕВЫХ ИСКАНИЙ XX ВЕКА (ПО РОМАНУ «ГОЛЫЙ ГОД»)

Аннотация. Данная статья исследует прозу Б. Пильняка в контексте стилевых исканий XX века на примере его романа «Голый год». Автор анализирует особенности языка и стиля, используемых Пильняком, а также их отношение к литературным тенденциям своего времени. В статье рассматриваются такие важные аспекты, как многоплановость сюжета, эмоциональная экспрессия, использование разных жанровых элементов и мотивов, а также взаимодействие между литературным текстом и социальной реальностью.

Ключевые слова: Б. Пильняк, проза XX века, стилевые искания, роман «Голый год», язык и стиль, многоплановость сюжета, эмоциональная экспрессия, жанровые элементы и мотивы, взаимодействие текста и социальной реальности, новейшая русская проза, влияние на развитие литературы.

Исследование прозы Б. Пильняка в контексте стилевых исканий XX века актуально и сегодня, так как это позволит глубже понять литературные тенденции того времени, а также роль и вклад Пильняка в развитие русской прозы XX века.

Основной целью данной статьи является анализ прозы Б. Пильняка на примере его романа «Голый год» и определение его места и роли в литературе XX века.

Задачи:

- проанализировать особенности языка и стиля, используемых Пильняком в романе «Голый год»;
- исследовать многоплановость сюжета и использование разных жанровых элементов и мотивов;
- оценить взаимодействие между литературным текстом и социальной реальностью в произведении;
- определить место и роль Пильняка в контексте стилевых исканий XX века.

Б. Пильняк – один из ярких представителей литературного движения 1920–х годов, которое стремилось к созданию новой поэтики, нацеленной на эксперимент и новаторство. В своем романе «Голый год» Пильняк старался выразить свои идеи о том, каким должно быть искусство, чтобы отражать современный мир.

В «Голом годе» автор применил несколько приемов, которые были необычными для того времени. Он использовал фрагментарность, нелинейную композицию, множественную перспективу и многослойность текста. Рассмотрим подробнее каждый из них [5, с. 24].

Фрагментарность – это прием, при котором текст состоит из фрагментов, которые не обязательно логически связаны между собой. Этот прием позволяет создать необычную форму текста и передать сложность и многогранность мира.

Пильняк использовал этот прием в романе «Голый год», создавая несколько параллельных историй, которые не связаны между собой напрямую, но образуют цельный образ [10, с. 41].

Нелинейная композиция – это прием, при котором события в тексте представлены не в хронологическом порядке. Подобная композиция присутствует в исследуемом произведении и создает необычную структуру текста, позволяя читателю восстанавливать события истории самостоятельно и участвовать в создании образов.

Множественная перспектива подразумевает под собой прием, при котором события в тексте рассматриваются с разных точек зрения разных персонажей. Это позволяет создать многогранную картину мира и передать сложность отношений между персонажами. В романе это отражается в сложных отношениях между главными героями.

Многослойность текста указывает на присутствие нескольких уровней смысла, которые могут быть раскрыты только через дополнительные анализы и толкования. В тексте романа можно найти не только повествование о событиях, но и символические образы и метафоры, которые раскрывают дополнительные смыслы.

Таким образом, Б. Пильняк стремился к созданию новой поэтики, которая была бы нацелена на эксперимент и новаторство. Он использовал несколько приемов, которые были необычными для того времени. Все они позволили ему показать многогранную картину мира, передать сложность отношений между персонажами и сложность современного мира в целом.

Отметим, что роман написан под влиянием символизма, который активно развивался в России в конце XIX – начале XX века. Данное течение стремилось к созданию новой поэтики, основанной на образности и символике. Также в произведении можно найти элементы авангарда. Авангард разрушал традиционные формы и создавал новые, более свободные и экспериментальные. Есть и влияние конструктивизма, который возник в России в 1920-х годах, но оно не слишком большое. Конструктивизм стремился к созданию «машинной поэтики», которая была бы четкой, ясной и лаконичной [8, с. 102].

«Голый год» является значимой работой, которая отражает стилевые искания XX века и в то же время это важный этап в развитии советской литературы. Использование нестандартных приемов в создании своей поэтики позволило Пильняку передать сложность современного мира и отношений между людьми, что делает его роман актуальным и сегодня. Кроме того, роман «Голый год» можно рассматривать и в контексте литературной модернистской традиции. И мы видим многие модернистские черты, такие как использование внутреннего монолога, который помогает описать внутренний мир персонажей и передать их чувства и эмоции; также прием монтажа, когда различные сцены и фрагменты текста сочетаются в одно целое, создавая необычную структуру и композицию; присутствуют элементы психологизма, отраженные в сложных и многогранных образах персонажей произведения, не всегда легко разобрать в их мотивах; философские рассуждения, которые раскрывают фундаментальные вопросы жизни и человеческой природы [9, с. 432].

Роман «Голый год» наполнен элементами социальной критики, что свойственно для многих произведений литературы XX века. Пильняк описывает жизнь крестьян в советской деревне, показывая их трудности и страдания. Он также критикует бюрократическую систему и чиновничество, которые приводят к обезлюдению деревни и разрушению традиционного образа жизни [7, с. 551].

В результате анализа мы пришли к выводу, что Пильняк является одним из значимых представителей новейшей русской прозы и оказал значительное влияние на развитие литературы в XX веке.

Литература

1. Пильняк Б. Голый год. М., 1922.
2. Костырко Н. Борис Пильняк и его время. М. : Худож. лит., 1988.
3. Дерябина О. В. Контексты литературы русской эмиграции. П. : Наука, 2000.
4. Лихачев Д. С. О романе Б. Пильняка «Голый год». Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1963.
5. Михайлов И. Л. Литература в контексте эпохи: Пильняк и русская литература XX века. М. : Наука, 1991.
6. Чудакова Н. А. Б. Пильняк и «новая литература» 1920-х годов. М. : Наука, 2007.
7. Баканова Н. А. Б. Пильняк и проблема автобиографизма в литературе. М. : Наука, 1983.
8. Степанов Ю. С. Б. Пильняк и русская литература 1920-х годов. М. : Изд-во МГУ, 1981.
9. Шевченко О. Б. Пильняк: Творчество и жизнь. Киев: Наук. думка, 1989.
10. Аверинцев С. С. Метафизическая поэтика Б. Пильняка. М. : Наука, 1983.

Н. Р. Стародворцев

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)*

НАЗВАНИЯ ХЛЕБОБУЛОЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ В ОБЛАСТЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. Статья посвящена изучению названий хлебобулочных изделий в областях ЦФО. Подчёркивается ценностный аспект хлебобулочных изделий для человека. ЦФО располагается на первом месте по количеству производимой хлебобулочной продукции в России, поэтому исследование представляется актуальным.

Ключевые слова: Центральный федеральный округ, хлебобулочное изделие, название.

Каждому русскому человеку знаком такой продукт, как хлеб. Под хлебобулочным изделием понимается «продукт, изготовленный из основного сырья или из основного и дополнительного сырья» [2, с. 52].

Хлеб – это продукт, который является жизненно важной ценностью народа, наряду с воздухом, землёй, водой и солнцем. Он является неотъемлемой частью нашей жизни уже тысячелетиями и без него невозможно представить обычный рацион питания. Народная мудрость гласит, что «хлеб всему голова», и это полностью соответствует действительности. Существует легенда о том, что древнегреческие пекари дали хлебу его имя, выпекая его в глиняных формах, называемых «клибанос». От этого слова происходит название хлеба, которое было заимствовано другими народами в разных вариантах.

Кроме того, концепт «хлеб» обладает определённым магическим значением, выступает в качестве некоего объекта сакрализации [1]. Лексема «хлеб» и образованные от неё слова того же семантического поля очень часто составляют основу многих фразеологических оборотов и устойчивых выражений, которые существуют в русском языке, например: «хлеб-соль», «посадить на хлеб и воду», «перебиваться с хлеба на квас», «хотеть хлеба и зрелищ», «отбить хлеб у кого-то» и т. д. [36].

По мнению У. Г. Гусейновой, образ хлеба характеризуется особым статусом в картине мира любого народа, соответственно, данный концепт проникает в любой язык, на котором говорят на планете, и занимает там очень важное место [1].

С течением времени хлебобулочные изделия стали символом связи человека с природой и культурой. Он напоминает нам о нашей зависимости от земли и труда, о необходимости взаимодействия с окружающей средой. Поэтому, когда мы едим хлеб, мы не только утоляем голод, но и восстанавливаем связь с природой и культурой наших предков. Кроме того, хлеб имеет и социальный аспект. Он объединяет людей за столом, создавая атмосферу домашнего уюта и гостеприимства. Хлеб становится символом дружбы и взаимопонимания, который по-

могает нам преодолевать различия и конфликты. Таким образом, хлеб оказывается не только важным продуктом питания, но и символом нашей культуры, традиций и социальных отношений. Каждый человек должен помнить о значении и ценности хлеба в нашей жизни.

Центральный федеральный округ занимает первое место в России по количеству произведённой хлебобулочной продукции в год. Центральный федеральный округ включает в себя 18 областей Российской Федерации – Белгородскую, Брянскую, Владимирскую, Воронежскую, Ивановскую область, Калужскую, Костромскую, Курскую, Липецкую, Московскую, Орловскую, Рязанскую, Смоленскую, Тамбовскую, Тверскую, Тульскую, Ярославскую.

Ассортимент хлеба в России крайне разнообразен, так же как и названия изделий. Существует множество критериев для классификации названий современных хлебобулочных изделий: количество слов, частеречная принадлежность, происхождение.

В Центральном федеральном округе преобладают адъективные однословные названия хлебобулочных изделий: «Городской», «Украинский», «Дворянский», «Пражский», «Маковка», «Забава», «Постный» и т. д. Но также встречаются и многословные – «Кукурузное зёрнышко», «Особый с отрубями» и т. д.

Если классифицировать названия хлебобулочных изделий по происхождению, то можно выделить такие группы наименований:

1. Основанные на составе хлебобулочного изделия: «Пшеничный», «Ржаной», «Горчичный», «Ванильный», «Молочный».
2. Основанные на назначении или ситуации употребления: «Бутербродный», «Домашний», «Городской», «Осенний», «Нарезной», «Чайный».
3. Оригинальные названия: «Фантазия», «Умница», «Кукурузное зёрнышко», «Любава».

В названии хлебобулочных изделий часто преобладает региональный компонент. Производители хлеба, подчёркивая оригинальность продукции в данной области, используют следующие названия: «Тульский», «Московский», «Владимирский», «Калужский», «Рязанский» и т. д.

Стоит отметить, что наиболее разнообразны в вариации названий среди белого, пшеничного хлеба: «Нарезной», «К чаю», «Сладкий», «Настюша», «Селяночка» и т. д.

Путём анализа названий хлебобулочных изделий, производимых на территории Центрального федерального округа, мы пришли к выводу, что наиболее частотное наименование – «Домашний». При помощи такого наименования производители выстраивают доверительные отношения с покупателем.

Название хлеба важно для покупателя, потому что оно может дать ему представление о его составе, вкусе, текстуре и качестве. Кроме того, название может указывать на особенности продукта, такие как его происхождение. Эти характеристики могут быть важны для покупателя, который может иметь определенные диетические или вкусовые предпочтения. В целом, название хлеба может помочь покупателю сделать более осознанный выбор и удовлетворить его потребности и ожидания.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что производители хлебобулочных изделий Центрального федерального округа отдают предпочтения однословным адъективным названиям, отражающим вкус, ситуацию употребления или происхождение продукции. Мы считаем, что они делают такой выбор неслучайно: такие названия легко запоминаются и помогают покупателю сделать правильный выбор.

Литература

1. Гусейнова У. Г. Хлеб в картине мира русского народа // Вестн. Тюмен. гос. пед. ун-та. 2019. № 2(199). С. 28–33.
2. Москвина А. А. Хлебобулочные изделия. Воронеж : Спектр, 2018.
3. Урманова И. М., Демидова В. А., Залесская И. И. Технологии производства и реализации хлебобулочных изделий на современном рынке // Вестн. Барнаул. гос. ун-та. 2017. № 12. С. 99–118.

С. Н. Стародубец, О. В. Белугина

*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)*

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ МИФОНИМОВ: ТРАДИЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В статье представлен анализ пяти лексикографических источников, в которых зафиксированы наиболее продуктивные восточнославянские мифонимы. Отмечено, что современная этнолингвистика располагает необходимой системой этнолингвистических сведений о мифологических персонажах. Недостаточной представляется фиксация символического значения мифонима.

Ключевые слова: язык фольклора, народная демонология, мифологическая проза, мифологический персонаж.

Типология современных словарей многообразна.

Небезызвестно, что «Славянские древности: энциклопедический словарь» под редакцией Н. И. Толстого есть фундаментальная научная энциклопедия. Первый опыт словаря традиционной духовной народной культуры славян.

Как отмечал в период многолетней работы авторский коллектив, «...главная задача словаря – представить семантический материал для реконструкции древнейшей системы славянской народной культуры» [1, с. 7].

«В отношении языковых данных и прежде всего терминологии славянской духовной культуры составители словаря придерживались той точки зрения, что она является неотъемлемой частью плана выражения духовной культуры, причём частью, наиболее непосредственно связанной с планом содержания. Эта связь двусторонняя. С одной стороны, факты языка служат важнейшим источником для реконструкции элементов культуры, народного сознания, мифологии, с другой стороны, решение многих собственно лингвистических задач <...> требует обращения к широкому культурно-историческому и этнографическому контексту» [там же, с. 19]. Необходимо признать сегодня, что научный коллектив под руководством Н. И. Толстого справился с этой и другими задачами, названными в приведённой работе.

Имеющийся в распоряжении лингвистов, этнографов, фольклористов, лингвокультурологов такой научный базис определяет развитие этнолингвистики в целом и смежных с нею областей.

В этой связи необходимо констатировать, что выход в свет названного междисциплинарного фундаментального словаря стал крупнейшим событием в лексикографии конца XX – начала XXI веков. Очерчена система координат, которая фиксирует максимум «этнолингвистики» в такого типа источнике. Очевидно, что современный этнолингвистический словарь предполагает репрезентацию языкового материала (плана выражения) сквозь призму многоуровневого системного плана содержания, вобравшего в себя парадигму мифологических, культурных и сакральных смыслов.

Что касается включённых в словарь мифонимов, то, по мнению авторов словаря, «демонологические персонажи должны быть охарактеризованы по 1) их названиям и фразеологии, 2) внешнему облику, 3) происхождению и превращениям, 4) месту обитания, 5) времени появления, 6) характерным действиям, 7) фольклорным сведениям о них» [там же, с. 17].

Так, например, при лексикографировании мифонима *Леший* фиксируются следующие параметры характеристики: во-первых, специфика этимологии имени мифологического персонажа, во-вторых, представления о происхождении, в-третьих, внешние особенности, в-четвёртых, характерные черты («оборотничество»), в-пятых, «характерное звуковое поведение», в-шестых, «место обитания», в-седьмых, наличие либо отсутствие семьи, в-восьмых, функции мифонима как «хозяина леса» [2, с. 104–109].

Глубоким, на наш взгляд, является описание мифологических персонажей в работе М. Власовой «Энциклопедия русских суеверий» [3]. Спецификой репрезентации смыслового поля мифонима в названном источнике является фиксация символического значения, как-то: «**РУСА́ЛКА** – дух в облике женщины, который может появляться у воды, в лесу, в ржаном поле, в коноплях и т. д. <...> **Русалка** <...> и материальное, конкретное образное воплощение силы плодородия, и сверхъестественное существо, эманулирующее эту силу в своём движении, влияющее на плодородие. <...> Сложный контаминационный образ русалки в весенне-летних календарных обрядах, видимо, всё же более персонифицирует силы плодородия, природы; он словно бы проступает из воды, земли, растительности, затем в них растворяясь» [там же, с. 448–464]. Компрессия представленной в дефиниции информации позволяет установить символическое значение мифонима в узусе – «амбивалентный водяной дух, образное воплощение силы, влияющей на плодородие».

Большие достоинства, на наш взгляд, имеет и «Русский демонологический словарь», автором-составителем которого является Т. А. Новикова [4]. Широкий охват мифологической лексики, спектр привлечённых сведений и источников позволяет выявить устойчивые и продуктивные характеристики мифонимов в русской культуре. Представлены яркие синонимические ряды к каждому мифониму, гендерная характеристика, функциональная специфика, например: «**БА́ННИК**. Также баенная нечисть, баенник, <...> банные лешие, банный апостол, <...> дедушка банный, <...> нечистик баенный, <...> хозяин баенный, <...> шишига, шишко, шишок. В ж. роде: байниха, обдериха. <...> Когда впервые идут мыться в новую баню, для банника, как и для домового, берут хлеб-соль и оставляют на полке в бане, чтобы банник не пугал моющихся и не травил их угаром. Но самое место, где когда-то стояла баня, считается нечистым. Банища – места поганые и опасные, ни один хозяин не поставит там избу: либо клопы одолеют, либо мыши сгрызут весь домашний скарб, либо баенник передушит скот. Не поможет ни закладка денег по углам избяного сруба, ни муравейник посреди двора» [там же, с. 35–41].

Не зафиксированным остаётся символическое значение мифонима «банный дух, персонификация жара, обжигающего человека».

Первым опытом систематизации мифологических сведений в Беларуси является энциклопедический словарь «Беларуская міфалогія». В названном источнике белорусская мифология представлена как организованная семиотическая система, включающая: персонажный код, космографический код, ландшафтно-топографический код, календарно-хронологический код, астрономический код, метеорологический код, антропоморфный код, «жывёльны код», «раслінны код» и др. Мифоним фиксируется в ряду синонимических вариантов, репрезентирующих весь составляющие смыслового поля: «**ЛЕСАВІК, Дабрахот, Дабрахожы, Верасовы Дзядок, Лёшы, Лясны Дзед, Лясны Хазяін, Лясун, Часной Лёса**, у беларускай міфалогіі дух – васабленне лесу як часткі прасторы, патэнцыяна чужой чалавеку» [5, с. 285]; «**ДАМАВУХА**, дух дома. Уяўлялася ў выглядзе нізенькай, тоўсценькай, нібы дзежачка, кабеты сярэдніх гадоў. Ёю падтрымліваўся парадак і лад у хаце добрай гаспадыні. Яна спрыяла ёй у розных гаспадарчых справах, глядзела і люляла чароўнымі зёлкамі, з дапамогаю якіх тыя хутка папраўляліся» [6, с. 133].

Отмечаем, что дефиниции мифологических персонажей в названном словаре репрезентируют функциональную специфику мифонима, парадигматические и синонимические связи, имеет место гендерная характеристика, тем не менее символическое значение остаётся не зафиксированным. С нашей точки зрения, символическое значение мифонима *Леший* – «амбивалентный лесной дух, персонификация страха человека, находящегося в лесу, восприятие леса как живого существа, имеющего своего Хозяина».

Фундаментальный анализ мифологических персонажей быличек и бывальщин Гомельской области описан в монографии профессора В. С. Новак «Славянская мифология» [7]. Структура монографии базируется на персонажном принципе описания нарратива. В первой части репрезентирована система значений мифонима, представленная в работах известных славистов (Н. И. Толстого, Я. Е. Левкиевской, Л. Н. Виноградовой и др.). Во второй части – имеет место фиксация внешних, локальных, гендерных и функциональных признаков мифонима в мифологических рассказах респондентов, проживающих на территории Гомельской области РБ. В третьей части – учёный приводит фрагменты декодированных сведений из мифологической прозы респондентов.

Так, например, при описании мифонима *дамавік* отмечено, что образ является амбивалентным, антропоморфным и зооморфным (= кот, волк), может быть ассоциирован также с умершим членом семьи, имеет локальную привязанность (печь, потолок и др.), его необходимо задабривать сладостями. Оригинальными являются способы определения наличия домового в доме, а ритуальные действия, связанные с необходимостью позвать домового с собой при переезде: «Можна ўзнаць, ці іе дамавы ў доме. Нада ўзяць чатыры ложка і завярні, каб ложка былі ўнутры газеты. Раскладзі патом на падлозе крастом і скажы: «Скажыце, пожалуста, іе ў гэтай хаце дамавы і сколькі?» У хаце трэба цішына, пасядзець некалькі мінут, а патом праверыць, развярнуць ложка. Еслі дамавы іе ў доме, то ложка выпадзе з бумагі» (в.Дзімамаркі Лоеўскага р-на)» [3, с. 134]; «... перад гэтым гаспадыня гэтага дома тапіла печ у старым доме і пасля таго, як

дровы згаралі, авыграбала ўвесь жар у гаршок і пераносіла яго ў новую хату, пры гэтым нагаворваючы словы замовы ці малітвы, у якіх дамавіка запрашалі жыць у новым доме» [7, с. 136].

Этнолингвистическое описание мифологической прозы брянско-гомельского пограничья, выполненное нами совместно с учёными Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, позволило зафиксировать «смежный спектр мифологических персонажей, как-то: *ведьма, русалка, шептуха (волхвитка), домовой, банник, леший, доброхожий, невидимые*» [8, с. 168].

Опираясь на значительный опыт лексикографирования мифонимов в современной науке, в которой наиболее скрупулёзно описана этимологическая, функциональная характеристика, внешние признаки, специфика действий мифологических персонажей, представлены синонимические ряды, гендерные черты, подчёркиваем, что имеет место ядерная архетипическая репрезентация мифонимов в русской национальной картине мира.

Полагаем, что дальнейшее лексикографическое описание мифонимов должно быть детерминировано углублённым лингвистическим анализом мифологического текста с фокусом фиксации символического значения, которое является маркером мифологического мышления этноса.

Літэратура

1. Этнолингвистический словарь славянских древностей : проект словника: [предварительные материалы] / редкол. А. В. Гура, О. А. Терновская, С. М. Толстая, Н. И. Толстой (отв. ред.). М., 1984.

2. Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб. : Петербург. писатель, 1995.

3. Энциклопедия русских суеверий. СПб. : Изд. дом «Азбука-классика», 2008.

4. Новак В. С. Славянская міфалогія: (на матэрыялах Гомельскай вобласці) : манагр. Минск : Право и экономика, 2009.

5. Левкиевская Я. Е. Леший // Славянские древности: этнолингвистический словарь; под общ. ред. Н. И. Толстого : в 5 т. М. : Междунар. отношения, 1995–2012 гг. Т. 3. С. 104–109.

6. Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўнік / науч. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько, У. Васілевіч [і інш.]. Мінск: Беларусь, 2004.

7. Лобач У. Леший // Беларуская міфалогія : энцыкл. Слоўнік / науч. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько, У. Васілевіч [і інш.]. Мінск : Беларусь, 2004. С. 285.

8. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995–2012.

Е. К. Тараканова, С. П. Томина

*Новомосковский институт РХТУ им. Д. И. Менделеева
(Новомосковск, Россия)*

О РОЛИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ИНОСТРАННЫМИ И РОССИЙСКИМИ УЧАЩИМИСЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В данной статье рассматривается одна из ключевых проблем современного российского образования – воспитание российской и иностранной молодежи в высших учебных заведениях страны. Описываются эффективные методы и приемы работы преподавателей русского языка как иностранного. Анализируются наиболее важные составляющие воспитательного процесса на примерах из личного опыта.

Ключевые слова: образование, воспитание, гармоничная личность, патриотизм, интернационализм, традиции.

В настоящее время проблемы воспитания молодого поколения становятся еще более острыми и актуальными. Политические события в стране и за ее рубежами требуют от современных педагогов использовать в своей деятельности самые эффективные методы и приемы для формирования и развития высокоморальной личности учащихся.

Воспитательная работа в вузах России осуществляется в соответствии с различными законами, постановлениями, утвержденными стандартами. Важнейшим из них является Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. В сентябре 2020 г. вступил в силу Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся». С 28 февраля 2023 г. он действует с некоторыми изменениями и дополнениями.

В указанном документе дается многогранное определение одного из главных видов работы образовательных учреждений: «Воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [1, статья 2, п. 2].

Преподаватели русского языка кафедры «Русский язык и гуманитарные дисциплины» Новомосковского института Российского химико-технологического университета имени Д. И. Менделеева имеют богатый опыт работы не только с российской молодежью, но и с юными представителями разных государств Азии, Африки, Латинской Америки. За 44 года существования подразделения

накоплена богатая научно-методическая база, которая широко и плодотворно применяется на практике.

Приоритетные направления воспитательного компонента деятельности кафедры: а) социальная и моральная поддержка иностранных граждан в адаптации к неродной для них среде; б) интернациональное воспитание; в) привитие иностранным и российским обучающимся любви к русскому языку, русской литературе, культуре и искусству; г) мотивация к изучению иностранных языков; д) развитие гармоничной личности и реализация творческого потенциала обучающихся.

За прошедшие десятилетия на кафедре разработан оригинальный план воспитательной работы. Традиционными стали мероприятия масштабного, интернационального характера. В первую очередь, «Новый год шагает по планете!» – праздник знакомства со студентами, приехавшими на обучение в НИ РХТУ им. Д. И. Менделеева. В красивом, нарядном зале начинающие «артисты» с волнением, радостным трепетом знакомят многонациональную молодежь с неповторимой культурой и вековыми традициями своих стран. Неподдельный интерес к выступлениям, дружеская поддержка зрителей стирают межкультурные границы, способствуют сближению иностранцев с российскими людьми и товарищами по учебе.

В честь окончания обучения на факультете проходит ежегодный выпускной бал «Мы говорим и поем по-русски!» Это своего рода неформальный экзамен, прежде всего на знание русского языка. Структурный строй этого прекрасного шоу разнообразен: ребята исполняют песни из классического репертуара, удивляют присутствующих самобытным исполнением русского фольклора, радуют современными композициями. Победители и лауреаты факультетского конкурса любителей русской поэзии, проходящего во второй половине учебного года, с честью и достоинством демонстрируют свои таланты.

С целью приобщения иностранной публики к необъятным красотам русской культуры, русской «старины глубокой» коллективом кафедры организуются незабываемые праздники: «Ура! Я живу в России!», «Здравствуй, русская Масленица!», «Неделя русской культуры», «В гостях у русской сказки» и т. д. Важным моментом данных мероприятий является знакомство иностранцев с российской действительностью, с их сверстниками. В результате завязывается дружба, появляется взаимопонимание, что благотворно сказывается на положительном имидже принимающей стороны и сокращает срок адаптации зарубежных обучающихся.

Российские и иностранные граждане, получающие образование в НИ РХТУ имени Д. И. Менделеева, имеют уникальную возможность узнать о Тульской земле, о ее богатом культурном наследии, о героизме великого русского народа. С этой целью кафедрой проводятся разнообразные уроки-природы, образовательные экскурсии по значимым местам нашего края. Поездки в Ясную Поляну помогают студентам прикоснуться к творчеству и жизненному пути мирового гения – Льва Николаевича Толстого. Уроки-природы в Тульском государственном музее оружия, в Музейно-выставочном комплексе Тульского Кремля посвящены

знакомству с историей создания оружия, с историей архитектурного ансамбля, составляющего неповторимый облик города-героя Тулы.

Экскурсии в город Москву, встречи на Красной площади, прогулки по столичным улицам и проспектам вызывают неподдельный восторг у путешественников.

Современные реалии постоянно вносят в жизнь и учебу свои коррективы. Так, в 2020 году из-за ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией, многие иностранцы получали образование онлайн. В этом же формате проходили наиболее масштабные события: «С Новым годом!», прощание с родным факультетом, участие в Международной акции «# Russia I Love», посвященной Дню России. Это был новый, полезный период нашей работы, который нашел отклик и взаимопонимание с обеих сторон учебного процесса.

Безусловно, остается еще много нерешенных вопросов: слабое техническое и материальное обеспечение кафедры, низкая заработная плата преподавателей, отсутствие оплаты труда кураторов и др. Хочется надеяться, что в ближайшем будущем эти проблемы будут решены на высоком государственном уровне.

Литература

1. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : федеральный закон от 31.07.2020 г. № 304-ФЗ. Ст. 2, п. 2.

П. А. Фадеева

Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)

ГЕНЕЗИС АНАРХИСТСКИХ ИДЕЙ В ТРУДАХ П. А. КРОПОТКИНА

Аннотация. В статье затрагивается тема формирования анархической мысли на примере трудов и научной деятельности Петра Алексеевича Кропоткина. Этика с ее императивами солидарности и сотрудничества легла в основу идей данного ученого, пронизывая каждое из его произведений. Это подразумевает под собой, что только развитая взаимопомощь в полной мере способна заменить государство и его роль в формировании общества.

Ключевые слова: Петр Алексеевич Кропоткин, нравственность, социал-дарвинизм, взаимопомощь, государство, свобода, солидарность, социальная эволюция.

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) в первую очередь широко известен как общественный политический деятель, теоретик анархизма не только в России, но и за её пределами. Автор произведений «Хлеб и воля», «Взаимная помощь как фактор эволюции», «Современная наука и анархия», «Речи бунтовщика», «Записки революционера» был во многом сторонником идей социализма, однако интерпретировал их несколько по-своему. Он полностью отвергает авторитарный принцип подчинения, а развитие человеческого потенциала как такового заключается в допущении максимальной свободы для полного и гармоничного развития природных сил личности.

Стоит отметить, что заслуги данного исторического деятеля не заканчиваются лишь на формировании основ конкретного политического направления. Помимо всего прочего, Петр Алексеевич – геолог и географ, делавший значительные открытия и исследования в этих дисциплинах. Однако глубокие социально-экономические проблемы государства, а также бедственное положение крестьян в то время, вызывали в нем глубокий внутренний кризис. «Но какое право, имел я на все эти высшие радости, когда вокруг меня – гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба? Когда все истраченное мною, чтобы жить в мире высоких душевных движений, неизбежно должно быть вырвано изо рта сеющих пшеницу для других и не имеющих достаточно черного хлеба для собственных детей?» [1, с. 236]. Он находил главной идею о социальном и экономическом равенстве, лишь только благодаря которому возможно формирование достойного будущего. В своей книге он также отмечает, что ему тяжело оставаться в стороне, видя все противоречия тех реалий – ведь те, кто стоит «сверху» далеки от народа, от простых масс. Согласно учению П. А. Кропоткина, все те блага, которыми человек может свободно пользоваться (дома, фабрики, магазины и т. д.) и даже «гений изобретателя» – результат совместных усилий миллионов людей, их совместной трудовой деятельности.

Это объясняется тем, что основной составляющей для каждого живого существа (в том числе человека) является инстинкт взаимопомощи. Свое практическое применение теории молодой ученый на тот момент нашел во время его службы в Сибири. Стоит отметить, что отправиться туда было личной инициативой Петра Алексеевича. Годы пребывания в Сибири принесли ему не только большое количество географических открытий, но и укрепили его мировоззрение. В частности, выступая с критикой популярного и получившего широкое распространение в 19 веке направление «социал-дарвинизма», он говорит о том, что помимо вечной борьбы между живыми организмами за жизнь, существует и другая сторона, а именно – взаимная поддержка, помощь и защита. И именно эти факторы выступают в качестве мерила социального прогресса. Нравственность, согласно Кропоткину – врожденное качество человека, которое, однако, ограничивается и искажается в первую очередь государственным строем, который сдерживает развитие потенциала, духа свободы и солидарности. В работах Петра Алексеевича анархизм приобретает не столько черты идейного движения, направленного на подрыв уже существующих связей в обществе, сколько довольно-таки мирного в сути своей направления, пронизанного состраданием и сочувствием к людям. В своей книге «Этика» он констатирует, что «зло» было накоплено государством и его законами, приводя в пример суждение Спенсера: «Где нет и никогда не было войны – там нет правительства» [4, с. 243]. Таким образом, любое проявление власти и господство кого-либо над кем-либо есть результат насилия, где все подчинено борьбе за существование.

В различных своих работах Кропоткин определял основную цель государства в эксплуатации труда рабочих масс и поддержке главенствующего сословия, что, соответственно, приводит к порабощению и зависимости одних от других. Государство олицетворяет собой стремление к монополизации власти, несправедливость, неравенство и притеснения. В обществе всё должно базироваться на добровольных общественных началах, так как потенциал добровольного развития и творческого потенциала заложен в самих людях. И в его понимании слово «анархия» не является синонимом беспорядка или хаоса, как это описывается в работах других теоретиков, а наоборот, порядок будет поддерживаться непосредственно массами народа, которые получают свободу в своих действиях, а не кем-то «свыше». Суть его философии заключается в отсутствии деления общества на «эксплуатируемых» и «эксплуатирующих». Изучая механизм социальной эволюции, он приходит к выводу, что общество целиком и полностью должно быть сформировано на сознании человеческой солидарности. Следует добавить, что обоснования своей теории он находит на примере ранее существовавшей человеческой общины, где все вырабатывалось на условиях добровольческого согласия между людьми. Освобождаясь от предрассудков, новое развитие, детерминирующее преобразование целой системы не является утопией, так как труд, положенный в основу общества, будет осуществляться как творческий порыв, как искусство, что и представляет собой здоровое и сбалансированное развитие как физических, так и духовных качеств людей вследствие отсутствия механизма подчинения.

Подводя итоги, можно привести высказывание Вячеслава Алексеевича Маркина – автора нескольких книг о Петре Алексеевиче: «Слово “совесть” было последним написанным его рукой словом. Так получилось. И это слово – ключевое для понимания образа Кропоткина, его идей и деяний» [2, с. 322]. И действительно, анализируя его работы, можно понять, что направление анархизма, а точнее пока только его зарождение, есть нечто большее, чем идеал свободного общества или идейное направление. Оно в первую очередь основано на взаимопонимании, честном и справедливом отношении людей друг к другу и к самим себе, свободное от всяких ограничений.

Литература

1. Кропоткин П. А. Записки революционера. М. : Моск. рабочий, 1988.
2. Маркин В. А. Кропоткин. М. : Мол. гвардия, 2009.
3. Кропоткин П. А. Этика. М. : Изд-во полит. лит. 1991. (Библиотека этической мысли).
4. Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М. : Самообразование, 2011.
5. Кропоткин П. А. Анархия, её философия, её идеал. М. : Азбука, 2021.
6. Коваль Б. И. Этика анархизма // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 100–103.
7. Арефьев М. А., Давыденкова А. Г. Альтруистическая этика в синтетической философии П. А. Кропоткина // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/altruisticheskaya-etika-v-sinteticheskoy-filosofii-p-a-kropotkina> (дата обращения: 14.04.2023).

Е. Ю. Фатюшина, М. С. Богачев

*Новомосковский институт РХТУ им. Д. И. Менделеева
(Новомосковск, Россия)*

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ НАВЫКОВ ГОВОРЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье представлен опыт использования онлайн-трансляций на обучающем телеграм-канале для улучшения навыков говорения на иностранном языке. Анализируются положительные и неудачные моменты, предлагаются пути дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: телеграм-канал, онлайн-трансляция, смешанное обучение, обучение говорению на иностранном языке.

Цифровая среда – неотъемлемая часть современного мира. И воспринимать её только как место, где молодые люди проводят свободное время ради развлечения, давно не актуально. Обучающий потенциал Интернет-ресурсов ещё до конца не оценен и не изучен.

Образовательные сообщества в соцсетях, каналы и блоги позволяют сделать обучение непрерывным. Где бы ни находился подписчик, он всегда может участвовать в викторине, выполнить задание, добавить комментарий. Программа незамедлительно оценивает работу, и это очень удобно. Тем не менее, с точки зрения коммуникации, обратной связи, обучение в цифровом сообществе заметно отличается от обучения в традиционном формате. Как обычно бывает в таких случаях, наиболее продуктивно бывает использовать обе возможности, отдавая предпочтение «смешанному обучению» (blended learning) [2].

Наиболее очевидно продуктивным кажется использование цифровых ресурсов для улучшения навыков письма и чтения, в то время как совершенствовать навыки аудирования и особенно говорения предполагается традиционным способом, с участием преподавателя. Тем не менее, исследования по роли соцсетей для улучшения беглости речи и коммуникативной компетентности уже существуют, хотя пока и в небольшом количестве (работы Р. Эллиса, Р. Блэйка, Б. Смита и др. [4]). В первую очередь для улучшения коммуникативных навыков предполагается общаться через соцсети или мессенджеры с носителями иностранного языка и за счет этого учиться говорить и слушать. Именно поэтому в работах по теме отмечается, что использовать русскоговорящие ресурсы («ВК» или «Телеграм») для обучения говорения на иностранном языке – идея малорезультативная: в них трудно найти носителей иностранного языка [1; 3].

Тем не менее, в своей работе мы рассмотрим опыт использования именно русскоязычного мессенджера «Телеграм» для улучшения навыков говорения за счет обсуждения актуальных тем в ходе прямой трансляции, к которой могут присоединиться по желанию все подписчики канала. Во время трансляции

любой участник может вступить в дискуссию, то есть это аналогично чат-руму в «Фейсбуке» или, отчасти, конференции в «Zoom».

Команда админов канала «Learning English», организованного студентами и преподавателями НИ РХТУ им. Д. И. Менделеева, решила для развития навыков говорения у аудитории канала организовать обсуждение тем на английском языке. Опыт и анализ удач и неудач проведенных обсуждений показал, что во время организации этой формы дискуссий на иностранном языке необходимо принимать во внимание следующие моменты.

Тема трансляции. Первую тему выбирали голосованием, остальные – по решению команды админов. В итоге за летние каникулы 2022 года обсуждались следующие темы: «Можно ли купить счастье за деньги?», «Существуют ли профессии “для мужчин” и “для женщин”?», «Как повысить свою самооценку?» Выбор с помощью голосования и в дальнейшем не исключался, однако с ним возникли некоторые проблемы. Во-первых, в первом голосовании принимало участие 16 человек, а на трансляцию пришло только 6 и, вполне возможно, те, кто пришел на трансляцию, отдавали свои голоса не за ту тему, которая в итоге победила. Во-вторых, трудно решить, насколько нужно обновлять список потенциальных тем для следующего голосования: оставить получившие второе и третье место и добавить 4–5 новых или предложить семь новых? При регулярном проведении трансляций первый вариант подразумевает постоянные повторы, а второй очень трудоемкий.

Разница уровней участников. Изначально было объявлено, что принять участие в обсуждении могут подписчики с любым уровнем. В итоге оказалось, что действительно увлекательная дискуссия с противоположными точками зрения развернулась между 3–4 участниками, а слабые, высказав подготовленные фразы, не смогли поддерживать разговор дальше. Для того, чтобы сгладить эту проблему, решено было примерно за две недели до начала дискуссии делать ежедневные посты по теме, вызывая подписчиков канала на посильное обсуждение. Это дало возможность более слабым участникам примерно знать круг обсуждаемых вопросов и актуальную лексику.

Дилемма между следованием плану и импровизацией. Первые трансляции проводились без какого бы то ни было плана. Это приводило к тому, что периодически в эфире повисали неловкие паузы. Вывести на новую тему был призван модератор чата, но у него не всегда получалось сориентироваться. С другой стороны, именно в дискуссиях с отсутствием четкой «повестки дня» возникали неожиданные и интересные ответвления от основной темы. Тем не менее, админами было решено готовить предварительные планы и по возможности им следовать, а также поручать наиболее активным участникам заранее искать фактическую занимательную информацию по теме.

Одной из главных проблем остается **привлечение большего количества подписчиков** для участия в обсуждениях. Так, при 200 подписчиках канала в обсуждениях участвовало не более 10. Был проведен анонимный опрос с целью узнать, в чем может быть причина. В опросе принял участие 21 человек. Самый популярный ответ (50 %) – «Я боюсь, что мой уровень английского недостаточно

хорош для этого». По 18 % выбрали варианты «Я принимаю в них участие» и «Мне неинтересны обсуждаемые темы». Несколько подписчиков в комментариях написали свои варианты: «Нет времени», «Мне скучно; когда обсуждение очно, я более активный», «Какие обсуждения?» Два последних варианта связаны с неидеальным форматом социальной сети.

Действительно, общение вживую комфортней (во время трансляции никто даже не включает камеру, все скрыты за аватарками и никами), да и постоянно меняющаяся лента новостей иногда не дает вовремя заметить важную новость (поэтому, как оказалось, некоторые подписчики канала даже не знают, что у нас проводятся эти онлайн-обсуждения).

Среди плюсов – то, что трансляцию можно записать, неоднократно прослушивать, что полезно и для тех, чей уровень был недостаточным, чтобы принять участие, и для тех, кто активно говорил в эфире, но хочет проанализировать свои погрешности.

В числе одного из главных плюсов организации подобных онлайн-обсуждений можно отметить тот опыт, который получают в ходе подготовки к трансляции студенты, являющиеся админами канала. Поиск информации, продумывание стратегии, командная работа – всё это необходимо выполнить наилучшим образом, чтобы следующая трансляция была более качественной, чем предыдущая. Критерии успеха – рост количества подписчиков (если трансляции неудачные, если участники понимают, что адекватного общения на иностранном языке не происходит, цифра «подписчики канала» начинает уменьшаться) и активности (количество комментариев и лайков). Таким образом, помимо совершенствования собственно языковых умений и навыков, данный вид работы усиливает мотивацию, позволяет поставить студента «у руля» обучающего процесса и за счет этого сделать обучение студентоцентричным.

Литература

1. Ефанова Л. Д., Полякова В. Л. Использование социальных сетей при изучении иностранного языка в вузе // Вестн. ун-та. 2019. № 3. С. 158–162. URL: <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/> (дата обращения: 25.04.2023).

2. Малинина И. А. Применение технологий смешанного обучения иностранному языку в высшей школе // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 10. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/27936> (дата обращения: 25.04.2023).

3. Панина Е. Ю., Югова Н. А. Использование социальной сети VK в обучении устной иноязычной речи учащихся средней школы // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2018. С. 192–197

4. Lin C.-H., Blake R., Warschauer M. Language Learning through Social Networks: Perceptions and Reality // Language Learning & Technology. Vol. 20. № 1. P. 124–147. URL: <https://www.eltresearchbites.com/2018-01-language-learning-through-social-networks-perceptions-and-reality/> (дата обращения: 07.03.2023).

А. А. Федотова

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)*

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РОМАНАХ

Аннотация. В данной статье рассматривается ряд особенностей функционирования и способов перевода юридической терминологии в современных англоязычных романах на примере произведений Т. Капоте «Хладнокровное убийство» и Б. Стивенсона «Звонок за ваш счет». Представлен краткий анализ жанра «детектив» и его подвидов, основных видов юридической и судебной терминологии, переводческих трансформаций.

Ключевые слова: перевод, переводческая трансформация, жанр, поджанр, юридический термин, судебный термин.

Согласно отечественным и зарубежным исследованиям, жанр криминального детектива занимает прочное место в тройке лидеров среди читателей по всему миру, уступая первое место лишь любовным романам [1]. В 2021 году в России первое место по продажам заняли классические и современные детективы [2]. Психологи утверждают, что существует несколько причин, почему читатель предпочитает именно этот тип произведений. Во-первых, это стимуляция мозговой активности, потому что реципиент погружается в «динамику» произведения, а новые «раздражители» влияют на формирование и развитие нейронных связей. Во-вторых, с точки зрения поведенческого психоанализа, человек в процессе чтения о преступлении, расследовании, судебных процессах, компенсирует свои агрессивные инстинкты. В-третьих, чтение детективного сюжета, его разбор и анализ, помогает упорядочить мир и происходящие в нем события. По мнению Ф. Д. Джеймс, одной современных «королев» детективного жанра, чтение таких книг помогает «восстановить порядок» [3].

Рассматривая особенности структурной композиции, исследователи выделяют несколько подвидов (поджанров) детективных романов: «следственный/полицейский», «интеллектуальный» (классический вариант), «шпионский» (чаще всего затрагивающий политические события), «психологический», «любовный» [4].

С точки зрения анализа особенностей перевода для нас особый интерес представляет первый вариант – «следственный/полицейский» детектив, чаще всего посвященный подробному расследованию какого-либо дела, работе полицейских и следователей, адвокатов и прокуроров, процедуре сбора данных, поиску и опросу свидетелей, судебному процессу и тд. Объектом нашего исследования являются два американских романа – Труман Капоте «Хладнокровное убийство» (1966) (далее – ТК) и Брайан Стивенсон «Звонок за ваш счет. История адвоката, который спасал от смертной казни тех, кому никто не верил» (2014)

(далее - БС). Первый описывает расследование убийства семейства Клаттеров в штате Канзас в 1959 году, это одно из основополагающих произведений, давших старт для произведений, написанных в форме расследования. Второй – это мемуары молодого адвоката-афроамериканца, часть книги посвящена работе с делом Уолтера Макмиллиана, обвиненного в убийстве белой девушки, другая – описанию борьбы с погрешностями судебной системы США, касающейся прав заключенных афроамериканцев, людей из неблагополучных семей, осужденных с различными психологическими заболеваниями.

Оба произведения относятся литературоведами к жанру non-fiction/faction – смешанному типу литературы (иногда документальному), где художественное повествование основано на реально произошедших событиях. Одними из элементов «нехудожественной» («документальной») составляющей каждого романа являются записи допросов свидетелей и подозреваемых, судебные экспертизы, выписки из протоколов судебных заседаний, они представляют собой юридический дискурс. В нашей работе мы рассмотрим особенности эти составляющих и выделим основные способы перевода необходимых нам элементов.

Юридический язык характеризуется наличием сложной терминологической лексики, она позволяет регулировать правовые взаимоотношения субъектов. Традиционно, к основным способам перевода терминов относятся транскрипция или транслитерация, поиск эквивалентов, калькирование, генерализация/конкретизация, описательный перевод, переводческий комментарий [5].

Чаще всего терминология заимствована из французского и латинского языков. В тексте присутствуют латинские выражение и цитаты, их перевод мы находим или в самом тексте, или в примечаниях. В большинстве случаев основными приемами становится или подбор устойчивого эквивалента, или переводческий комментарий в тексте или после него.

Например: *During the voir dire examination* - во время **предварительной проверки** (ТК). *The Court decided to bar claims from federal habeas corpus review* – Верховный суд решил отказывать в пересмотре дел на федеральном уровне в соответствии с положением **habeas corpus (распоряжением о представлении арестованного в суд)** (БС).

Примерами использования транскрипции при переводе становятся названия должностей и профессий: *sheriff* - шериф, *coroner* – коронер, *advocate volunteer* – адвокат-волонтер, *mayor* – мэр, *captain* – капитан; термины судебной тематики: *jurisdiction* – юрисдикция, *jury* – жюри (один из вариантов перевода), *juvenile* – ювенальный, *presumption* – презумпция. Способ калькирования, когда каждый элемент словосочетания получает свой вариант из русского языка, своего рода подстановка, подходит для безэквивалентной лексики [6, С. 99]. Например: *Kansas Bureau of Investigation* – Канзасское бюро расследований, *Federal Court* – федеральный суд, *Supreme Court* – Верховный суд, *presumptions of guilt* – презумпция вины.

Очень часто при работе переводчика с юридической терминологией может встретиться несколько эквивалентов одного и того же слова, тогда необходимо каждый раз тщательно проверять адекватность варианта для данного контекста.

Примеры перевода эквивалентов: *Kansas State Penitentiary* - *Канзасская исправительная колония*, *Southern Prisoners Defence Committee* – *Южный Комитет Защиты Заключенных*, *witness* – *свидетель*, *judge* – *судья*, *prosecutor* – *прокурор*, *lawyer* – *юрист*, *attorney* – *адвокат*, *counsel* – *юрисконсульт*. Примером генерализации (перевода конкретного слова его более обобщенным понятием) может служить перевод словосочетания *prisoner-on-prisoner violence* – *насилие в среде заключенных (БС)*. Пример конкретизации («перевод от общего к частному»): *change of venue* – *изменения места судебных заседаний (ТК)*. К описательному переводу (лексико-грамматической трансформации) приходится обращаться в тех случаях, когда термин необходимо заменить словосочетанием, дающим полное или частичное ее объяснение, например: *judge overrides* – *преимущественное право судьи принимать решения*.

Таким образом, хотелось бы сделать промежуточный вывод о том, что юридическая терминология является основной составляющей дискурса современных произведений, написанных в жанре «следственного» детектива. Она придает художественному тексту дополнительную «документальность», подчеркивая особый характер нового и популярного жанра non-fiction/faction. В ходе нашего исследования мы выявили, что основными способами перевода юридической лексики становятся: подбор эквивалентов, транскрипция, калькирование, различные виды трансформаций, а также переводческий комментарий. Здесь отдельно хочется отметить, что переводчику в ходе его работы над новыми произведениями, для сохранения точности и адекватности перевода, будет необходима консультация юристов или дополнительная профессиональная подготовка.

Литература

1. 5 Explosively Popular Book Genres and Why You Should Write in Them. URL: <https://theurbanwriters.com/blogs/publishing/popular-book-genres-for-your-next-bestseller>
2. Важное книжное: самый продаваемый писатель и самые популярные жанры 2021 года в России. URL: <https://book24.ru/news/6056625>.
3. Артемова Ю. А. Страх, шок, облегчение: почему мы любим детективы. URL: <https://tass.ru/opinions/16525823>
4. Мельничук О. А. Структурные типы детективных романов // Вестн. СВФУ. 2006. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-tipy-detektivnyh-romanov> (дата обращения: 08.05.2023).
5. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Изд. центр «Академия», 2008.
6. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М. : Междунар. отношения, 1975.

Д. А. Филимонова

*Тульский государственный университет
(Тула, Россия)*

ОБРАЗ ПРОВИНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. ЛИХАЧЕВА

Аннотация. В. В. Лихачев – писатель, драматург, журналист и историк, родившийся в маленьком городке Тульской области. Мотив движения, бегства на «малую родину» для его произведений во многом определяющий. Провинция для его героев – место силы, она консервирует в себе то, что в народе называют «четью» и «добрым именем». Роман «Кто услышит коноплянку?» и повесть «Дневник путника» – главные «провинциальные» труды автора, рассматриваемые в конкретной работе.

Ключевые слова: образ провинции, национальный тип, мотив странничества, мотив пути, российская глубинка.

Виктор Васильевич Лихачев родился в 1957 году, в «праздник Возвышения Креста Господня», как пишет он в своей автобиографии [6], в городе Киреевске Тульской области. Писатель, драматург, журналист, историк, он успел поработать и учителем в школе, и корреспондентом в газете.

За авторством его значатся сборник рассказов «Молитесь за меня» (1998, 2003, 2009), пьеса «И мать их Софья» (2002), романы «Кто услышит коноплянку?» (2001, 2004, 2005, 2007, 2008), «Единственный крест» (2006, 2009), «Возвращение на Мару» (2006), «Ангелы уходят не прощаясь» (2009), документальная повесть «Дневник путника» (2003). В настоящей работе рассматриваются, в частности, роман «Кто услышит коноплянку?» и повесть «Дневник путника» как самые «провинциальные» произведения автора.

В мае 2008-го года, в возрасте 50-ти лет, писатель ушел из жизни.

...

Николай Александрович Бердяев, определяя русский национальный тип, связывает его двойственность с *«необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной»* [1].

На географию во многом опирается нарратив Лихачева, много ходившего по России пешком. Герой «Дневника», кажется, превосходно знает ее, при этом маршруты строит будто бы наугад.

И для Лихачева каждая точка на его личной карте масштабна, рассматривается им с усердием мастера-ювелира, плетущего тончайшую цепочку почерневшими и всегда, на удивление, пухло-грубыми пальцами мастера-ремесленника. Точки эти еще не вся Россия, но – самобытная натура. Фактуру ее составляют названия многочисленных поселений, отдельных мест Калужской, Тульской, Московской, Тамбовской и других областей. «Дневник путника» по своей сути – заметки, делающиеся попутно:

«Это документальная повесть, написанная осенью 1991 года под впечатлением от пешеходного странствия, проходившего в том же году от Оптиной пустыни до города Гусь – Хрустальный в северной Мещере»¹ [4].

Мотивы дороги, движения, изменения привычного положения и поисков для провинциальной прозы и поэзии Лихачева становятся общим местом:

«... Бог дал мне возможность заниматься любимым делом, дал мне счастливую возможность жить, любить, страдать и радоваться, печалиться и думать, верить и надеяться на этой священной земле, ходить по ее дорогам, встречая удивительных людей» [там же].

...

Каждая глава «Дневника» – очерк одного-двух дней. То, что каждая из них мало связана с другими, принципиально для композиции. Рассинхронизация перемен мест и внутреннего состояния героя и порождает специфику конфликта: subtilность поэта иногда позволяет ему замечать больше, наталкивает на размышления, которые с физическими перемещениями не всегда совпадают. Иными словами, в какой-то момент отчет о движениях Путника отодвигается на второй план, уступая место лирическим отступлениям:

«Обычный луг, на Руси их пока что много – не все еще распаханы. Но Тургенев обессмертил его, сделав символом крестьянской России, мирного труда на любимой земле... Но такая жара, а намеченный путь я должен пройти...» [там же].

...

Борьбу противоположностей – рационального и иррационального – Ницше выразил через понятия аполонического и дионисического. Бердяев же, говоря о противоположностях русской души, отмечает:

«В русской стихии всегда сохранялся и сохраняется и донныне дионисический, экстатический элемент» [7].

В свою очередь отсюда, по мнению русского философа, и склонность русского человека к странничеству:

«И русские – странники, ищущие Божьей правды. Странники отказываются повиноваться властям. Путь земной представлялся русскому народу путем бегства и странничества» [1].

Мотив странничества присутствует у Лихачева. У него путь нескончаемый, герой – по жизни скиталец, засланец. Его путевые «рывки» суть восстановление баланса, мирового и внутреннего; за последним первый неминуемо настроится сам.

В произведениях Лихачева метафорически расплывчатый образ пути – жизненного или вполне конкретного – обращается в подобие паломничества²:

«Но разница между туристом и паломником такая же, как между ночью и днем. Одни наблюдают, другие припадают. Одни уносят впечатления, сувениры, другие приносят – вопросы, невзгоды свои и сомнения» [4].

¹ Лихачев В. В: «Признаюсь, готовя дневник к публикации, решил внести кое-какие изменения – ведь прошло уже более десяти лет».

² Путешествие верующих к так называемым святым местам в надежде получить «сверхъестественную помощь» (Большая советская энциклопедия).

И разница эта здесь принципиальна. Герой Лихачева будто отправляется на богомолье. Сакрально для него – то, что неизменно, непреходяще. А награда за этот путь – успокоенность сверхчувствительной души. Как будто забываешь, что болен Киреев раком, - язва беспокоит «сердечная». Герой романа «Кто услышит коноплянку?» «припадает» к селу Новоюрьевску.

И провинция здесь – мечта, греза, успокоительная и всемогущая. Лихачевский «Метод провинциала»: возвращение к первоначалу, как и религия, позволяет им – и герою, и автору – нащупать «почву», ту самую «точку отсчета».

«Вместо того, чтобы пить лекарства, лечиться, он часами что-то писал, ездил в Коломенское, читал... В конце концов, для счастья, он теперь понимал это, нужно совсем немного: клочок луга, кусочек неба, журчащий ручеек и чтобы было куда прислонить голову» [5].

...

Герои Лихачева – созерцатели; окружающие же, за редким исключением, – слепцы. Первые – романтики, искатели типа «Великий Ностальгатор»¹. И существуют лишь в пути, в среде опорных пунктов своего путешествия. В пути же они вспоминают и о родном доме, и о детстве.

Киреев в романе полнится воспоминаниями о прошлой жизни, тетках Анюте и Елене, дядьке Иване, о родителях и родительском доме. Он, кажется, идет «во все тяжкие» – не просто уезжает из Москвы в Новоюрьевск (который в романе находится рядом с вымышленным Старгородом с говорящим названием), но продает московскую квартиру, которую можно было бы и сдавать, как резонно советует бывшая жена Галина, и идет пешком с «видавшим виды рюкзаком» и иконой Одигитрией². При чем в его «котомке» – «сухой паек, смена одежды» да «томики любимых поэтов – Пушкина, Тютчева и Баратынского» [5]. Лихачевский герой-чудак, романтик, «гумилевский конквистадор», выделяется тем, что «взял Библию на русском языке, но не догадался взять в дорогу плащи спальник» [там же].

И слепота окружающих главного героя персонажей осознаваема, допускаема. Соколов-Микитов поминает Саади и что, по словам последнего, упорное домоседство ушло недалеко от глупости [8]. Это малодушие, но мудро автором прощаемое. Оно, по Лихачеву, и положено так – все мы в этом мире либо «туристы», либо «паломники». Но Виктор Васильевич не наставляет, а наоборот, героя своего ставит в положение непригодное, неприглядное. «Трудна дорога от правды к истине» [3], как говорил Довлатов, но на путь этот кто-то встает, а кто-то и не ведает о тропинках у «большой дороги».

Киреев в романе считает ниспосланную болезнь несправедливостью, потому что горделив; он жалеет себя, плачет, пьет, отказывается от операции и лечения, хамит людям. Но это и делает его человеческим, живым, а не хрестоматийным праведником.

Последнего-то и не хватает Путнику из «Дневника», что можно объяснить, пожалуй, лишь спецификой жанра «документальной повести»-дневника –

¹ По аналогии с типом «The Great Detective» у Э. А. По. – *Примеч. автора.*

² Одигитрия (греч. – путеводительница) – икона Богоматери с младенцем (Православный энциклопедический словарь).

насыщенностью внутреннего монолога, не «прорываемого», например, диалогами с другими персонажами.

...

«Но – вот что замечательно – крест каждому дается по силам. Мне – мой... Значит – так надо», – говорит местный дурачок Арсений [5].

Случайная одухотворенность юродивого – давние мотивы, из Гюго¹ еще помним да из житий святых – в «провинциальной» прозе обретают особую значимость. Они не «шарнирчики» фактуры; они сама жизнь в ее парадоксальности, которую узреть удастся как раз в пути, и в физическом, и в духовном. И болезнь героя, и его знакомства, и решение принять паломничество после стольких лет безверия парадоксальны, но теорию парадоксов и разрабатывает Лихачев руками своих героев². Вернее, не разрабатывает – мудрец-автор будто бы все давно уже понял. Просто позволяет заплутавшим героям пройти этот путь самостоятельно. А «чистилицем» оказывается дорога по периферии.

...

Очень важно, говоря о Викторе Лихачеве, отдельно обозначить его особые отношения с православием, его культурой, духовными книгами. Библия как книга-начало начал, первооснова признается его героем. Она его направляет, он вздыхает, умудренный знанием, уморенный долгим шествием пешком и изведенный непрерывной «работой» сердца.

«И неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа. Там распяли Его» (Ин. 19:17–18). И горечью обожгло почтимо физическое ощущение того, о чем знал и думал раньше. Ивовка — это Россия. Распята на кресте, который она несла. Воскреснешь, Родина моя, или так и не сойдешь с Лобного места?» [4].

Он вдруг что-то понимает, но путь от этого как будто не сокращается, а просто совершается остановка; заветного «конец пути!» так и не позволено произнести, привал кончается. До подвздошных костей доходит набираемый грудью воздух, а дальше только в путь.

Церковь для Лихачева – место силы. Местом общим для его произведений становится старина, сусальность храма, его «непременная неприметность».

«Наши предки умели находить самые красивые места для храмов, старались, чтобы церковь была видна из самой дальней дали... Но строили раньше добротню, вот и возвышается она, вроде бы и поверженная, без куполов, крестов, но все равно стремящаяся в небо...» [там же].

...

При всей лиричности, даже заветности, тексты Лихачева во многом публицистичны. Не будем забывать, что Виктор Васильевич не только писатель, но – журналист. И «Дневник путника» – повесть с публицистически заостренным пафосом:

«Любой столичный журналист, что приезжает сюда на день, в своем фотоочерке (это сейчас модно) напишет, что де очень уж провинциален и обыден

¹ Хрестоматиен в этом отношении роман «Собор Парижской Богоматери» (1831).

² Герой романа Лихачева «Кто услышит коноплянку?» на протяжении повествования пишет сборник рассказов, основанных на парадоксах. – *Примеч. автора.*

(читай между строк – сер и неинтересен), поместит три-четыре фотографии – единственную оставшуюся церквушку, бабушку, торгующую на рынке, полуголую красавицу на витрине киоска... Короче, приговор произнесен. Можно ехать дальше, ведь несть числа таким городкам на Руси...» [там же]

Лихачев-историк с Лихачевым-журналистом¹ многоопытны и знающи; Лихачев-писатель и Лихачев созерцатель же восприимчивы, православны, сильны духом. Их единство – в созидательности лихачевской литературы.

...

Галерея портретов российской глубинки у Лихачева – пожалуй, сугубо меткая. Импрессионизм, впечатление, один мазок – зато какой! Поведение скромно признающего «Я человек простой...» героя материала условной газеты-районки Лихачев-журналист наверняка может предугадать; а потому черточки портретов приходится ловить, пока ловится – в действиях, словах, интонациях и взглядах:

«...Цыгане купались на противоположном берегу, довольно далеко от меня, но шумовое оформление было такое, что спустя пять минут я не только знал, как их зовут, что они друг о друге думают, но даже все их недостатки. Особенно помогла мне в этом Рада. На вид ей было около 9–10 лет... Когда Рада проорала, яростно взбрыкивая всеми конечностями, что ее сестра “старая шлюха”, это чуть не кончилось для юной цыганки плачевно...».

Случайно собранные, истории людей из глубинки обыкновенно заканчиваются самым простецким «Дождя бы. Картошка пропадает» [там же]. А автор «за кадром» словно признает, устало – только с дороги – вздыхая: такова жизнь.

...

Провинция как социально-культурный феномен у писателя самобытна, верна тому, что принято называть «честью» и «добрым именем». Она консервирует в себе то, что в жизни суетной крайне нестабильно и даже уязвимо. Поэтому, пожалуй, Лихачеву как автору хочется возвращаться к ней, «проходить» очередную дорожку за пределом условного городского кольца.

Литература

1. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2019.
2. Громов М. Н. Максим Грек. URL: <https://bookitut.ru/Maksim-Grek-1.11.html>
3. Довлатов С. Д. Компромисс. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2018.
4. Лихачев В. В. Дневник путника. Тверь : Рус. провинция, 2003.
5. Лихачев В. В. Кто услышит коноплянку? : роман. М. : Сибирская Благовонница, 2007.
6. Лихачев В. В. Автобиография. URL: <http://www.liha.ru/autobiography.html>
7. Ницше Ф. Дионисийское мировоззрение / пер. И.Эбаноидзе. М. : Культурная революция, 2005.
8. Соколов-Микитов И. С. Давние встречи : [воспоминания]. Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1976.

¹ Лихачев работал корреспондентом в родном городе, позднее в городе Дубне. – *Примеч. автора.*

Д. Р. Хисамутдинова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
(Астана, Казахстан)

Научный руководитель – Е. А. Журавлева

ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ МИР СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (на материале эргонимов г. Уфы)

Аннотация. В статье анализируются эргонимы в сфере общественного питания г. Уфы. Предпринята попытка лексико-семантической классификации наименований заведений общественного питания, выявлен их семантический потенциал. Сделаны выводы относительно современных тенденций в процессах создания эргонимов и их роли в трансформации лингвокультурного пространства города.

Ключевые слова: эргонимы, язык города, лексико-семантическая классификация эргонимов, лингвистический ландшафт.

В современной лингвистической науке особый интерес представляет исследование ономастического пространства полиэтничных стран, в которых функционируют и взаимодействуют несколько языков. Представленности русского языка в казахстанском ономастическом пространстве посвящены работы Е. А. Журавлевой [1]. По утверждению А. В. Суперанской, сегодня актуальным «объектом ономастических исследований являются имена собственные всех видов, присутствующие в словарном составе любого языка, изначально ему присущие или заимствованные из других языков» [5, с. 7]. В том числе исследование эргонимов, как объекта ономастически науки.

В лингвистике существуют разные подходы к определению того, что является эргонимом. Некоторые исследователи называют широкое и узкое значение этого термина. В широком смысле под эргонимами понимают слова, называющие деятельность учреждения (аптека, магазин, ресторан, кафе), указывающие на правовую принадлежность (ОАО, ЗАО, МБОУ), а также наименования организаций (Первая, Монолит, Дружба) [2, с. 188]. В узком смысле «под эргонимами понимаются лишь собственные имена предприятий различного функционального профиля: делового объединения людей (научного, учебного, производственного учреждения), коммерческого предприятия (агентства, банка, магазина, фирмы), объекта культуры (кинотеатра, клуба, развлекательного учреждения, театра, парка), спортивного заведения (комплекса, стадиона)» [1, с. 13].

В сфере нашего внимания эргонимы, обозначающие указанное на вывеске название коммерческого предприятия, которое функционирует в сфере услуг общественного питания, а именно – наименования ресторанов, кафе, баров и т. д. Исследование названий вывесок в сфере общественного питания в современной лингвистике особенно актуально, так как ономастические именованные заведений сложились относительно недавно, в последние два десятилетия. Возникший в конце прошлого столетия «ономастический бум» привел к росту

городского ономастикона, в частности эргонимов, как названий коммерческих предприятий.

Важно отметить, что эргонимы играют большую роль в формировании лингвистического ландшафта города, включающего все формы существования языка в жизненном пространстве города или региона, а также методы изучения этой жизни языка, сосуществования и соотношения нескольких языков в общественном пространстве многоязычного города или региона [3, с. 18].

Лингвистический пейзаж города включает в себя исследование городского текста. Городской текст – это звучащая и письменная речь, представленная в городе в виде вывесок, объявлений, указателей, инструкций, постеров. Все эти тексты выполняют три основные коммуникативные задачи: 1) привлечение внимания к какому-либо языковому явлению, 2) оптимизация его восприятия, 3) принятие его содержания реципиентом.

Эти задачи, стоящие перед текстом, имеют непосредственное отношение и к эргонимам. Среди главных задач эргонимов в условиях полиэтнической среды городского текста можно назвать следующие: привлечение и удерживание внимания адресата, провоцирование положительных ассоциаций и понятливость среди широкого слоя городского населения.

Большой интерес для исследования эргонимов представляет Уфа – столица Республики Башкортостан, в которой на сегодняшний день проживают более ста национальностей: русские, башкиры, татары, мордва, марийцы, чуваша, удмурты, азербайджанцы, узбеки и пр. Такой полиэтничный состав города формирует особый лингвистический ландшафт, где функционируют эргонимы на трех языках: русском, башкирском и английском.

Важно отметить, что зачастую русские и башкирские названия предприятий общественного питания написаны кириллицей, поэтому трудно определить к какому языку относится тот или иной эргоним. Мы же в своем исследовании в качестве эргонимов на башкирском языке будем рассматривать названия с тюркским корнем в основе и наименования со специфическими знаками, присущими только башкирскому языку: к, ғ, ҫ, з, һ, ү, һ, ә.

Нами было проведено статистическое исследование на базе электронного справочника «2ГИС» для подсчета эргонимов на русском, башкирском, английском языках. В качестве основного исследовательского материала были использованы наименования общественного питания в количестве 135, из них на русском языке – 73 (55 %), башкирском языке – 26 (20 %), английском языке – 33 (25 %). Также нами были предприняты попытки классифицировать собранные эргонимы по лексико-семантическим группам.

1. Эргонимы с компонентом-антропонимом.

Эргонимы с компонентом-антропонимом на русском языке

- Собственные имена: кафе Мадина халяль; кафе Лель; столовая Элисс; кафе Бахор; кафе Настя; кафе Медина; столовая Зухрушка; бар Силен; кафе Кристина; кондитерская Мария; шашлычная У Самвела; кафе Эврен; столовая Алан; кафе Умар; кафе у Ашота; столовая Лира.

- Фамилии: Бар Синебрюхов; бар Сергеевский.

- Литературные имена, имена из кинофильмов: бар Ной; гастронаб Мориарти, бар Шерлок Холмс; бар Робин Гуд; кафе Емеля; ресторан Мастер и Маргарита; ресторан Поручик Бруснецов; шашлычная Дим Димыч; бар Баба Яга; кафе Алладин; ресторан Шахерезада.

- Имена известных исторических личностей: ресторан Пастернак; ресторан Суворов; ресторан Рудольф Нуреев; кофейня Феллини; ресторан Маяковский; ресторан Чингисхан; ресторан Ломоносов.

Среди эргонимов с компонентом – антропонимом на русском языке (37) наибольшее количество представляют названия, связанные с прецедентными именами (18): писателей и поэтов (Маяковский, Пастернак), режиссеров (Феллини), персонажей из сказок (Емеля, Баба Яга, Алладин, Шахерезада, Робин Гуд), кинофильмов и литературных персонажей (Мориарти, Шерлок Холмс, Поручик Бруснецов), исторических личностей (Суворов, Рудольф Нуреев, Чингисхан, Ломоносов).

Эргонимы с компонентом – антропонимом на башкирском языке

- Собственные имена: ресторан Айгөл; столовая Ихлас; столовая Акбар; столовая Алан; столовая Минас; кафе Нур; столовая Мәдинә хәләл; кафе Султан; кафе Байтуған.

На башкирском языке самой репрезентативной категорией являются эргонимы, содержащие в составе собственные имена (9). Среди них актуальным является использование эргонимов религиозного характера (Ихлас, Мәдинә хәләл, Султан) – названия мусульманских кафе и ресторанов.

Эргонимы с компонентом – антропонимом на английском языке

- Собственные имена: ресторан Lulu; ресторан Eva; ресторан Jonny cake; кофе-булочная Maxime; паб Morris pub; кафе Lizi; кафе Helena bistro; ресторан Salivan, кафе Oliver; банкетный зал Emiliya; кафе Esmeralda, кафе Benjamin; кондитерская Molly.

- Фамилии: ресторан Kurman.

- Литературные имена, имена из кинофильмов: ресторан Augustin.

- Имена известных исторических личностей: кофейня Dostoevsky.

На английском языке также как и на башкирском языке, наиболее частотными являются эргонимы, обозначающие имена собственные (11), как правило, иноязычные антропонимы (Salivan, Oliver, Esmeralda). Заметим, что латиницей могут быть написаны и имена российских личностей (Dostoevsky).

2. Эргонимы с компонентом – топонимом

Эргонимы с компонентом – топонимом на русском языке

- Макротопоним (название крупного географического объекта): кафе Азия; ресторан Филадельфия; ресторан Греция; ресторан Огни Востока; ресторан Башкирия.

- Астионим (собственное название города): кафе Стамбул; ресторан Ереван; ресторан Ханой; ресторан Самарканд; ресторан Венеция; ресторан-паб Анталья; хинкальная Бухара; гриль лаундж Эврен.

- Урбаноним (название внутригородского объекта): кафе Проспект Октября; кафе на улице Цурюпы; банкетный зал на Пушкина; гриль-бар Бульвар.

Среди эргонимов с компонентом – топонимом на русском языке преобладают собственные названия городов – астионимы (8). Названия данной категории эргонимов связаны со спецификой функционирования ресторанов (Ханой – ресторан вьетнамской кухни; Венеция – итальянской).

Эргонимы с компонентом – топонимом на башкирском языке

- Ороним (название гор, впадин): кафе Актау; кафе Урал Тау; бар Шихан; кафе Торатау; кафе; Ирэндек (баш. горный хребет).

- Астионим (собственное название города): кафе Стамбул; ресторан Ереван; ресторан Ханой; ресторан Самарканд; ресторан Венеция; ресторан-паб Анталья; хинкальная Бухара; гриль лаундж Эврен.

Среди эргонимов на башкирском языке наиболее частотными в употреблении являются названия гор, холмов, впадин – оронимы (5), обозначающие наименования горных цепей, которые находятся на территории Республики Башкортостан (Актау, Урал Тау, Торатау, Шихан).

Эргонимы с компонентом – топонимом на английском языке

- Макротопоним (название крупного географического объекта): ресторан Godji; столовая Terra Bashkiria; кафе Bali Island coffee.

- Астионим (собственное название города): паб Dublin; pub ресторан Monaco; кафе-гриль Amsterdam; ресторан Halpton by Hilton Ufa; кафе Sherwood house; столовая Samarkand; чайхана Istanbul.

На английском языке, также как и на русском языке, самыми актуальными являются эргонимы-астионимы (9).

3. Метафорические эргонимы – названия, связанные с домашним уютом, родственными отношениями

- Русский язык: ресторан Хачапури тетушки Мариико; кафе Семейное; ресторан Дом башкирской кухни; столовая Мамины вкусняшки; ресторан Как дома; кафе Уют; кондитерская Изба; кафе Старый очаг; кофейня Мама варит кофе; кофейня Счастье; кафе Свои; кафе Все свои; кафе Своя компания; ресторан Свояк.

- Башкирский язык: кафе Зур Нэнэй (баш. бабушка); кафе Картатай (баш. дедушка); донерная Атай гриль (баш. папа гриль); ресторан Якташ-халяль (баш. свояк) кафе Якташлар (баш. свояки), грильбар Яраткан (баш. любящий).

- Английский язык: ресторан Chat house; шашлычная Life; кафе Central family; кафе Petrushka family; кофейня Coffee house; кофейня Loveandcoffee.

Среди метафорических эргонимов, обозначающих домашний уют, родственные отношения на русском языке (15) репрезентативными являются названия, содержащие в своем составе лексему «свой» (Свои, Все свои, Своя компания, Свояк).

На башкирском языке эргонимы (6), обозначающие родственные отношения (Зур Нэнэй (баш. бабушка); Картатай (баш. дедушка); Атай гриль (баш. папа гриль)).

На английском языке эргонимы (4), символизирующие семью и дом (Chat house; Central family).

4. Метафорические эргонимы, показывающие специфику тюркской культуры

• Русский язык: ресторан Чак-чак; ресторан Караван-халяль; кафе Сытый батыр; кафе Кубыз.

• Башкирский язык: ресторан Бай хан (баш. богатый хан); ресторан Акбузат (баш. персонаж тюркского фольклора и мифологии, богатырский конь-добродетель); кафе Алтын юрта (баш. алтын юрта); банкетный зал Курай; кафе Аманат (тюрк. вверенное на хранение, надёжность).

Метафорические эргонимы, показывающие специфику тюркской культуры функционируют в ономастическом пространстве Уфы только на двух языках – русском (4) и башкирском (5). Такого рода наименования в большинстве случаев отражают национальные особенности Республики Башкортостан, обозначая, в свою очередь, названия персонажей башкирского фольклора (Аманат, Акбузат, Бай хан), названия атрибутов башкирских кочевников (Алтын юрта, Караван-халяль), а также наименования тюркских музыкальных инструментов (Курай, Кубыз).

Анализ эргонимов на русском, башкирском и английском языках показал, что наиболее часто употребляемыми наименованиями заведений общественного питания являются эргонимы на русском языке – 73 (55 %), в частности, наименования, содержащие в составе антропоним – 37 (27 %). Эргонимы на башкирском языке составляют 26 (20 %) и английском языке 33 (25 %). В башкирском языке доминируют эргонимы, связанные с народными традициями и историей Башкортостана – 11 (8 %), что свидетельствует о желании с помощью башкирских наименований привлечь внимание потребителей через национальную самоидентификацию. В английском языке – эргонимы, номинирующие пространство города и его объекты. Такого рода номинации выполняют, прежде всего, информативную функцию, уточняя действительное расположение объекта, выстраивают определённый лингвистический пейзаж города.

Таким образом, изучение эргонимов особенно актуально в современной лингвистике. Во-первых, эргонимы отражают полифоничный язык города, являются передатчиками полилингвального языкового сознания горожан. Во-вторых, эргонимикон является ярким примером визуального представления о языке, так как наименования заведений носят не только коммерческий характер, но и познавательный.

Литература

1. Журавлева Е. А. Эргонимы как отражение диалога языков // Гуманитарные проблемы миграции: социально-правовые аспекты адаптации соотечественников в Тюменской области / под ред. И. С. Карабулатовой, Г. С. Корепанова. Тюмень : Вектор Бук, 2006. Ч. I. С. 129–137.

2. Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города: (на примере деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007.

3. Захарова-Саровская М. В. К вопросу об эргономии // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2018. № 3. С. 187–191.

4. Пешкова Н. П. Зоны потенциального конфликта в лингвистическом ландшафте политического города // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2017. № 4. С. 16–22.

5. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов ; отв. ред. А. П. Непокупный. Изд. 2-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.

Цзан Вэйчэнь

Китайский нефтяной университет

(Пекин, Китай)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Работа посвящена анализу особенностей и культурной коннотации числовых фразеологизмов в русском и китайском языках. Сопоставительный анализ числовых фразеологизмов в этих двух языках может помочь понять особенности двух языков, преодолеть языковые барьеры и способствовать взаимному общению двух народов.

В работе представлены развитие и особенности русско-китайских фразеологизмов и числовых фразеологизмов, противопоставляется и анализируется их структура, исследуются сопутствующие культурные значения русско-китайских числовых фразеологизмов и делаются соответствующие выводы, которые помогают уточнить их понятие, выделить структурные сходства и различия и более глубокие культурные значения, включенные в них.

Ключевые слова: русские и китайские фразеологизмы с числительными; конструкция фразеологизмов с числительными; культурные коннотации; сравнительный анализ.

Никто, ни русские, ни китайцы, не чужд фразеологизмам. Можно сказать, что фразеологизмы тесно связаны с нашей повседневной жизнью, учебой и работой. Как в русском, так и в китайском языках существует множество фразеологизмов, имеющих долгую историю возникновения и формирования, и понять их – значит понять культурные явления, соответствующие обоим языкам.

В русском языке фразеологизмы состоят не менее чем из двух слов, которые обозначают нечто единое по смыслу. Связи и отношения между словами в составе фразеологизма тесные и спаянные. В отличие от русского языка, где наименьшей языковой единицей является слово, наименьшей языковой единицей в китайском языке является китайский иероглиф. В связи с этим китайские фразеологизмы обычно состоят из четырех китайских иероглифов.

Некоторые исследователи также называют фразеологизмы в узком смысле идиомами. Данная работа посвящена сравнительному анализу сходств и различий между китайскими и русскими числовыми фразеологизмами, поэтому мы определяем объект нашего исследования как фразеологизмы в широком смысле, то есть русские числовые пословицы и устойчивые словосочетания и китайские числовые чэнъюи. Фразеологизмы – это языковые единицы, которые богаче по смыслу, чем слова, и имеют грамматическую функцию, эквивалентную словам, богаты глубоким идеологическим подтекстом, коротки и лаконичны, легко запоминаются и используются. По значению фразеологизмы – это семантически неделимый оборот, значение которого совершенно не выводимо из значений составляющих его компонентов. Фразеологизмы в обоих языках имеют такую особенность.

Числа имеют не только количественное значение, но чаще всего наделяются глубоким культурным подтекстом. Использование чисел в фразеологизмах также очень распространено и богато по смыслу. В работе рассматриваются русско-китайские числовые фразеологизмы, содержащие часто употребляемые числа. Приведём примеры:

Таблица 1

Русские пословицы и устойчивые словосочетания с числом “1”

Пословицы и устойчивые словосочетания	Объяснение
один в поле не воин	отдельный, одиночный
все до одного	(все) без исключения, полностью
в один голос	единодушно, единогласно

Таблица 2

Китайские чэньюи с числом “1”

Чэньюй (объяснение)	Чэньюй (объяснение)
一鸣惊人 (с первых же шагов потрясти своими успехами)	一心一意 (всею душою стремиться)

Как видно из таблиц, русские фразеологизмы, содержащие цифру 1, состоят из некоторых слов, и структура и состав которых не фиксированы, но семантическая целостность неделима. А китайские чэньюи с числом “1” состоят из четырех китайских иероглифов с относительно фиксированной структурой и составом, причем цифра 1 может повторяться, но ее семантическая целостность тоже не делима.

Употребляя числовые фразеологизмы в живой речи, надо учитывать их происхождения и стилистическую окраску. Почему слово номер один используется в пословице “Один в поле не воин”, где один на самом деле относится к тому, что какой-нибудь человек или индивид – это очень малое или незначительное. Ведь одиночество уязвимо, невозможно одолеть врагов.

В китайском чэньюе “一鸣惊人” тоже есть иероглиф “一”, который не обозначает количество, а скорее впервые, в первый раз, и это значение тоже тесно связано с историей. А с точки зрения культурной коннотации один из китайско-русских числовых идиом может обозначать полный, самостоятельно неделимый и количественно малый. Даже в некоторых фразеологизмах один имеет переносное значение.

Таблица 3

Русские пословицы и устойчивые словосочетания с числом “2”

Пословицы и устойчивые словосочетания	Объяснение
ни два ни полтора	нечто неопределенное
два сапога – пара.	один другого не лучше
одним ударом убить двух зайцев.	сразу выполнить два нужных, важных дела

Пословицы и устойчивые словосочетания	Объяснение
в двух шагах.	очень близко
похожи, как две капли воды.	совершенно, очень сильно похож

Таблица 4

Китайские чэньюи с числом “2”

Чэньюй (объяснение)	Чэньюй (объяснение)	Чэньюй (объяснение)
二话不说 (Без возражений; без лишних слов)	独一无二 (есть только один, нет два)	两面三刀 (Низко кланяется, но больно кусает, т. е. быть двуличным)

Вполне очевидно, что число два также очень часто используется в русско-китайских фразеологизмах. По составу и структуре они почти не отличаются от фразеологизмов с числом один. Фразеологизмы, содержащие два числа, в изобилии встречаются как в китайском, так и в русском языках. Например, в русском языке есть пословица одним ударом убить двух зайцев, и в китайском языке есть чэньюй “独一无二”, “两面三刀” и т. д.

Следует отметить, что в китайской культуре и языке существует два китайских иероглифа, которые могут выразить количество два, т. е. иероглифы “二” и “两”. Они используются немного по-разному. При обозначении цифр, порядковых номеров и чисел обычно используется “二”, например, два, двенадцать, двадцать тысяч по китайски соответственно “二”, “十二”, “二万” и т. д. Иероглиф “两” используется только перед сотнями, тысячами, миллионами и миллиардами, и в основном используется в разговорной речи. К примеру, “两万”, “两百万”, “两亿” и пр. Можно сказать, это первая причина в том, что в китайских чэньюях эти два иероглифа нельзя изменять по своему желанию. А вторая причина основана на общей особенности русского и китайского языков – неизменности структуры и состава числовых фразеологизмов, где нельзя заменить ни словами, ни китайскими иероглифами.

Таблица 5

Русские пословицы и устойчивые словосочетания с числом “3” “4” “5”

Пословицы и устойчивые словосочетания	Объяснение
заблудиться в трёх соснах	не разбираться в самых простых вещах
в три ручья.	плакать, безудержно, горько, обильно проливая слезы
в три погибели.	гнутья очень низко
в четырех стенах	жить, не выходя из дому
конь – на четырёх ногах, и тот спотыкается.	ошибаться может каждый
знать как свои пять пальцев.	хорошо знать
пятое колесо в телеге.	об абсолютно ненужном

Китайские чэньюи с числом “3” “4” “5”

Чэньюй(объяснение)	Чэньюй(объяснение)
三人成虎(верить слухам)	一日三秋 а) томиться в разлуке; б) медленно тянется время.
四大皆空(мирская суета, суета сует)	低三下四(унизительный, унижаться)
学富五车(обладать обширными познаниями)	五湖四海 (во всех концах [уголках] страны)

Согласно этим фразеологизмам и их соответствующим значениям становится ясно, что числа три, четыре и пять имеют различные культурные коннотации среди двух разных этнических групп, и что фразеологизмы, которые они образуют, имеют относительно разный смысл. Числа во фразеологизмах больше не относятся к конкретным количественным значениям, а скорее являются символами культуры какого-то народа.

Число три у многих народов священное. В Библии упоминается самое известное число три — это Троица, которая представляет Бога в трёх личностях: Бог — отец, Бог — сын и Святой дух. Например: заблудиться в трёх соснах. Бог любит троицу.

Число “три” имеет для китайцев особое значение. В китайской даосской мысли число три представляет “Дао” и “все вещи”. Оно указывает на происхождение вещей и иногда может означать очень много. Например, в контексте семьи три означает удачу, успех и гармонию; в контексте карьеры три означает славу и удачу, а также успех во всех делах; в контексте любви люди любят использовать фразу “три жизни”, чтобы передать пожелание, что влюбленные будут вместе долгое время, поэтому три также означает “вместе навсегда”.

В русском языке не так много фразеологических единиц с цифрой «четыре», поскольку оно по сравнению с другими числами менее окрашено: «Сидеть в четырех стенах», «идти на все четыре стороны».

В китайском языке четыре тона, и каждый китайский иероглиф имеет свой тон, а произношение слова “四” пересекается со словом “死”, которое переводится как “смерть”. В связи с ярко-негативным значением близкого по звучанию слова, китайцы стараются избегать употребления цифры 四 или же используют ее в выражениях с крайне отрицательной коннотацией.

В русском языке фразеологизмов с цифрой пять немного. Пять в русской культуре подразумевает единство человека и космического пространства [1]. Поскольку число находится в середине первых десяти цифр, цифра пять также символизирует завершенность, порядок, баланс и связь.

В китайской культуре пять — это освященная цифра, которая является кодом для различных комбинаций отношений между большей и меньшей вселенными, таких как пять элементов, пять направлений, пять металлов, пять чувств, пять органов, пять элементов, пять путей, пять заповедей и т. д. До первого упоминания Пяти элементов в Шан Шу уже существовали фразы с “пятью”, такие как Пять ритмов, Пять костюмов, Пять обрядов и др. Так что число пять для китайцев считается благоприятным.

Русские пословицы и устойчивые словосочетания с числом “7” “9” “10”

Пословицы и устойчивые словосочетания	Объяснение
семь пятниц на неделе	о том, кто часто меняет свои решения
работать до седьмого пота	очень много трудиться
девятый вал	грозная, несокрушимая сила
десятая вода на киселе	то есть дальний родственник
попасть в десятку	попасть точно в цель

Китайские чэньюи с числом “7” “9” “10”

Чэньюй(объяснение)	Чэньюй(объяснение)
七步成诗(сложить стихи, пока делаешь семь шагов)	七手八脚 (в суматохе)
九霄云外 (на девятом (седьмом) от счастья)	十有八九 (почти наверняка, в большинстве случаев)
十全十美 (совершенный во всех отношениях)	十指连心 (близость, привязанность)

В русской культуре фразеологизмы с числом “семь” обычно имеют значение “много”. В выражениях цифра семь представляет собой не точное количество, а неопределенное. Например, пословица “Семь раз отмерь, один раз отрежь” означает, что перед тем, как сделать, решить что-либо ответственное, серьезное, тщательное нужно несколько раз подумать. Фразеологизм “семь пятниц на неделе” обозначает, что человек много раз изменяет свои намерения[2]. Семь – это один из священных чисел. В христианстве говорится о семи грехах и семи таинствах.

В традиционной китайской культуре “семь” – это гармония инь и ян и пяти элементов. Это то, что конфуцианство называет состоянием “гармонии”, а даосизм – “дао” и “ци”, и оба эти понятия тесно связаны с “добром” и “красотой”.

Цифра “9” – «Окончание пути». Число «девять» – символ всеобщего успеха, полного совершенства. Число «девять» находится в непосредственной связи и зависимости от числа «три». Числа «три» и «девять» находили особое применение и в бытовых отношениях [3].

Девять часто обозначает больше всего, бесчисленное количество в китайском языке. “九” также имеет то преимущество, что звучит как “久”, т. е. “длинный”, и, подчеркивая и повторяя число “девятку”, он также имеет символическое значение “долголетия”, что делает его еще более популярным среди древних.

Некоторым ученым считается цифра десять завершающим и объединяющим. И это тоже универсальное число.

В Китае число десять символизирует состояние жизни, в котором все хорошо, и представляет собой лучшее из того, что есть. Древние китайцы считали

десять признаком полноты, поэтому “десять” также означает полный, завершённый, или на самом верш, как в десяти пунктах, или полный.

Цифра является кристаллизацией человеческой мудрости и результатом развития цивилизации [4]. По сравнению фразеологизмов с числительными в двух языках, мы пришли к следующим выводам: фразеологизмы и фразеологизмы с числительными имеют устойчивый состав как в русском, так и китайском языках. Фразеологизмов имеют неизменяемую форму. Нельзя добавить что-либо в состав фразы. Русские фразеологизмы с числительными состоят из двух или более слов. Китайские фразеологизмы обычно состоят из четырёх иероглифов. Количество чисел во фразеологизмах является неопределённым, в них содержат одно, два, три и даже четыре числа. Позиция, занятая числами во фразеологизмах не ограничивается. Это не имеет определённого правила. Что касается культурной коннотации, одинаковые числа в разной культуре имеют различные значения. Таким образом, для всех учащихся, в процессе изучения русского и китайского языков, восприятие данной темы очень важно.

В связи с изменениями, происходящими в современном мире, развитием взаимоотношений между Россией и Китаем, в настоящее время требуются высококвалифицированные кадры, способные качественно осуществлять переговорную деятельность с учётом национальной специфики стран. Одним из центральных компонентов китайского языка, проникающим практически во все сферы деятельности людей, являются фразеологические единицы. Помимо трудности распознавания их в тексте, значительных усилий требует сам перевод. Таким образом, понимание культуры двух стран не только глубже помогает гуманитарному обмену народов России и Китая, но и способствует деятельности перевода.

Литература

1. У Фан, Чжан Синь. Сопоставление самобытности культур через фразеологизмы с цифрами «пять» и «семь» в русском и английском языках // Евразийский союз ученых. Филологические науки. 2017. № 3(36).

2. Соловьева Е. М. Роль числительных в пословицах и фразеологизмах русского языка // Юный ученый. 2019. № 8 (28). С. 14–21.

3. Мамонова А. А. Числа в русских народных сказках, пословицах и поговорках. URL: <https://files.school-science.ru/pdf/3/33439.pdf>

Б. В. Черенкова

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)*

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ КОНТЕКСТ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Аннотация. В статье анализируются особенности ономастического пространства современного города с позиции отражения в городской номинации ценностных установок и ориентиров его жителей. Автор анализирует коннотативные и фоновые значения семантики онимов, формирующие ценностно-смысловой контекст городского ономастического ландшафта, приводит в качестве примера наименования, используемые в урбанистическом пространстве города Тулы.

Ключевые слова: оним, ономастический ландшафт, ценностно-смысловой контекст.

Ономастическое пространство современного города формируется под влиянием множества факторов, главные из которых связаны с особенностями социально-экономического, социокультурного и политического развития общества в границах определённой временной дистанции. Динамичность городского ономастического пространства является отражением динамического развития современной городской среды, при этом социально-политические изменения, характеризующие тот или иной исторический период, лежат в основе формирования трех типов городских ономастиконов, соответствующих трём историческим эпохам: дореволюционной, советской, постсоветской [2, с. 106].

Ономастический ландшафт современного города представляет собой лингвокультурное пространство, специфику которого определяют в том числе ценностные установки его жителей. Ценностно-смысловое содержание городских онимов определяется их функциональной спецификой. Отметим, что наряду с номинативной и дифференцирующей функциями городские наименования выполняют информативную и директивную функции. Так, с одной стороны, ономастический городской облик отражает ценностные ориентиры и установки городских жителей, с другой стороны, оказывает положительное или негативное воздействие на человека, внедряя в сознание и подсознание людей определённые идейные ценности. Как справедливо отмечает И. В. Бугаева, анализируя влияние городской номинации на графику и орфографию современного русского языка, городские надписи совсем не безобидны, поскольку, «нарушая нормы русского языка и методические основы преподавания орфографии, во-первых, ... закрепляют в памяти людей ошибочные написания, а во-вторых, воспитывают небрежное отношение к родному языку и необязательность в соблюдении правил [1, с. 23]. Через язык и посредством языка формируется российская идентичность, сохраняется историческая преемственность поколений, складывается мировосприятие человека, воспитывается отношение к национальной культуре, традиции, родине.

Исследования ономастического ландшафта современного города, способов номинирования и влияния номинирующего онима на субъектное восприятие различных наименований приобретают чрезвычайную актуальность в настоящее время.

Ономастический ландшафт современного города складывается из названий городских улиц, районов, площадей, переулков, скверов, парков, а также различных заведений, предприятий, компаний. Немаловажная роль отводится вывескам, афишам, рекламе.

Семантика онима как наименования различного рода городских объектов обнаруживает наличие целого ряда коннотативных и фоновых элементов, в совокупности формирующих ценностно-смысловой контекст городского ономастического пространства.

Городские онимы включают наименования, которые, с одной стороны, отражают национально-культурную специфику народа, а с другой стороны, являются отражением исторического и современного развития города, менталитета его жителей. Приведём примеры онимов города Тулы.

Так, в наименованиях тульских улиц находят отражение исторические события, происходившие в городе (переулок *Болотникова* (восстание 1606–1607 г.), улица *Демонстрации*, площадь *Восстания* (первая рабочая политическая демонстрация 1903 г.); имена и фамилии персоналий, сыгравших значимую роль в истории города (улица *Жаворонкова*, улица *Лескова*, улица *Смидович*, улица *Демидовская Плотина*), религиозно-культурные верования жителей (улица *Рождественская*, улица *Донская*, улица *Дмитриевская*), занятия и ремёсла, виды производственной деятельности туляков (*Большие и Малые Гончары*, улица *Горняцкая*, улица *Металлургов*). Названия храмов, монастырей, религиозно-культурных объектов отражают верования жителей города (*Всехсвятский кафедральный собор*, *Благовещенская церковь*, *Преображенский храм*, *Богородичный Щегловский монастырь*, *часовня Никиты Великомученика*).

Самобытность, региональная индивидуальность города находит свое отражение в мемориальной топонимии, а также в прямых директивных наименованиях. Подобного рода онимы передают культурно-историческую специфику Тулы как города оружейников (*Баташевский сад*, *Демидовская улица*, *улица Мосина*, *улица Оружейная*, *улица Курковая*, *улица Ствольная*, *улица Арсенальная*), города мастеров (*улица Самоварная*, *улица Гармонная*, *Пролетарская набережная*, *ул. Белобородова*), города-героя (*улица 9 Мая*, *площадь Победы*, мемориальный комплекс «*Три штыка*»). Следует отметить, что гимн города Тулы включает названия улиц, определяющих символическое своеобразие города, его историческую значимость для страны.

Особое место в лингвокультурном пространстве города отводится текстам городской вывески. Вывеска как динамичный речевой продукт, реагирующий на изменения смыслового поля культуры, в сжатой, обобщённой форме отражает мировосприятие и мироощущение городского социума. Изучение текстов городских вывесок позволяет выделить две тенденции, связанные с процессами, происходящими в России и мире:

1. Тенденция к многоязычию как фактор проявления глобализации.

Данную тенденцию отражают тексты городской вывески, в которых прямо используется иностранный язык (преимущественно латиница). Широко практикуется также использование иноязычной лексики в русской графике (*FotoSreda, FIRST, Genatsvale, WhatElse, Стейк-хаус, Зебимлз*).

2. Тенденция к сохранению национальной самобытности.

В данную группу онимов входят названия, в которых используются следующие виды наименований: отражающие специфику дореволюционного периода (*Подворье, Сударь, Аптека, Трактирь, Дворянское собрание*); отражающие специфику советского периода (*Советский спорт, Советская чебуречная, Столовка СССР*); передающие региональную и национальную символику (*Пряник, Левша, Самоваров Град, Теремок, Щи-Борщи, Матрёшки, Гармони деда Филимона, Берендей*); содержащие исконно русские имена и их формы (*Пётр Петрович, Анна Степановна, У Палыча, Баба Маня*), фразеологизмы (*Печки-лавочки, Семь пятниц*). К данной группе также относятся наименования, включающие слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*Чехольчик, Магази́нчик, Ёлочка*). Особую группу наименований в контексте информационно-смысловой нагруженности составляют тексты, в состав которых включена оценочная лексика (*Счастливый взгляд, Уютный дом, Модный ребёнок, Садовый рай*).

Таким образом, исследование текстов городской вывески позволяет сделать вывод о наличии в социуме двух взаимоисключающих тенденций, с одной стороны, тенденции к унификации, ведущей к утрате национального своеобразия, региональной и национальной культурной традиции, с другой стороны, ориентацию на национально-региональную культурную модель, основу которой составляет опора на исторически обусловленные ценности и традиции жителей городского социума.

Литература

1. Бугаева И. В. Современная городская номинация и её влияние на графику и орфографию русского языка // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой памяти Б. И. Осипова и М. П. Одинцовой; отв.ред. О. В. Золтнер. Омск : Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2019. С. 23–26.

2. Шмелева Т. В. Ономастика : учеб. пособие. Славянск-на-Кубани : Изд. центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013.

М. Н. Шевченко

*Мозырский государственный педагогический университет
им. И. П. Шамякина (Мозырь, Беларусь)*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА – ИНСТРУМЕНТ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования духовно-нравственного мира личности школьника в процессе изучения художественной литературы, которая позволяет учащимся овладеть духовной культурой, народным опытом, обычаями, моральными нормами и представлениями, которые имеют ценностно-смысловую значимость для социальной общности.

Ключевые слова: нравственность, личность, художественная литература, искусство, духовно-нравственное воспитание, духовное развитие, учащийся, идеал, ценностные ориентации, культура, художественная правда, литературное образование.

Определяющая роль в духовно-нравственном воспитании принадлежит искусству и, в частности, художественной литературе, которая является основным способом духовно-практического освоения человеком мира и является важнейшим условием преемственности нравственного воспитания: традиционного и научного, религиозного и светского, семейного и школьного, классного и внеклассного. Оно соединяет традиции и содержащееся в них общечеловеческое начало с национальным, поселенческим и другими формами повседневного бытия, оценивая его с позиции нравственного идеала, и тем самым, как бы перебрасывая мост от настоящего к будущему, возможному состоянию, вооружает критериями своего самосовершенствования. «Суть нравственности, – как считает В. С. Библер, – обнаруживается и сосредоточенно формируется в поэтике той или иной культуры, более того, нравственность всегда есть тождество эстетических и собственно этических определений этой культуры. Соответственно в каждой культуре есть особая форма эстетической, даже и резче – художественной деятельности, в которой человек этой эпохи осознает свои нравственные интенции, воображает, отстраняет и исправляет их, и именно на основе такого поэтического отстранения доводит эти интенции до полной силы и ума, обращает их на себя, превращает их в феномен самоустремленности» [2, с. 20].

Духовно-нравственное воспитание средствами художественной литературы уже в силу присущих ей особенностей как бы воспроизводит, моделирует основные этапы духовного развития учащегося, включая его сознательные и бессознательные “механизмы”, процесс целенаправленного овладения смыслами культуры. Искусство позволяет изменить бытие человека, условия его существования за счет своеобразного удвоения действительности и изменения своего отношения к ней, значительного расширения свободы нравственного выбора в виде моделирования образцов поведения, способов осмысления действительности и своего отношения к ней. Оно есть выражение потребностей человека в образно

символическом выражении и переживании значимых моментов своей жизни. Оно создает для человека «вторую реальность» – мир жизненных переживаний, выраженных специальными образно-символическими средствами, и как бы становится основой культуры. Искусство создает своеобразный идеальный мир, в виде образов прекрасного, безобразного, доброго и злого.

Духовно-нравственное воспитание средствами художественной литературы как разновидностью искусства, укорененного в культуре, не может осуществляться исходя лишь из естественнонаучных принципов, из которых исходит дидактическая теория. Воспитание здесь не соотносится лишь с воспитательной реальностью, практической деятельностью, системой средств психического развития человека. Оно ориентировано не на реальную практику, а на социально-культурную идеализацию, на апеллирование идеальными образами в виде тех или иных ценностей, идеалов и представлений об эталоне. Эти эталоны не имеют аналога в реальной действительности, но на их основе как раз и проектируются различные формы социальной действительности в виде возможного и должного. Они предстают обычно в виде особой виртуальной действительности, выраженной в тексте произведений и существенно отличаются от теоретических моделей опытно-рационального познания субстанциональных, материально-вещественных основ жизни, основных форм ее детерминации. «Если на уроках истории, физики и т. д. учитель должен, прежде всего, способствовать процессу последовательного систематического понятийного мышления школьников, то на уроках по искусству у учителя совсем другая задача – создавать условия для того, чтобы в сознании учащихся возникали художественные и интимные чувства, рождалось эмоциональное отношение к действительности, к знаниям, к самому себе» [1, с. 43]. Литературное познание имеет дело с идеальными образованиями в виде ценностей «добра», «справедливости», «совести», «долга», в основе которых лежит не простое отражение отдельных эмпирических фактов поведения людей в виде категориального анализа, а нравственные нормы, характерные для соответствующих культур, цивилизаций, эпох, исторического времени. Художественная правда, содержащаяся в литературном произведении, не тождественна научной истине. Отражение действительности происходит здесь не с позиции объективно заданного, а с позиции передового эстетического идеала. «...Именно ясная осознанность лучших традиций, жизненная включенность в них и памяти усвоения уроков прошлого способствует воспитанию духовной зрелости, сохранению нравственного здоровья, развитию способности к подлинному самосовершенствованию, достойному выбору дальнейшего исторического пути» [5, с. 9].

Исходным пунктом социально-педагогического проектирования нравственного воспитания выступает здесь уже не сама по себе педагогическая теория и экспериментальная проверка ее истинности и педагогической эффективности, а социально-культурная практика или педагогическая онтология, организация жизнедеятельности взрослых и детей. При этом детско-взрослая общность рассматривается как основное пространство развития ребенка как субъекта и личности, а не как объекта целенаправленного воздействия на него извне.

Литературное образование имеет дело прежде всего с художественным текстом как формой выражения субъективного опыта и ценностного отношения к миру, а не с научными знаниями, которые выступают как нечто внешнее по отношению к нему и от него независимое. Литературное образование выступает как вид социокультурной деятельности, трансляции субъективного опыта, ценностей и смыслов соответствующей культуры, ее идеалов и норм на основе изменения, коррекции, трансформации внутреннего духовно-нравственного мира личности, который находится в неразрывной взаимосвязи и взаимообусловленности с этнокультурными, региональными, поселенческими, половозрастными и другими социокультурными условиями его зарождения и развития. И в этой социокультурной деятельности определяющая роль принадлежит духовно-нравственному воспитанию личности, исходящему из исторически сформировавшегося в данных географических, климатических и других условиях духовности народа, нации, жителей региона (поселения) и постоянно изменяющихся нравственных ценностей, нравственных идеалов, образцов поведения. «Школьники живут и действуют в пересекающихся измерениях социума и социокультурных практик, обогащая свой социокультурный опыт, осваивая социальные роли, социокультурные нормы (групповые, общественные) субкультур, присваивая общечеловеческие, общественные ценности, овладевая универсальными учебными действиями, а также способами социального и профессионального поведения, необходимые для того, чтобы стать ответственными гражданами своей страны. На основе социокультурной практики воссоздается система ценностей обучающихся, осуществляется интеграция в общечеловеческую и национальную культуру» [4].

Литературное образование помогает человеку контактировать с окружающей средой, но не ограничивается лишь этим. В процессе изучения художественной литературы учащиеся овладевают духовной культурой, народным опытом, концентрируемым в соответствующих ритуалах, обычаях, верованиях, моральных нормах и представлениях, которые имеют ценностно-смысловую значимость для соответствующей социальной общности. Например, сказка для маленького ребенка имеет куда большее значение, чем любая теория. Эмоциональное отражение действительности здесь вполне компенсирует отсутствие абстрактно-логического анализа за счет развития самосознания ребенка и его духовного мира. Они и обеспечивают саморазвитие, не имеющее ничего общего с жесткими логическими схемами ролевого поведения.

Благодаря этой своей особенности художественная литература и литературное образование выступают в качестве важнейшего условия социализации и индивидуализации личности учащихся. Осуществляемая с помощью средств художественной литературы социокультурная деятельность не направляется одной лишь мыслью, т. е. не выступает лишь как мыследеятельность, а является результатом культурно-исторической эволюции общества. Социокультурное состояние общества и его отражение в художественном тексте в виде типичных для него характеров, нравственных позиций, своеобразной правды жизни – основное условие духовно-нравственного воспитания средствами художественной литературы. Оно не привязано жестко к идеологии и политике государства,

а ориентировано главным образом на потенциал развития национальной и народной культуры, идею саморазвития. Практика здесь есть не просто мыследеятельность, а совокупность верований, представлений, чувств, обычаев, настроений, нравственных норм, направляющих деятельность и другие формы активности человека, в том числе восприятие и оценку им действительности. Сама же художественная литература предстает как важнейший инструмент конструирования социокультурной практики в виде своеобразного синтеза реальных и виртуальных форм общения или общения, основанного на непосредственных контактах человека с человеком (с другим индивидом, с группой, обществом) и опосредствованное через текст книги взаимоотношение человека со всем многообразием человеческой цивилизации, прошлой и современной ему. Читая «Повесть временных лет» или «Иллиаду», «Легенду о Тристане и Изольде», мы не только воссоздаем в своем воображении образы давно минувшего и неведомого нам времени, но и переживаем информационную и эмоциональную ситуацию общения.

Переживая то, что мы читаем, что воспринимается на экране кинематографа или телевизора, словом – наслаждаясь искусством во всем объеме и многообразии, мы в то же время находимся в состоянии живого человеческого общения, но на базе эстетической иллюзии. Оставаясь иллюзорным по форме, такое общение не менее значимо для человеческой культуры, чем общение непосредственное, живое, чем конкретное действие. Оно становится ничем не заменимым в сфере духовно-нравственного воспитания, так как постоянно расширяет горизонты духовно-нравственного опыта, предоставляя в наше распоряжение многообразные ситуации нравственного выбора, что пережить их в своем непосредственном опыте просто не хватило бы жизни. При этом с помощью средств художественной литературы личности учащихся задаются правила игры, характеризующие процесс социализации как на уровне традиционного механизма усвоения эталонов, норм, установок, характерных для соответствующего народа, нации, конкретного региона, типов поселений, так и на уровне субъективных культур, межличностных отношений, индивидуальной рефлексии и внутреннего диалога.

И нравственное воспитание здесь вовсе не предполагает морализирование и назидание. Оно связано с узнаванием учащимся себя, отождествлением себя с одним из литературных героев, переживанием его проблем, его судьбы как собственной. Это особенно отчетливо проявляется, например, в творчестве Л. Н. Толстого, в котором определенная стратегия воспитания воплощается в реальные формы нравственного поведения. «Такое превращение абстрактных, немых потенциалов в нечто реальное, появление в личности того, чего в ней раньше не было и без чрезвычайных условий могло бы совсем не быть составляет одну из заветных, основных идей толстовского человековедения» [3, с. 71].

Часто художник не дает общего решения проблемы. Он ищет ее решение в каждом конкретном случае, заставляя соприкоснуться в подростке лично человеческое и историческое и высматривая, что из этого получится. Такой подход

характерен, например, для творчества Ф. М. Достоевского и, в частности, в его романе «Униженные и оскорбленные».

Таким образом, нравственное воспитание личности с помощью искусства осуществляется не абстрактно-категориально, а эмоционально-образно, не теоретически, а духовно-практически, прежде всего, с помощью приобщения к традициям и обычаям народа, духовного совершенствования человека за счет овладения им соответствующими нравственными идеалами. Именно благодаря такой духовности человек находит в себе чувство внутренней свободы, веру, волю, эмоциональное состояние, самосознание, менталитет, ценностные ориентации, убеждения, нравственные и этические воззрения. С помощью их он обретает внутреннюю силу сопротивления той части мира, которая господствует над ним, обретая смысл своего существования и свою субъективность, свою индивидуальность.

Литература

1. Берхин Н. Б. Психолого-педагогическая специфика художественного образования школьников // Педагогика. № 2. 1995.
2. Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность. М. : Знание, 1990.
3. Днепров В. Д. Идеи, страсти, поступки. Из худож. опыта Достоевского. М. : Сов. писатель, 1978.
4. Николина В. В., Фефелова О. Е. Социокультурная практика в современном образовании // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 4. URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2016/4/24915.pdf> (дата обращения: 19.02.2023).
5. Чаадаев П. Я. Цена веков. М. : Мол. гвардия, 1991.

Шэнь Вэньцзюнь, Сунь Лэй

Пекинский университет иностранных языков
(Пекин, Китай)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ПОВЕСТИ «ШИНЕЛЬ» И В РАССКАЗЕ «МУМУ»

Аннотация. Образ «маленького человека» имеет непреходящее художественное очарование в истории русской литературы. Основная причина заключается в том, что многие поколения писателей внесли свой вклад в развитие этого литературного образа. Повесть «Шинель» и рассказ «Муму» являются двумя замечательными примерами, которые могут показать непрерывное развитие образа «маленького человека». В данной статье сравнивается внешний и внутренний облик Башмачкина и Герасима, чтобы найти сходство и различие образов двух героев.

Ключевые слова: «Шинель», «Муму», образ «маленького человека», материальность, естественность.

Большое внимание уделялось образу «маленького человека» в русской литературе 19 века с появлением реализма. Его образ не только является уникальным и ярким пейзажем в галерее русских литературных образов, но и сохраняет непреходящее художественное очарование. Основной причиной служит то, что последующие поколения Пушкина, благодаря которому в русской литературе появился этот тип литературного героя, непрерывно развили этот образ и превзошли своих предшественников в создании такого рода героев. «Шинель» (1839-1841) и «Муму» (1852) – это два замечательных примера, которые могут показать непрерывное развитие образа «маленького человека».

«Шинель» был создан Н. В. Гоголем, когда он обратил внимание на жалчайшего и бездарнейшего «маленького человека». Писатель описывает трагическую судьбу бедного чиновника Акакия Акакиевича Башмачкина с целью раскрытия накапливавшихся долго зла и уродства в обществе. По сравнению с Гоголем, в рассказе «Муму» И. С. Тургенев не только указал крепостное право в качестве политической системой, поддерживавшей царское самодержавие и убивавшей человечность «маленького человека», но и наделил своего героя Герасима духом сопротивления угнетательскому порядку в реальном мире. Таким образом, несмотря на то, что Тургенев был последователем «гоголевской школы», в связи с наличием различных концепций между писателями в создании образа «маленького человека», существует больше различий между героями Башмачкиным и Герасимом во внешнем и внутреннем облике, чем их сходств.

Отличие Башмачкина от Герасима по внешнему облику.

По внешности Башмачкин и Герасим довольно сильно отличаются друг от друга. В начале повести «Шинель» Башмачкин описывается как титулярный советник, который низенького роста, выглядит уродливым из-за преждевремен-

ного старения. Лицо его всегда принимает скромное выражение. Чтобы подчеркнуть скромность внешнего вида Башмачкина, Гоголь употреблял уменьшительно-ласкательные слова (суффиксы -еньк и -оват-, -еват-), словосочетания «наречие» и «прилагательное» (несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько подслеповат). А в начале рассказа «Муму» Герасим описывается как высокий, крепкий но глухой и немой крестьянин-инвалид. Однако Глухонемой не считает свою инвалидность большой проблемой, он своим трудом обретает достоинство и уважение. Кроме того, использование сравнения и числа может сделать образ Герасима более конкретным. Например, его рост составляет двенадцать вершков роста, он может легко молотить трёхаршинным цепом, у него продолговатые и твердые мышцы как рычаг, весь человек так же силен, как дерево на плодородной почве, или похож на молодого быка.

Низкий и уродливый образ Башмачкина и высокий и крепкий образ Герасима были созданы писателями с намерением, потому что в произведениях мы можем видеть, что внешний облик двух персонажей совпадает с их жизненными ценностями. Например, Башмачкин работает переписчиком в каком-то департаменте. Судя по характеру этой профессии, самое главное качество данной профессии – это монотонность. Для прекрасного выполнения работы нужно только переписывать всё, что печатано в официальных документах. Башмачкин строго соблюдает ту «заповедь» и ни разу не делает какие-либо изменения в текстах. Раз он даже отказался сделать отношение, в котором лишь нужно переменить заглавный титул и некоторые глаголы из первого лица в третьем. Многолетнее переписывание сделало Башмачкина покорным. Так как он уже привык к сознательному подчинению принципу его действительности, его человеческая природа была подавлена, тем более, он потерял достоинство как личности. Печальнее, что переписывание представляет почти всё в его жизни, и он текущим состоянием своей жизни наслаждается. Гоголь использовал гиперболу с целью усиления пристрастия Башмачкина к своей профессии. Например, он видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щеку, тогда замечал он, что он на середине улицы. После работы приходя домой, он наскоро ел всё, не замечая мух в еде, потом опять переписывал бумаги. Башмачкин так любил свою работу, что наслаждение выражалось на лице его, когда он занимался переписыванием. Если он добирался до букв, которые были его фаворитами, то он «и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами» [5, с.65], так что в его лице можно было прочесть всякую букву. Следовательно, из-за аномальной любви к буквам Башмачкин обречён на незначительность, более того, такую любовь не нужно какой-либо великой мыслью поддержать. А речь идёт о Герасиме, то благодаря своей необычайной силе он может работать за многих людей, к тому же, по словам писателя, его безмолвие как раз придаёт его работе торжественную важность. Хотя Герасим, как Башмачкин, любит свою работу, но в его жизни существует не только работа, но и другие вещи. Например, он любит Татьяну, часто идёт туда, куда она пойдёт, навстречу ей улыбается, мычит, машет руками и ленту подарит, также, не разрешает другим обидеть её. Когда он

узнал, что барыня решила женить другого слуга на Татьяне, и наконец осознал, что он никак не мог её спутником жизни, сначала он был возмущён, но потом принял этот факт. Когда Татьяна уходила из усадьбы, Герасим подарил ей красный бумажный платок, который он купил с год тому назад. Тогда Татьяна прослезилась и по-христиански три раза поцеловалась с ним. Итак, в отличие от Башмачкина, Герасим не рассматривает то, что он любит, как одно в жизни. Если он имеет возможность любить, то он изо всех сил стремится к любви, но если он не видит ни капли надежды в этом деле, то он не позволяет себе проиграть в борьбе с несчастьем, он будет жить дальше.

Отличие Башмачкина от Герасима по внутреннему облику

В повести «Шинель» и в рассказе «Муму» рассматривается то, что Гоголь выделяет «материальность» маленького человека, тогда как Тургенев подчёркивает «естественность» своего героя. Дело в том, что «Шинель» – это вещь, «Муму» – это собака, то есть животное как воплощение природы. «Материальность» и «естественность» могут объяснить не только большую разницу в образах Башмачкина и Герасима, но и то, почему после потери один выбрал смерть, а другой выбрал сопротивление власти.

В «Шинели» Башмачкина характеризует «материальность». Сначала его тянет к буквам, а потом он отдал всю душу изготовлению новой шинели. Как видите, по сути буквы и шинель являются вещами, которые действительно существуют в мире. В какой-то степени буква считается самой незначительной материей, а шинель обладает всеми свойствами материи. Так как всё, что Башмачкин любил с самого начала до конца жизни, включая буквы и новую шинель, было мёртвым, а не живым, он давно уже потерял жизненную силу. Более того, подчинённое состояние Башмачкина никогда не изменилось. Он сначала подчинялся буквам, став переписывающей машиной, потом находился под контролем шинели, которая тянула его в бездну, где вещь является хозяином человека. Следовательно, из-за длительного подавления человеческой природы его душа оказалась тоже мёртвой. В произведении смерть его души воплощает отсутствие желаний, которые другие люди обычно имеют. Башмачкин не только не любит развлекаться, но и не интересуется любовью и отношениями. Он всю жизнь живёт холостяком, не любит женщину и не любим никакой женщиной, так что смешно, что он позже рассматривает шинель как свою невесту, тогда как она мало-помалу его душит. Когда он в биологическом значении ушёл из жизни из-за того, что не нашел потерянную шинель, Гоголь нарочно возвращал его в земной мир как привидение, который был готов отомстить. Башмачкин сдирал шинель с плеч прохожих до тех пор, пока не наткнулся на генерала, который не только не помог ему найти шинель, но и сделал ему строгий выговор. Он забрал шинель генерала, затем исчез, с тех пор совершенно прекратилось его появление. Очевидно, что Башмачкин отомстил не за что и не, как шинель, поэтому здесь ещё раз подчеркивается «материальность» Башмачкина.

В отличие от Башмачкина, Герасим характеризуется «естественностью». Поскольку он вырос в деревне, Герасим обладает простотой, трудолюбием и энергичностью. Труд не утомляет его, а позволяет ему стать более бодрым,

полным жизненных сил. Также, вместо того, чтобы отрицательно сказаться на его жизни, физический дефект Герасима в какой-то степени «помогает ему избежать вторжения зла из внешнего мира, чтобы он сохранил душевную чистоту» [7, с.102]. Можно сказать, что Герасим счастливее Башмачкина, потому что после потери Татьяны он мог обратить внимание на Муму. Хотя Муму не человек, но как животное она умная, понимает эмоции человека, так что в сопровождении с собакой Герасим остался человеком с душой, который имеет чувства. Это имеет в виду то, что он может и радоваться, и возмущаться, ещё грустить и разочароваться. Например, когда Муму продали без ведома Герасима, он сразу пришёл в смятение, с самыми отчаянными знаками спрашивал о собаке. Через такие дела, как «истомлённый вид», «неверная походка», «запыленная одежда», «всю ночь охал» [5, с.120] мы можем чувствовать его грусть. Однако когда Муму нашла дорогу обратно, его настроение вновь поднималось. А когда ему пришлось убить Муму, мы видим, как он переносил большое горе. Именно это горе вместе с гневом в душе вызвали его сопротивление помещице. Без разрешения барыни он покинул усадьбу. Итак, Герасим смел вырываться из контроля барыни, потому что у него есть живая душа, есть чувства, эмоции и умение терпеть горе, которое приносит беду в жизни. Тем более, все эти элементы составляют естественность. Это качество позволяет Герасиму сделать великое решение, которое Башмачкин никак не может совершить.

Сходство Башмачкина и Герасима в социальном положении

С одной стороны, Башмачкин и Герасим противоположны по образу. С другой стороны, так как оба они принадлежат к типу «маленького человека», они живут без положения и терпят унижение человеческого достоинства. В «Шинели» и «Муму» мы можем более отчётливо видеть, как герои подвергаются социальному угнетению. Хотя истории в «Шинели» и в «Муму» созданы на разных фонах, одна происходит в чиновничьей среде, а другая в усадьбе, где показывают сложные отношения между помещицей и её дворней, но фабула двух произведений в какой-то степени совпадает: маленький человек хотел было спокойно прожить свою жизнь, но что-то неожиданное ворвалось в его жизнь и оказало на него разрушительное влияние. Всё кажется случайным, но эти трагедии на самом деле вызваны злом в авторитарном обществе. В произведениях так называемое «зло» воплощается в обществе как безразличие к беде другого человека, культ власти и издевательство сильного над слабым.

Если такого рода зло причиняют маленькому человеку, то прежде всего, эта группа людей трудно приспосабливается к коллективной жизни, так что они часто замыкаются в свой тесный кружок. Например, Башмачкин и Герасим являются таким человеком, который довольствуется своим жребием и только хочет обращать внимание на свои дела. Они думают, что если они держат всё в порядке, то никакие бедствия их не найдут и их мирной жизни не испортят. Однако мы видим, что коллеги Башмачкина считают его чудаком и постоянно насмеются над ним. Кроме того, после того, как Башмачкин купил новую шинель, которая привлекла большое внимание его коллег, он был приглашен на вечеринку. Наивный Башмачкин впервые думал, что его коллеги наконец-то приняли его

в свой круг, но на самом деле его шинель просто была поводом для проведения вечера, никто не поистине заботился о нём, поэтому Башмачкину всё-таки не удалось войти в мир его коллег. То же подобное происходит и с Герасимом, которого по воле пожилой барыни забирают из деревни в город, чтобы он работал для неё. Привыкши давно к деревенской жизни, в усадьбе Герасим был как пойманный зверь, часто вдруг уходил куда-нибудь в уголок, бросался на землю лицом и целые часы лежал на груди неподвижно. Через ряд странных действий мы можем ощутить его ужасную скуку от жизни в усадьбе и бесконечную тоску по деревне. Несмотря на то что позже он привык к городской жизни, он по-прежнему держит дистанцию с окружающими людьми. Дело в том что потеря слуха и голоса уже заранее отделяет его от других слуг, которые часто общаются без его присутствия. Тем временем вся остальная прислуга боится его богатырского сложения, что Герасим в душе тоже хорошо знал, поэтому иногда он использует это право, чтобы они не сумели его обидеть. Но когда барыня придиралась к Герасиму, из-за страха перед авторитетом слуги решили стать на сторону помещицы. В результате, после потери сначала любимой девушки, потом верного друга Муму, Герасим вернулся в деревню, но как мы видим, он всё ещё был один. На этот раз он сам сделал такой выбор – дожить свою жизнь в одиночестве. Прежние испытания оставили его без ожиданий по отношению к миру.

Во-вторых, зло общества лишает человеческого достоинства и права распоряжаться своей судьбой маленького человека, который и без того находится в невыгодном положении. К примеру, смерть Башмачкина после потери шинели можно объяснить тем, что его умом владеет иллюзия, что шинель позволяет ему получить уважение в коллективе, при этом он никак не смог от такой идеи освободиться и в конце концов впал в крайность. Но это лишь одна из причин его смерти. Если мы рассмотрим его смерть с социальной точки зрения, то сначала можно представить себе случай, когда после того, как Башмачкина ограбили, коллеги его, полицейские и генерал оказали бы ему искреннюю помощь найти потерянную шинель. Тогда даже если бы шинель не отыскали, вряд ли Башмачкин пришёл бы в отчаяние до смерти. Шинель заставляет Башмачкина увидеть равнодушие, подозрительность и лицемерие окружающих людей. Особенно речь идёт о притворной ярости генерала и его строгом выговоре Башмачкину без всяких оснований, потому что именно его капризность уничтожила надежду Башмачкина найти шинель, на которую опирается вся жизнь бедного переписчика. Таким образом, можно сказать, что шинель и общество вместе задушили нашего героя. Кроме того, план мести призрака, составленный Гоголем для Башмачкина, также показывает, что писатель пессимистически относится к борьбе маленького человека с социальной несправедливостью, утверждая, что «в земном мире маленький человек не в силах бороться против зла в обществе» [5, с.100]. Что касается Герасима, то крестьянское происхождение обрекает его на то, что судьба крестьян полностью зависит от помещиков. Таким образом, мы должны видеть в рассказе не только великодушие и благородство Герасима, который простил Татьяну и своими руками убил Муму, чтобы защитить достоинство и человека, и собаки, но и то, что Герасима как быка взяли и отправили в усадьбу работать,

то, что он не смог жениться на своей возлюбленной, даже не в состоянии оставить за собой животного как его единственного друга. Нужно отметить, что Герасим стал благородным не по своей воле, в какой-то степени его заставили сделаться благородным из-за крепостного права. Даже если он был в самое отчаянное время, ему пришлось слушаться приказа барыни, а барыня могла сделать все угодное возможное, чтобы достичь своей цели. Следовательно, когда мы видим, что он вернулся в деревню, но не общался с женщинами и не держал ни одной собаки, мы понимаем, что это не столько большое разочарование героя в мире, сколько жестокое лишение людей самых драгоценных эмоций. Кроме того, ещё надо обратить внимание на образ Герасима как глухонемого. Инвалидность героя означает молчаливое сопротивление, и такого рода сопротивление появится не в других местах, а только у беспомощных крестьян.

Заключение

В заключение, Гоголь и Тургенев соответственно создали образы маленького человека Башмачкина и Герасима для русской литературы. Судя по внешней и внутренней характеристике персонажей, портреты двух героев в целом очень различаются. В повести «Шинель» Башмачкин — это низкий, уродливый, покорный переписчик с духовной нищетой, тогда как в рассказе «Муму» Герасим является высоким, крепким, твёрдым по натуре и справедливым крестьянином с душой. Но самая важная разница в образах двух героев заключается именно в их разных натурах. Башмачкин характеризуется «материальностью», а Герасим — «естественностью». Материальность делает человека рабом вещей, тем самым заставляет его потерять жизненную силу. Естественность помогает, чтобы человеческая душа всегда была свежей и становилась более твёрдой. Таким образом, перед неожиданным ударом первый не выдержал его и умер, а последний из всех сил боролся за права человека и смело защищал своё достоинство, поэтому можно сказать, что Герасим превосходит Башмачкина духом. Говоря о сходстве между персонажами, мы видим, что Гоголь и Тургенев оба согласны с тем, что зло общества стало важным фактором, влияющим на судьбу маленького человека, поэтому они резко критиковали бюрократический строй в России и основу ее политики — крепостное право. Одним словом, «Шинель» и «Муму» отражают соответствующее восприятие двумя писателями положения маленького человека и его реакции на бедствия. Ещё можно видеть, что Тургенев впитал мысли Гоголя и своими идеями обогатил образ маленького человека, и оба они внесли очень важный вклад в развитие этого литературного образа.

Литература

1. Хуан Синьфэн. О сатирических приемах в «Шинели» Гоголя // Изучение русского языка. 2011. № 5. С. 52–54.
2. Хань Ваньчжоу, Эпштейн М. Движение от «маленького человека» к «положительно прекрасному» — переписчики под пером Гоголя и Достоевского // Рус. лит. и искусство. 2019. № 3. С. 71–78.

3. Пэн Цихуа. Большая трагедия маленького человека – свободная беседа о повести Гоголя «Шинель» // Исследование по зарубежной литературе. 1979. № 2. С. 50–52.

4. Жэнь Цзифэн. История русских романов. Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 2010.

5. Ван Лие. Интерпретация и художественный анализ шедевров русской литературы: (романы). Пекин : Изд-во по обучению иностр. яз. и их исследованию, 2015.

6. Ван Вэйвэй. Анализ символики в романе Тургенева «Муму» // Вестн. Института Чифэн. 2013. № 34. С. 171–172.

7. Ян Чжунцзю. Конфликт между чистотой природы и жестокостью самодержавия // Художественный анализ шедевров. 2006. № 3. С. 100–104.

Научное издание

**МОЛОДЁЖЬ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ЭПОХИ:
КУЛЬТУРА, АРТЕФАКТЫ, ЦЕННОСТИ**

***Материалы XI Международной
научно-практической конференции***

Минимальные системные требования:
Intel Celeron 1700 MHz и выше,
128 Мб RAM, 300 Мб на винчестере, ОС Microsoft Windows 7 и выше;
дисковод CD-ROM 2x и выше, SVGA 64 Mb; мышь.

Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого.
300026, Тула, просп. Ленина, 125.
www.tsput.ru. E-mail: info@tsput.ru
Объем данных: 5,1 Мб.

Подписано к использованию: 10.08.2023.
Заказ 23/10. «С» 1989.